

Василий

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000033850853

Джексонов

Остров Личность

ВАСИЛИЙ
АКСЕ
НОВ

Остров Личность

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А41

Оформление серии *Андрея Саукова*

Фотография на корешке:
© Лев Шерстенников / Russian Look

В оформлении переплета использована
репродукция картины «Калининград. Дождь», 1968 г.,
художника Юрия Пименова (1903–1977)

Аксёнов, Василий Павлович.

А41 Остров Личность / Василий Аксёнов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Большая проза. Василий Аксёнов).

ISBN 978-5-699-99502-8

«Остров Личность» — уникальная книга, в которую вошли очерки и публицистика Василия Аксёнова, в том числе его выступления на радио, ранее не публиковавшиеся.

Аксёнов никогда не абстрагировался от несчастий окружающего мира, отвергал возможность уединения в «башне из слоновой кости». «Я, как писатель, абсолютно независим, я — анархист, куда меня понесет перо, туда я и поплыву, не обращая ни на кого внимания. Но как гражданин я считаю себя обязанным принимать участие в политической жизни, хотя бы отчасти», — считал он.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аксёнов В. П., наследники, 2017
© Есипов В. М., предисловие, составление, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99502-8

Содержание

Виктор Есипов

НОВАЯ ВСТРЕЧА С КЛАССИКОМ 7

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ И ВРЕМЕН

Путешествие к Катаеву 17

Простак в мире джаза, или баллада о тридцати бегемотах. . . . 26

Дерзкий гость 44

В защиту писателя 48

Диссидент 50

Предисловие к книге Славы Курилова «Один в океане» 55

Университет как метафора 58

«Он не читатель, а писатель» 72

Мой кайф 74

Самарский фестиваль 80

Искаженная оптика 88

Американские ретроспекции 92

У самого синего моря 95

ПУБЛИЦИСТИКА

Не надо перезахоранивать Деникина.

Поставьте ему памятник 101

Язык курятника 104

Алхимический Лимон, или Зимние Воспоминания

о Летних Впечатлениях 108

Письмо Борису Ельцину	138
Люди и демоны	141
Странности ностальгии	147
Поколение XX съезда	152

РАДИОДНЕВНИК ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

Звонок из Москвы	170
Московские гости	178
Писатель и кино	182
Писатель и телевидение	187
Василий Аксенов и Владимир Войнович о писателях-«деревенщиках»	191
Встреча с московскими артистами	201
В защиту Салмана Рушди	206
Беседа Василия Аксенова с Сергеем Юрьененом	211
Летящий от России ветер	222
Воспоминания о выборах	230
Остров Личность	234
Человеческий фактор	242

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ НА «ЭХО МОСКВЫ»

«Эхо Москвы», 10 августа 2000 года	255
«Эхо Москвы», 23 января 2002 года	265
«Эхо Москвы», 23 ноября 2002 года	277
«Эхо Москвы», 19 сентября 2004 года	298
«Эхо Москвы», 11 декабря 2004 года	317
«Эхо Москвы», 3 июля 2005 года	346
«Эхо Москвы», 25 марта 2007 года	374
«Эхо Москвы», 23 сентября 2007 года	406

Новая встреча
с классиком

В этом году Василию Аксенову исполнилось бы 85. К сожалению, он не дожид до этой даты, его не стало восемь лет назад. Многие случилось за эти годы. Нельзя сказать, что мы живем совсем уж в другой стране, но изменения, произошедшие в любезном отечестве и в душах массы людей, потрясли бы Василия Аксенова, явись он вдруг между нами. Предпосылки для этих произошедших за время его отсутствия глобальных изменений закладывались, конечно, еще при его жизни, и он решительно выступал против возврата к прошлому как в своих радио- и телевизионных выступлениях, так и своим творчеством. В связи с этим приходится в который раз, вспоминая о нем, перефразировать название его ранней повести: жаль, Василий Павлович, что вас нет сегодня с нами!

Его отсутствие сегодня, быть может, в какой-то степени возместит настоящее издание, составленное из его выступлений в печатной периодике, а также в отечественном и зарубежном радиоэфире, никогда не публиковавшихся ни в одной из его книг.

Замысел этого издания возник, когда материалы американского архива писателя, вошедшие в три предыду-

щие книги, составленные автором этих строк, оказались исчерпанными. Остались лишь магнитофонные записи его лекций для студентов-славистов американского Университета им. Джорджа Мейсона, в котором профессор Василий Аксенов преподавал в течение 18 лет, вплоть до лета 2004 года. Но эти материалы целесообразно было бы издать отдельной книгой. Правда, материалы, посвященные преподавательской деятельности известного писателя, есть и в настоящей книге — они будут упомянуты чуть позже.

А эта книга составлена, как уже отмечено, исключительно из опубликованных в периодике, а потом затерявшихся там аксеновских текстов, а также его выступлений на зарубежных радиостанциях во время эмиграции и на отечественном «Эхе Москвы» после возвращения (вначале частичного, а затем и в полной мере) на родину.

Публикуемые аксеновские тексты охватывают весьма солидный временной промежуток, насыщенный многими историческими событиями, важнейшим среди которых явилась смена политического режима в стране, произошедшая в 1991 году.

Кроме воспоминаний представлен наполненный сарказмом рассказ «Дерзкий гость», публиковавшийся лишь в эмигрантском издании «Третья волна» (1980), но вызванный к жизни реалиями, запечатленными в сознании автора еще до отбытия в эмиграцию; здесь же литературные репортажи с Таллинского джазового фестиваля 1967 года и с Самарского фестиваля 2002 года, посвященного 150-летию знаменитого города на Волге; заявка на художественный фильм «Диссидент» о семерых смельчаках, вышедших на Красную площадь, чтобы выразить протест позорному вторжению советских войск в

Чехословакию в августе 1968 года; эссе «Университет как метафора», посвященное собственной преподавательской деятельности автора, и другие, совершенно разнородные материалы.

Поэтому первый раздел книги и называется «На стыке жанров и времен».

В него же входят два небольших рукописных эссе начала нового тысячелетия «Искаженная оптика» и «Американские ретроспекции», обнаруженные в рабочей тетради Аксенова (остатки американского архива).

Во второй раздел вошли вещи откровенно публицистические, печатавшиеся в России уже в постсоветские времена, в частности впечатления от поездки по европейским странам после распада Советского Союза — «Алхимический лимон» (1993); от поездки в Израиль — «Люди и демоны» (2004). Сюда же вошли наблюдения писателя над удручающим его изменением лексики и стиля словесного общения в постсоветской России — «Язык курятника» (2004). Исключение составляет интервью молодых Василия Аксенова и Андрея Вознесенского польскому еженедельнику «Политика» 2 марта 1963 года, накануне так называемой встречи представителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле. Интервью, оказавшееся в центре внимания на упомянутой встрече и вызвавшее гневную отповедь и угрозы со стороны руководителя СССР Никиты Хрущева.

Следующий раздел книги, «Радиодневник писателя», состоит из выступлений Василия Аксенова на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки» во время эмиграции, не вошедших в книгу «Десятилетие клеветы» (2004). Основная их часть приходится на годы горбачевской перестройки (1988—1990), но есть и выступления в более позднее время: «Беседа с Сергеем Юрьененом»

(1991), где опять затрагивается тема преподавательской деятельности писателя, а также «Человеческий фактор» (1992) и «Остров Личность» (1992). Последнее выступление, давшее название всей книге, посвящено проблеме, которую еще со времени написания своего романа «Остров Крым» Аксенов всегда принимал близко к сердцу, то есть судьбе Крыма. Проблема Крыма уже и тогда, в 1992 году, создавала остроту в политических отношениях между двумя вновь возникшими государствами — Россией и Украиной. Отталкиваясь от своего знаменитого романа, Аксенов видел возможность образования независимой республики Крым под совместной эгидой двух братских стран-соседей: «Не нужно цепляться за стереотипы, можно найти устраивающую все три стороны новую формулу крымской ограниченной государственности. Ну предположим, пусть это называется Независимая Республика Крым под эгидой Украины и России», — предлагал писатель.

Предложение в определенной степени реалистичное для 1992 года. Но, к сожалению, за последние годы ситуация настолько изменилась, что теперь то давнее предложение Аксенова выглядит абсолютной утопией в духе его романа...

Последний раздел составляют выступления писателя на «Эхе Москвы», где он всегда был желанным гостем. Их всего восемь — столько удалось найти на сайте радиостанции. Первое датировано 10 августа 2000 года, последнее, связанное с 75-летием писателя, — 23 сентября 2007-го. Оно в полном смысле слова оказалось последним, оставалось менее четырех месяцев до несчастья, случившегося с Василием Аксеновым.

Все тексты, представленные в книге, свидетельствуют о кровной заинтересованности знаменитого писателя

в успешном развитии своей страны как в экономическом плане, так и в создании честных и открытых для общества политических институтов.

Аксенов никогда не абстрагировался от проблем и несчастий окружающего мира, отвергал возможность уединения в «башне из слоновой кости», как это проповедают в наши дни некоторые его коллеги и даже друзья.

О своей приверженности идеям свободы и демократии он сам замечательно сказал в выступлении на «Эхе Москвы» 10 августа 2000 года: «Я, как писатель, абсолютно независим, я — анархист, я могу куда угодно, куда меня понесет перо, туда я и поплыву, не обращая ни на кого внимания. Но как гражданин я считаю себя обязанным принимать участие в политической жизни, хотя бы отчасти. Вот, например, в 1996 году никто меня не звал сюда, ни с кем я никаких договоров не заключал, а сам приехал, чтобы участвовать в борьбе против блока левых сил, против избрания Зюганова президентом. И никто меня совершенно не тянул, и, пользуясь своим доступом к телевидению и к радио, я все-таки бурно проводил именно эту политику».

Своей активной гражданской позиции Василий Аксенов не изменял никогда.

Виктор Есинов

На стыке жанров
и времен

Путешествие к Катаеву¹

Утром за мной заезжает мой долговязый друг², и мы отправляемся в гости к Катаеву. Мы едем по Ленинградскому проспекту, мимо двадцатипятиэтажной этажерки Гидропроекта, дальше мимо парка, в котором притаился загадочный ресторан «Загородный», мимо Тушинского аэродрома, под бледным утренним небом, по которому едет, именно едет, кургузый учебный самолетик, сворачиваем на Кольцевую, проворачиваемся вокруг мотеля — мимолетные лукавые улыбки, — выезжаем на Минское шоссе, минуем всенародно известный поселок³, левый вираж — ох, долговязый, как ты лих! — и катим в Переделкино.

По «Аллее Мрачных Классиков»⁴ шествует Валентин Петрович. Впереди клубочком белой шерсти катится собачка Степан, позади тащится старый переделкинский хулиган — внутренне благородный пес Миша. Аллея возмущена, но молчит.

Катаев приветствует нас и кричит через забор:

¹ Опубликовано: Юность, 1967, № 1.

² Евгений Евтушенко.

³ По-видимому, Кунцево.

⁴ Улица Серафимовича в Переделкино.

— Эстер, приехали мовисты!

Цитирую:

«...я являюсь основателем новейшей литературной школы мовистов, от французского слова mauvais — плохой, — суть которой заключается в том, что так как в настоящее время все пишут очень хорошо, то нужно писать плохо, как можно хуже, и тогда на вас обратят внимание; конечно, научиться писать плохо не так-то легко, потому что приходится выдерживать адскую конкуренцию, но игра стоит свеч, и если вы действительно научитесь писать паршиво, хуже всех, то мировая популярность вам обеспечена»¹.

Мы проходим через двор, где подрастающий мовист Павел Катаев пинг-понгом выгоняет из себя лишнюю прыть, поднимаемся в крепкий зеленый дом по маленькой лестнице, которая порой кажется нам немислимо широкой и бесконечно длинной, как знаменитая лестница в Одессе.

Мы сидим в удобных креслах, в окружении белых стен, а за окнами, за желтой листвой в голубых прорехах проплывают серебристые ладьи с Внуковского аэродрома, а где-то в небольшом отдалении просвистывает электричка, проносясь мимо Трех Сосен, мимо Святого колодца, мимо всей этой малой земли, окруженной индустриально-аграрным пейзажем.

Катаев гуляет по Переделкину со странными фонариками в глазах. И во время дружеской беседы, и во время чаепития, а может быть, и во сне под закрытыми веками в глазах его светятся эти фонарики. Это фонарики сочинительства. Мне кажется, что Катаев сочиняет всегда. Этот процесс заполняет всю его жизнь, и вызван

¹ Валентин Катаев. Святой колодец.

он не многолетним литературным навыком, а самой сутью этого большого писателя. Может быть, он вообще никогда не спит?

Не спи, не спи, художник,
не предавайся сну...

Валентин Петрович Катаев рожден на этой земле для того, чтобы быть писателем. Это как раз тот самый редкий случай осуществившегося предназначения. Написав эти строки, я вспомнил стихи Станислава Куняева:

С утра болела голова,
Но хуже то, что надоела
Старинная игра в слова,
А я не знал иного дела.

Боже мой, сколько уж раз и меня посещало это гадкое чувство! Бьюсь об заклад, что оно неведомо Катаеву. Впрочем, тут Валентин Петрович может легко поймать меня за руку.

Веселое хищное око — вот исключительный дар этого человека, свойственный только самым тонким художникам России. Память сердца, память глаз, носа, кончиков пальцев — это свойства человека, предельно неравнодушного к жизни, то есть истинного писателя.

Я прочел «Белеет парус одинокий», когда был в возрасте Пети Бачея или немного старше. Чувство, которое я испытывал при чтении этой книги, сейчас я могу назвать очарованием — тогда я не знал этого слова. Помните, как Петя купается в море, как он ныряет, как Павлик наслаждается дыней, как Гаврик пьет воду «Фиалка», как на горизонте проходит тень мятежного броненосца, помните те дни, вечера и ночи в Одессе? Очарование жизни,

которой ты никогда не жил... Вот именно эта задержка быстро летящих мгновений, возврат давно и навсегда прошедшего характерны для таких тончайших русских художников, как Алексей Толстой, Бунин, Бабель.

Это волшебство... волшебство... Когда я начинал пробовать свои силы в прозе, я наивно предполагал, что это волшебство создается лишь бесконечными «как», «как будто», «подобно». Я натужно сравнивал один предмет с другим. Это было ужасно утомительно и бесцельно, но все-таки однажды в одном маломощном, неуклюжем рассказе я написал счастливую (конечно, только для себя) фразу: «Темные воды канала были похожи на запыленную крышку рояля». Фраза эта попала на глаза Катаеву, и с этого времени я стал автором «Юности».

Сейчас я вряд ли осмелюсь написать что-нибудь подобное, и уж никогда мне не придет в голову сравнить «Боинг-707», летящий над Атлантикой, с мухой над кипящим молоком.

Катаев сравнивает вдохновенно, алчно, хищно, но отнюдь не только этим создается очарование его прозы.

В «Святом колодце» автор обрушивает на вашу бедную голову каскады, водопады, цунами предметов — предметов, уже потерявших свое бытовое значение, а как бы светящихся изнутри, происходит землетрясение, разверзаются хляби небесные, вещественный мир проходит сквозь художника, художник проходит сквозь мир, сквозь «перегородок тонкоробость»¹, сквозь гранит и лед, и вот мир предстает перед вами, ужасный, странный и прекрасный. Но опять же не только этим буйством мастерства создается очарование. Чем же? Этого не объяснит самый ученый литературовед. Тайна сия...

¹ Цитата из цикла стихотворений Б. Пастернака «Волны» (1931).

Кто из нынешних молодых писателей может не позавидовать юности Катаева, той атмосфере, в которой возникла знаменитая «одесская школа»? Однажды Валентин Петрович рассказал нам один эпизод, имевший место в Одессе в то время, когда он юным прапорщиком-артиллеристом вернулся с фронта. Он принимал ванну, плескался в холодной воде (горячей не было), когда приотворилась дверь и отец сказал дрожащим от волнения голосом: «Валя, к тебе, кажется, пришел академик Бунин».

Можно представить, что случилось бы с современным писателем, например, с Юрием Казаковым¹, если бы к нему вот так запросто заглянул на часок академик Бунин!

Олеша, Бабель, Багрицкий, Ильф были просто товарищами Катаева. В те дни невероятного быта, разлома, смены властей, в дни, одухотворенные романтикой и страстью революции, по Одессе бродили очень сильно голодные юноши. В их головах жила романтика, состоявшая из привычной средиземноморской романтики (бриги, бригантины, фелюки, шаланды), романтики раннего русского авангарда (Маяковский — яростный зубр), новой революционной романтики (конники Котовского на мокрой брусчатке, жилистые матросы в пулеметных лентах) и одесского полублатного юмора (Мишка-япончик, Жора Подержи Мой Макинтош). Их — таких разных и разных все больше и больше с годами — объединяли, как мне кажется, две вещи: верность литературе, бессребренное ей служение и верность своей родине, в кровавых муках меняющей кожу.

Если для писателей среднего и старого поколений еще вставали вопросы «С кем вы?», «Куда вы?», то для

¹ Казаков Юрий Павлович (1927—1982) — писатель-новеллист.

молодых зачинателей советской литературы таких вопросов не было. Они были плоть от плоти этой русской бури. Может быть, многие из их и не состоялись бы как писатели, не будь революции.

Сейчас, когда мы часто встречаемся с Катаевым, когда я, несмотря на естественное почтение, уважение и тэпэ, несмотря на всю дистанцию, существующую между нами, все-таки отношусь к Валентину Петровичу как к товарищу (ибо мы не старше и не моложе друг друга), меня охватывает странное чувство смещения времен, когда Валентин Петрович говорит о своих прежних друзьях.

Вот мы сидим в старом московском ресторане — Валентин Петрович, наш долговязый друг и я. Нам подают шампанское, булку, огурец, и Валентин Петрович (он любит эти вещи) говорит:

— За этим столиком Ильф сказал мне: Саббакин, вас все здесь уже знают...

Может быть, Ильф только что вышел отсюда и сейчас поднимается вверх по Театральному проезду к Старой площади?

Я пишу сейчас эти строки в гостинице «Штефани» в Вене. За окном дождь, мокрый снег, респектабельные, невзирая на погоду, фигуры венцев и вывеска: *Wienfischamendernefallwarendfabrikjoset — suschnyund-söhne*¹.

...рычит мой транзистор, передавая несусветную чушь — «дас ист гольдене программ»!..²

Я вспоминаю, как года два или три назад я возвращался откуда-то из недр Центральной Европы, поезд приближался к Москве, и вдруг на Переделкинском от-

¹ «Венская фабрика рыбных товаров аминь — сукинасына».

² «Это есть золотая программа».

косу я увидел высокую, сутулую фигуру Катаева; впереди катился шариком Степка, позади тащился старый циник Миша, поодаль в тумане маячила фигура старика, тащившего кошелку с пустыми бутылками...

Потом я вспоминаю рассказы Катаева о Бунине, Мандельштаме, Маяковском, Есенине, вспоминаю о Трех Соснах и Святом колодце и немного пьюсь от национальной гордости, сижу в недрах Центральной Европы и, напьювшись, бубню:

— Новаторы до Вержболово, что ново здесь, то там не ново...¹

Катаев написал много книг, все они отмечены его высоким талантом (в разной степени) и мастерством (одинаково), но последняя книга, «Святой колодец», представляет, по моему мнению, явление исключительное. Мне кажется, что именно такую книгу Катаев хотел написать всегда: и в Одессе она, эта книга, маленьким сверкающим облачком бродила перед ним на горизонте, и в хохоте и папиросном угаре «Гудка» вдруг в запотевшем окне мелькала, как странный случайный прохожий, и в устоявшийся быт маститого и всеми уважаемого писателя врвалась иногда, как телефонный звонок, как телеграмма, как вызов в дальнюю тревожную командировку...

Многих эта книга шокировала, уязвила, многиежимают плечами: а где же здесь, простите, композиция, куда девалась композиция у такого мастера композиций?..

Я не собираюсь здесь вступать в спор с критиками «Святого колодца», но все же хочу возразить одному

¹ Эпиграмма Вячеслава Иванова (1907). Вержболово — железнодорожная станция на границе с Восточной Пруссией.

очень уважаемому мной писателю¹, который, признав высокие художественные качества этой книги, обнаружил в ней «отсутствие боли». С блестящим и холодным интеллектуализмом обследовав книгу, он диагностировал в ней «отсутствие боли». Он даже вывел в своей статье формулу идеально здорового литературного произведения: «высокое художественное мастерство + присутствие боли». Личность героя, а таким образом, и личность автора ускользнула от него, и он не почувствовал боли, заглушенной эфирно-кислородной смесью. Дело тут в том, кажется, что он исследовал (обследовал) книгу в здравом уме и твердой памяти и — вот уж действительно! — «при наличии отсутствия боли».

Кроме книг, Катаев создал еще одно произведение, несколько странное, несколько прекрасное, несколько наивное, — это журнал «Юность». Мы, которых сделала «Юность» и которые делали ее, будем всегда вспоминать начало начал, ажиотаж в узких коридорах, наши первые юбилеи, катаевские «хохмы», несущиеся из кабинета, те комнаты в старых графских конюшнях, где зарождалась наша дружба.

Должно быть, нужно ругать «Юность», снисходительно усмехаться при виде странного костюма и неровной походки, но важно то, что она идет своей дорогой, с катаевскими фонариками в глазах.

Итак, мы сидим в удобных креслах, в окружении белых стен, за окнами уже темно, и внуковские ладьи плывут под тоновыми огнями, и Валентин Петрович, хитро улыбаясь, ставит на стол огромную, почти над-реальную бутылку кальвадоса.

¹ Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918—1998) — писатель, автор романа «Не хлебом единым», который вызвал в 1956 году общественный резонанс и был подвергнут партийной критике.

— Это совсем не тот кальвадос, что пьют у Ремарка, — говорит он. — Тот кальвадос — отвратительная самогонка...

— А вы пили тот кальвадос, Валентин Петрович?

— Ну, что вы спрашиваете, старик? Как вам не стыдно? Еще один такой вопрос, и я лишу вас своего общества. Итак, этот кальвадос совсем другой, чудесный и невероятный...

Порой я вижу, как мы поднимаемся по вполне приличной, чистой каменной лестнице, идем все вместе: наш долговязый друг, и я, и все наши друзья, и Валентин Петрович с бутылкой «этого кальвадоса» в авоське...

Простак в мире джаза, или баллада о тридцати бегемотах¹

Первого из тридцати бегемотов я увидел еще в аэропорту Внуково. Он был в зеленой брезентовой попоне, и его несли к самолету два смуглых внушительных молодых человека.

Через полтора часа бегемот вместе с нами выгрузился из «ТУ-124» на прохладном Таллинском аэродроме, по которому быстро пробегали тени легких балтийских туч.

Я влез в микроавтобус, где уже сидели молодые люди из Московской кинохроники со своей аппаратурой. Потом в открытых дверцах появился бегемот. Бакинский квартет во главе с Рафиком Бабаевым хлопотал вокруг него. Наконец устроились. Бегемот лежал у нас на коленях, смиренный и смущенный своей неуклюжестью, очень милый, и басист Альберт Ходжа-Багиров, посмотрев на своего питомца, хмыкнул и развел руками: уж вы, мол, не обижайтесь на мое чудовище.

В течение четырех дней тридцать лакированных бегемотов, сиречь контрабасов, гудели и рокотали в доме «Братства черноголовых» и в спорт-халле «Калев».

¹ Опубликовано: Юность, 1967, № 8.

Итак, я снова в Таллине, снова вдыхаю его особый сланцево-кондитерский запах, покупаю газеты, которые пахнут совсем не так, как в наших краях, захожу в знакомое кафе, пробираюсь к стойке...

— Здравствуйте, Эва Ивановна! Какие новости?

Эва Ивановна долго рассказывает, кто женился, кто развелся, кто получил квартиру, а кто по-прежнему «очень неорганизованный товарищ».

Однажды ночью, гуляя по Старому городу, мы спорили, кто самая красивая женщина в Таллине. Претендентов было немало, и спор затянулся. Небо было синим, глубоким, с еле различимой тонкой зеленой структурой. Улица Виру завершалась уходящим в небо торцом Ратуши. Мы подняли головы и прекратили спор.

— Самая красивая женщина в Таллине — это Башня Ратуши.

Да-а, в городе многое изменилось. Например, мой давно уже оплаканный герой из романа «Пора, мой друг, пора» Кянукук вовсе не погиб. Очень хорошо одетый, с застывшей улыбкой, он медленно гуляет в кулуарах. На груди у него жетон с надписью: «Диспетчер фестиваля». Бегло говорит на трех языках — русском, эстонском и английском. Растут люди!

Нина Большакова не верит, что это и есть Кянукук. А вы поговорите, Нина, с товарищем. Поговорила. Да, теперь я вижу, что это он и есть. Ну, уж а улицу-то Лабораториум вы придумали, говорит усомнившаяся Нина. А вот давайте, Нина, прогуляемся! Да, говорит Нина, действительно улица Лабораториум. Вот ведь город какой: ничего не надо придумывать, все под рукой. Какое раздолье для беллетриста!

На башни улицы Лабораториум реставраторы навели новенькие островерхие крыши. Новенькая розовая черепица на темных, засиженных голубями камнях.

На углу улиц Пикк и Ратаскаеву открылась закусочная «Десять минут», в которой можно подзакусить минут за двадцать.

Семь лет назад я влюбился в Таллин, был бурный роман в дождях, теперь я ловлю себя на какой-то странной фамиллярности по отношению к этому городу, шучу вот, ухмыляюсь: годы...

Теперь я аккредитован. На воротнике у меня желтый значок с изображением трубы, клавиши которой напоминают башни улицы Лабораториум, а также ленточка с надписью «Пресса». Я аккредитован при Пресс-центре традиционного Таллинского джаз-фестиваля, посвященного пятидесятилетию Октябрьской революции. Благостно чувство аккредитованности, ощущение солидности и прочности, принадлежности и тэ пэ.

ИНФОРМАЦИЯ. В этом году на фестиваль приехало тридцать джазовых ансамблей. Здесь среди прочих — знаменитый Ленинградский диксиленд Королева — Усыскина, Ленинградский ансамбль пантомимы Григория Гуревича с аккомпанирующей группой Юрия Вихарева; квартет Евгения Малышева из Калинина, квартет «Медикус» из Львова; москвичи — квартет «Кресчендо», квартет КМ, трио Германа Лукьянова, биг-бэнд Олега Лундстрема, трио Бориса Рычкова; ансамбль молодых ученых из Новосибирска под управлением Владимира Виттиха, четверо солдат из Риги — квартет «Звездочка», таллинское трио Райво Таммика, тбилисское трио Мустафа-Заде; мастаки оружейники-самоварщики из древней Тулы — квартет Анатолия Кролла; знаменитые варша-

вяне — квартет Збигнева Намысловского; застенчивые шведы из Гевле — квинтет Курта Иернберга, элегантные шведы из Стокгольма — септет Арне Домнеруса; развеселые финны — квартет Эрика Линдстрема и, наконец, всемирно известные американцы — квартет Чарльза Ллойда...

Тридцать ансамблей с тридцатью лакированными бегемотами. Больше никакими цифрами я не располагаю. Знаю только, что съехалось множество фотографов, корреспондентов, наших и иностранных, радио, кино, телевидение и великое множество любителей и знатоков джаза, среди которых был даже известный комментатор Уиллис Коновер¹, голос которого уже в течение двенадцати лет заставляет вздрагивать джазменов всего мира.

Да, вот еще цифра: спортзал «Калев» вмещает четыре тысячи зрителей, и все четыре дня фестиваля он был полон.

Звучат вступительные фанфары. Председатель жюри Уно Найсоо объявляет фестиваль открытым. На сцене букет Ленинградского диксиленда. Впереди трубач Королев, кларнетист Усыскин, тромбонист Левин. Из-за них выглядывает рыжий банджист Ершов, над ними покачивается сузафон Мирошниченко, где-то в глубине запрятан ударник Скрыпник.

ИИИ — раз-два-три — — — повело!

Ах, знаете ли вы, как прекрасен диксиленд, веселое пыхтение первых на земле автомобилей, белозубый гигант, вращающий тросточку, белый в синюю полоску пиджак, сиреневые брюки, Свит-стрит, забитая приплясывающими чернокожими людьми, стрекозиный полет

¹ Коновер Уиллис (1920—1996) — радиоведущий на «Голосе Америки», джазовый продюсер.

фанерных аэропланов, мультипликационное движение смешных человечков начала века?!

— Айсkrim, вы не забыли, как вкусно мороженое, как освежает стакан холодного пива, как очаровательны женщины юга? Жизнь так проста, пестра и прекрасна, и чего вы еще от нее хотите?

Четыре тысячи улыбок взлетают над залом, восемь тысяч ног отбивают такт. Поразительно перевоплощение шести интеллигентных ленинградских мальчиков в неудержимых луизианцев.

Из-под локтя Мирошниченко выскакивает маленький и бравый, как оловянный солдатик, трубоч Королев...

Сегодня утром по дороге из Пресс-центра в «Палас» я потерял предмет своей гордости — желтый значок с трубой и ленточку прессы. Чувство оставленности, кянукуковщина охватили меня. Кто я теперь такой в мире джаза? Теперь от моей аккредитованности осталась только дырка на воротнике: я просто голый человек на голой земле. Ведь было же тебе сказано, олух царя небесного: береги значок, второго не дадим. Пошатываясь, я побрел назад от «Паласа» к «Дому черно-головых». Не знаю уж на что рассчитывая, глядя под ноги, я прошел улицу Харью, вышел на Ратушную площадь и посередине ее среди множества мотоциклов и машин увидел на брусчатке свой заветный значочек с ленточкой.

И вот теперь я сижу вместе с музыкантами, рядом с Сашей Медведевым, который, конечно, не взял бы меня с собой, не найди я значка, знакомлюсь с пианистом Борисом Рычковым, с певицей Гюли Чохели, которую называют «советской Эллой», с саксофонистом Игорем

Лундстремом, с бородачом-теоретиком Алешей Баташевым, пантомимисткой Ниной Большаковой... пытаюсь втереться в доверие, прикинуться знатоком.

На эстраде трио флюгельгорниста Германа Лукьянова. О Лукьянове сейчас много говорят. Он является предметом споров. Некоторые считают его «Вознесенским русского джаза». Может быть, скорее Хлебников? Фольклорный джаз? Фри-джаз? Сочетание того и другого? Может быть, еще какой-нибудь термин? Терминологический соблазн понятен, но не так-то легко втиснуть талант в какую-либо классификацию.

Пока что исполняется оригинальная композиция «Третий день лета». И это, конечно, именно третий день лета, не второй и не четвертый. Первые два дня прошли с жарой и ливнями, наступил третий день, очень ветренный, в легком, порывистом кружении облаков и назойливого тополиного пуха, тот день, когда некто в синем костюме, внешне спокойный, в неясном смятении, прошел по поселку, заглядывая на веранды, кого-то разыскивая, не находя, продолжая поиски, удивляясь, пока не побежал с набитым ветром ртом, и день кончился.

Позднее, уже на Московском джазовом фестивале, Лукьянов вновь исполнил эту пьесу, и оказалось, что она называется не «Третий день лета», а «Третий день ветер». Я просто тогда в Таллине не расслышал названия и вот попал впросак, нафантазировал литературщины.

Что такое джаз?

Еще в школе мы узнали: это музыка толстых. В «Калеве» среди четырех тысяч зрителей тоже попадались толстые люди. Одному очень хорошему писателю не

нравился джаз¹. Другому, великому писателю, не нравился Шекспир². Третий, хороший писатель, сам играл в джазе басистом³.

В 1952 году ныне знаменитому пианисту Борису Рычкову понадобился саксофон. Игра на саксофоне в то время считалась хулиганством. В продаже саксофонов не было. Однажды уже потерявший надежду Борис шел по одному из арбатских переулков и вдруг услышал крамольные звуки. В бельэтаже среди антикварного хлама старик чех осторожно играл польку-бабочку. С огромным удовольствием и за малую цену старик уступил саксофон счастливому Борису.

Тульский квартет Анатолия Кролла играет трехчастную композицию своего руководителя. Первая часть — «Откровение», вторая — «Баллада», третья — «Движение». Впереди худощавый, с маленькой бородкой тенор-саксофонист Александр Пищиков. Его инструмент издает резкие, хриплые, мучительные звуки. Манера Колтрейна?⁴ Да, манера Колтрейна, но откровение Пищикова.

По сути дела, любую джазовую пьесу в исполнении настоящего артиста можно назвать откровением.

Конец квадрата⁵. Пищиков измучен. Отходит в сторону, с сочувствием смотрит на вступившего Кролла.

Очередь басиста Сергея Мартынова. Мартынов сначала как бы прислушивается к тому, что творится внутри

¹ Имеется в виду Максим Горький.

² Лев Толстой.

³ Юрий Казаков, см. выше.

⁴ Колтрейн Джон (1926—1967) — американский джазовый музыкант.

⁵ Квадрат — определенное количество тактов, в пределах которых музыкант может импровизировать на заданную тему (прим. В. Аксенова).

его контрабаса. Так, так, это понятно, а что же еще, что ты еще можешь?????? Еще, еще, еще!!!!!! Больше, больше, больше!!!!!! А если смычком? Ну, еще, еще, больше, умоляю, умоляю... Ему всего мало, и он начинает петь, вторит контрабасу голосом.

Пищиков, склонив голову, с сочувствием смотрит на мучающегося товарища.

Вся ритм-секция приходит на помощь Мартынову. Обвал, шквал, надвигающийся распад... решительный момент. Пищиков быстро выходит вперед.

От диксиленда к какому-то еще не осознанному трагизму.

Итак, откровение. Самовыражение? Свободный творческий акт? Прорыв? Может быть, только попытка прорыва...

Дважды два — четыре, дважды два — четыре, дважды два — четыре, дважды два...

А может быть, три, а может быть, пять, а может быть, восемь, а может быть, один миллион сто семьдесят семь тысяч восемьсот девяносто девять?

А может быть, автомобильная катастрофа, в которой погиб мой друг, а может быть, деревня под напалмом, а может быть, грязное слово в лицо моей девушке, а может быть, предательство?

А может быть, эвкалипты под луной, а может быть, охота, а может быть, веселая пирушка, а может быть, лестница в небо? А может быть, «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»? А может быть, хищник, а может быть, жертва, а может быть, Эверест?

А может быть, лоб, два лба, семь губ, одно дыхание? А может быть, кашалот с розовой пастью, а может быть, Орфей? А может быть, бобэоби, виээми, гзигзигзео, а

может быть, лауноги, пиннопинео, филиожар? А может быть, лог дром бра затеял, ушел, почему-то кол тол та вмешжфйуписькеяэуцсго?

Нет, нет, все очень просто: дважды два — четыре.

А вдруг все-таки не четыре, а генерал под ручку с дамой перед трюмо?

Увы, дважды два — четыре, дважды два — четыре, дважды два — ЧЕТЫРЕ!

Таыешнгбжэ...

Утром мы мирно завтракали в кафе, как все нормальные люди, брали сосиску, бутерброд с килькой, чай, но после завтрака мы отправлялись на «школу джаза».

Должен сказать, что джазист — существо совершенно неутомимое, одержимое. Джазовый артист может играть круглые сутки подряд с небольшими перерывами для приема пищи. Вот у кого надо учиться преданности своему искусству! Если у вас вдруг появится желание уморить какого-нибудь джазового артиста, кормите его на убой, хольте его, лелейте, но не давайте играть: зачахнет. Чарльз Ллойд, например, которому пришлось играть только в последний день фестиваля, первые три дня очень маялся. В зеленоватых его глазах мерцала вековечная негритянская печаль. Зато, когда вышел на эстраду, узнать его было нельзя. Да и все они, эти странные артисты, пока не играют, так что-то ходят, что-то между прочим жуют, вежливо слушают. «Да что вы говорите! Смотрите, как интересно! Надо же, а мы и не знали!» А глаза в это время где-то блуждают.

Однажды мы обедали вместе с Гюли Чохели, и она призналась:

— Терпеть я не могу всех этих обедов, ужинов, завтраков!

— А что же вы любите, Гюли?

— Петь.

— А еще что?

— Кактусы.

«Школа джаза» в сводчатых залах «Дома черноголовых». Эстрадой завладели фотографы. Лежа на полу, сидя на корточках, стоя на стульях, они направляют свои тубусы на квартет Збигнева Намысловского, работающий в неимоверной тесноте. В зале тоже тесно: он заполнен до отказа ударниками, басистами, саксофонистами, трубачами, кларнетистами, москвичами, шведами, сибиряками, эстонцами, литовцами, армянами, финнами...

Хрупкий, с круглыми совиными глазами Намысловский солирует уже двадцать минут. У рояля сгорбился похожий на князя Мышкина Адам Матышкович. Крепко держит ритм ударник Чеслав Бартковский по прозвищу «Маленький». Блестит очками серьезный, как молодой профессор, басист Роман Дьлонг — «Гучьо».

Намысловскому тесно в рамках квадрата. Он изгибается, на лице его мучение, он словно хочет что-то соскрести, содрать, сорвать какой-то последний ненавистный ему покров.

Снова это ощущение попытки прорыва, мучительной тяги к какому-то неведомому совершенству.

Я беседую с кандидатом математических наук, а может быть, физических наук, словом, каких-то очень серьезных наук Владимиром Виттихом, руководителем Новосибирского ансамбля.

— Скажи, пожалуйста, что ты думаешь об эксперименте в джазе, о фри-джазе, например? Вот я не могу слушать Орнетта Колмена...

Виттих ухмыляется в бороду.

— А для меня это очень интересно...

Услышав этот разговор, возле нас остановился темпераментный, словоохотливый пианист Николай Капустин.

— Понимаешь ли, Вася, когда-то и «бибоп» казался диким и невероятным, а теперь, должно быть, даже ты... прости, может быть, я ошибаюсь...

Я смущенно кашляю в кулак.

— Да-да, даже я... Конечно, эксперимент необходим, но вряд ли он доступен простому любителю, немусыканту...

— Эксперимент всегда обращен внутрь — и в литературе, и в пластике, и в музыке.

— Джаз для джазистов? Поэзия для поэтов? Скульптура для скульпторов? Вы могли бы играть в темной, пустой комнате?

— Это философский вопрос, об этом на ходу не скажешь. Темная, пустая комната — это идеал, но артисту джаза нужны слушатели и зрители.

— А если они его не понимают?

— Но он их зовет...

Прошлой осенью мы сидели с моим приятелем Абэ Кобо¹ в подвальчике токийского джаз-клуба «Сэто». Подняв свой крепкий писательский палец, Абэ Кобо сказал:

— Писатель должен есть много джаза, часто и много, большие сочные ломти настоящего джаза!

Каждое утро с десяти до часа я толкался на «школе джаза», притворялся музыкантом — то ударником, то трубачом, — обнаглел даже до того, что начал задавать специальные вопросы, ну, скажем:

— Алло, Бу, у вас какой номер мундштука?

¹ Кобо Абэ (1924—1993) — японский писатель, драматург, сценарист.

Кончает композицию стокгольмский квартет Яна Йоханссона. Любезный хозяин «школы» Райво Таммик пытается перекричать восторженный гвалт и свист:

— Ребята, задавайте вопросы!

— Какие еще вопросы? — снисходительно пожимает плечами восходящая звезда саксофонист Роман Кунсман. — Мы и сами все знаем. Пусть лучше еще раз сыграют.

Однако вопросы все-таки задаются:

— Алло, Бу, у вас какой номер мундштука?

И вот в этой утренней толкучке я снова теряю свой спасательный значок, и снова чувство одиночества и непричастности охватывает меня. Представляю, с каким презрением отвернется от меня музыковед Александр Медведев и все мои новые знакомые, включая Нину Большакову. В отчаянии подхожу к трубачам, собравшимся вокруг рьжего Бу Броберга, плетусь к ударникам, столпившимся вокруг Бартковского, и тут вижу на полу моего дорогого с сиреневой ленточкой. Как его не раздавили сапоги ударников? Мистика, да и только!

Форум джаза. Разгорались страсти. Высказываются самые разные точки зрения. Бушуют авангардисты.

— Товарищи, не будем себя обманывать. Мы называем наши темы «Жар-птица», «Иван-царевич» и делаем вид, что создаем свой особый, национальный, ни на что не похожий джаз. Это фикция!

— Основа джаза — импровизация, а ее не назовешь никак, ей не нужна никакая литература. Джаз — это интернациональное искусство.

— Извините, товарищ, ваша формула — подобие катастрофии. Все мастера обогащали джаз за счет фольклора. Вспомните «босса-нову», вспомните арабские темы. Русский фольклор пока еще только тронут нами, а какие

уже дал результаты! «Господин Великий Новгород» Тов-
 масяна, «Ночь на Плещеевом озере» Громина, «Иванушка-
 дурачок» Лукьянова...

В начале пятидесятых годов в Казани обосновался оркестр репатриантов из Шанхая, известный сейчас всем оркестр Олега Лундстрема, «короля свинга восточных стран», как его называли в шанхайском сеттльменте. Я тогда учился на первом курсе медицинского института, был прилежным студентом и на танцы не ходил, так как не мог освоить сложнейших падепатинеров, вальсгавотов и миньонов, которые танцевала в те времена передовая молодежь. Но вот по городу пошли слухи о таинственных, сказочно-романтических «шанхайцах»...

Форум джаза. Ораторствует элегантный теоретик средних лет.

— ...почему преобладает драматизм, почему возникает какой-то надрыв, вымороченный трагизм, меланхолия? Мы забываем о том, что джаз — это прежде всего веселое, озорное искусство. А разве мы не можем играть насмешливый, иронический джаз? Возьмите «ЧП» Бориса Фрумкина или композиции виброфониста Гарина — это блестящие озорные пьесы...

Встает ленинградец с маленькой бородкой а-ля Телониус Монк¹, столь модной сейчас среди джазистов.

— Вот мы говорим о том, можно ли играть русский джаз. Фольклор вовсе не обязателен для того, чтобы играть по-русски. Просто нужно быть русским в душе, глубоко чувствовать дух России, и тогда будет русский джаз. Вы спрашиваете, почему драматизм, надрыв, меланхолия? Потому что русский джаз идет от Достоевского.

¹ Монк Телониус (1917—1982) — американский джазовый пианист и композитор.

Оркестр «шанхайцев» тогда распался. Да и разве можно было себе представить существование настоящего свингового оркестра в те годы, когда даже танго кодировалось наименованием «танец медленного темпа»! Лундстремовцы группами играли на танцах в Доме офицера, в кинотеатрах и ресторанах, а мы ходили их слушать, потому что они иногда играли не только падепатинеры. Вся моя юность была слегка озарена этими «шанхайцами», как огнями далекого ночного мира.

— А где сейчас Модин, Деринг, Бондарь, Баранович? — спрашиваю я Олега Леонидовича.

— Этот там-то, этот там-то, — отвечает он, — а Баранович умер.

— Как?

— Очень просто. Жора Баранович умер.

Ну что ж, он умер, и сейчас его нет на сцене, но я и мои товарищи никогда не забудем, как он вставал в синем табачном тумане дрянного ресторанчика, розовощекий и здоровый, и играл «Сан-луи блюз» на своей золотой трубе.

Форум джаза. Выступает московский композитор.

— ...и я должен прямо сказать, товарищи, некоторые наши молодые музыканты еще не умеют как следует играть блюз, а уже тянутся в авангард..

Голос из зала:

— Так что же, прикажете мне возвращаться назад к Чарли Паркеру?¹ Этого не будет!

— А вы откуда, товарищ авангардист?

— Я из Тюмени!

¹ Паркер Чарли (1920—1955) — американский джазовый саксофонист и композитор.

Однажды, кажется, единственный раз за все мои казанские студенческие годы, они собрались вместе, и ослепительные каскады, обвалы свинга потрясли тогда юношеское воображение. Появились подражатели. Кажется, в пятьдесят втором году при Доме ученых возник молодежный оркестр, в котором играли будущий астроном саксофонист Эрик Дибай, будущий математик пианист Юрий Яковлев, будущий педагог басист Юрий Елкин... Их называли «малые шанхайцы». Разумеется, исполнялись в основном танцевальные вещи, но по тогдашним временам и это было чудом. Приезжие москвичи хватались за головы: в Казани существовал джаз!

И вот сейчас оркестр Олега Лундстрема на сцене Таллинского джаз-фестиваля: девятнадцать человек в шикарных концертных костюмах с буквами ОЛ на груди. Из прежних, чуть ли не легендарных «шанхайцев» в оркестре осталось всего пять человек. Рядом с ними, уже тронутыми сединой, сидит молодежь: Роман Кунсман, Николай Капустин, Станислав Григорьев, Аркадий Шабашов... Исполняется композиция Кунсмана «Луч тьмы». Это очень неожиданное, своеобразное произведение, но еще более неожидан солирующий сейчас автор, маленький красногубый человек с бородкой таинственного лесовика. Он еще себя покажет!

Олег Леонидович сейчас седоват, солиден, но для меня он по-прежнему остался тем же таинственным и молодым «шанхайцем».

О, если бы ты знал, Абэ, сколько я за эти четыре дня съел джаза! Каждое утро три часа «школы», каждый вечер четырехчасовые концерты, заключительный

ночной «джерм сейшн», а впереди еще был Московский фестиваль. Как бы не получилось демьяновой ухи.

Иногда мне кажется, что я сплю. Вот сейчас открою глаза, а на сцене некто с косым пузом лупит кулаком по пюпитрам.

— Опять развели шумовую музыку?! Геть отсюда!

Оркестр сменяет оркестр, и среди них нет двух похожих. Добродушный гигант Борис Рычков за роялем становится лириком. Зал, уже привыкший к хриплым колтрейновским воплям саксофонов и труб, привыкший кричать и свистеть, тихо слушает его блистательные импровизации на тему «Ой, туманы мои растуманы», на тему Диззи Гиллеспи¹, на собственные темы.

К трио Рычкова присоединяется вокалистка Гюли Чохели, которая любит пение и кактусы. Сдержанная страсть «Грузинского романса» Н. Дугашвили, затем неистовость сложнейшей партии «Мистер Паганини» композитора Сэма Козлова.

Неожиданный шумный успех хабаровского квинтета, Уиллис Коновер даже разводит руками: «Ну-с, батеньки, вот уж не ожидал, что и в Хабаровске у вас есть такой джаз».

Ленинградский ансамбль пантомимы: Григорий Гуревич, Нинель Егельская, Надежда Пугачева, Нина Большакова, Георгий Гоц. Аккомпанирующая группа пианиста Вихарева. Это зрелище совсем уж неожиданное — не балет и не пантомима в чистом виде. Движения человеческого тела становятся символом звуков. То коорди-

¹ Гиллеспи Диззи (1917—1993) — американский джазовый виртуоз-трубач, вокалист, композитор.

нированные, то разрозненные движения трех тоненьких женских фигур — зеленой, лиловой и черной и двух атлетических мужских фигур — белой и синей, синхронная импровизация тела и инструмента рождает какое-то неясное, тревожное, щемящее чувство.

Наконец, на эстраде Чарльз Ллойд¹ — квартет, негр и три мулата. Ллойд, высокий, неимоверно, до условности, тонкий, с огромной шапкой курчавых волос, делающей его больше похожим на индуса, чем на негра. Саксофон его рыдает, хохочет, визжит, умоляет, требует, издевается, тело его изгибается, дергается, подпрыгивает, и это, конечно, не эпатаж и не игра на публику, это какое-то уже запредельное самовыражение, когда отпускаются все тормоза, сдираются все покровы: смотрите, вот я каков!

Кончается двадцатиминутное соло. Ллойд, согнувшись, даже не пытаясь вытереть пот, прячется в глубине сцены, смущенно блестит оттуда золотыми очками.

Ритм-секция бросается в атаку, словно дикая кавалерия. Пианист — настоящий виртуоз, но клавиш ему мало, он играет прямо на струнах рояля, бьет в бубен. Ударник разбрасывает медные колокольчики, скребет щетками. Снова надвигается распад, развал, но Ллойд подбегает к микрофону, высоко закинув голову, вздергивает узду, умиряет — и вдруг становится мягким, лиричным, покаянно-нежным...

Они играют час пять минут и покидают эстраду совершенно измочаленные, под неистовый шквал аплодисментов.

На улице их окружают американские корреспонденты. Эй-Би-Си с квадратной голливудской челюстью: «Что вы чувствуете сейчас?» Ллойд, тяжело дыша: «Хэпинис. Счастье».

¹ Ллойд Чарльз (р. 1938) — американский саксофонист.

Кончается фестиваль. Уже отшумел заключительный банкет, на котором лауреатам вручали дипломы. Остался позади «джем сейшн», во время которого на сцене одновременно скапливалось от десяти до двадцати музыкантов. Разлетаются самолеты, уходят поезда. Ранним-ранним утром исчез из города Ленинградский ансамбль пантомимы.

На Выйду-вяляк ко мне подходит здоровенный парень.

— Я вижу, вы джазист, — говорит он, кивая на мой значок. — Махнемся значками. Я вам свой, боксерский, а вы мне свой, джазовый.

— Нет, никогда, — твердо говорю я.

— Понимаешь, я ведь боксер...

Рука его тяжело давит мое плечо.

— Все равно не отдам, хоть убей, — говорю я.

Парень вдруг улыбается.

— Ну, гуляй.

Вхожу в гостиницу, поднимаюсь по лестнице. В холле третьего этажа на диване сидит белобрысый тромбонист, разговаривает со своим тромбоном, грозит ему пальцем в раструб.

— Ты думаешь, я не... А я тебе скажу, что ты... Больно много о себе воображаешь!.. Тоже мне тип!..

Стою у окна. Дождь. По мокрой улице к агентству Аэрофлота проносят смиренных зачехленных бегемотов.

Я снова хочу в страну джаза.

Май 1967. Таллин.

Дерзкий гость¹

Вместо эпиграфа:

Отделение ВАО «Интурист», Орел, ул. Московская, 169, мотель «Шилка». Выписка из правил внутреннего распорядка для проживающих в гостинице.

1. Гостиница предназначена для проживания и обслуживания иностранных туристов, членов иностранных делегаций и других иностранных граждан. При возможности номера в гостинице предоставляются и советским гражданам, но без гарантии предполагаемого срока проживания.

2. Проживающий обязан:

а) соблюдать чистоту и порядок в номере и в гостинице;

б) при уходе из номера закрыть окна, водопроводные краны, выключить свет, радио, телевизор и сдать дежурному ключ от номера.

3. Посторонние лица могут находиться в номере только по просьбе проживающего с ведома администрации гостиницы с 8 до 23 часов.

¹ Опубликовано: Третья волна, 1980, № 10.

4. Проживающим НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ:

а) петь и играть на музыкальных инструментах с 12 часов ночи до 10 часов утра, включать на полную мощность радиоприемник и телевизор, а также производить какой-либо другой шум, мешающий отдыху других проживающих;

б) оставлять в номере в свое отсутствие без разрешения администрации посторонних лиц, а также передавать ключи от номера;

в) хранить в номерах громоздкие вещи и легковоспламеняющиеся материалы;

г) пользоваться всякого рода нагревательными приборами;

д) держать в номере животных и птиц;

е) не производить самостоятельно устранение неисправностей электрооборудования.

5. Проживающие должны бережно относиться к имуществу и оборудованию гостиницы, строго соблюдать правила пожарной безопасности, ни в коем случае не курить, лежа в постели, в общих коридорах, гостиных, холлах.

При пожаре немедленно звонить дежурному администратору и сообщить дежурной по этажу.

6. За несданные на хранение деньги, ценные бумаги и вещи администрация гостиницы в случае их пропажи ответственности не несет.

7. Проживающий несет материальную ответственность в случае порчи или утери им или приглашенным им лицом имущества гостиницы.

8. В случае нарушения правил внутреннего распорядка гостиницы проживающий подлежит выселению из гостиницы в административном порядке. АДМИНИСТРАЦИЯ.

Вместо рассказа:

1. Я приехал в мотель «Шипка» и, раздвинув толпу иностранных туристов, членов иностранных делегаций и других иностранных граждан, подошел к стойке администрации, вынул свою краснокожую паспортину и получил номер. Учтите, сказал я администрации, немедленно уеду от вас, если не будет предоставлена гарантия предполагаемого срока проживания.

2. Конечно, я вовсе не считал себя обязанным:

а) соблюдать чистоту и порядок в номере и в гостинице и не соблюдал их;

б) при уходе из номера я открывал все окна и водопроводные краны, включал и свет, и радио, и телевизор и никогда не сдавал ключа дежурному (дежурной) по этажу, хотя он (она, оно) иногда просил (просила, просило).

3. Посторонние лица обычно находились у меня без всякого ведома администрации с 23 до 8 часов, иногда и больше.

4. Кажется, и в самом деле проживающим НЕ РАЗРЕШАЛОСЬ, но я:

а) пел и играл на музыкальных инструментах с 12 часов ночи до 10 часов утра, включал на полную мощность радиоприемник и телевизор, а также производил какой-либо другой шум, мешающий отдыху других проживающих;

б) оставлял в номере в свое отсутствие без разрешения администрации посторонних лиц и передавал им ключи от номера;

в) хранил в номере громоздкие вещи и легковоспламеняющиеся материалы;

г) пользовался всякого рода нагревательными приборами;

д) держал в номере животных и птиц;

е) производил самостоятельно устранение неисправностей электрооборудования.

5. Ни разу не заметил за собой бережного отношения к имуществу и оборудованию гостиницы или строгого соблюдения правил пожарной безопасности. Курил я всегда, лежа в постели, на худой конец, в общих коридорах, гостиных, холлах.

Когда начинался пожар, я, конечно, никуда не звонил, а спокойно наслаждался этим зрелищем.

6. Ежедневно я требовал от администрации ответственности за несданные на хранение деньги, ценные бумаги и вещи.

7. Сам я, разумеется, отвергал всякую ответственность в случае порчи или утери мной или приглашенным мной лицом имущества гостиницы, а такое, к пригорю моему, случалось.

8. С первого же дня я категорически отказался от выселения из гостиницы в административном порядке в случае нарушения мной правил внутреннего распорядка. Так я проживал в мотеле «Шипка» день за днем, месяц за месяцем. Жители Орла, орловитяне, приезжали посмотреть на меня, а иностранные туристы, члены иностранных делегаций и другие иностранные граждане робко спрашивали, «ху из хи?» — кто, мол, таков.

— Это Иван Петрович Сидоров, наш ДЕРЗКИЙ ГОСТЬ, — уважительно отвечала администрация. Вот и правильно — пусть уважают!

В защиту писателя¹

На днях в Москве арестован 35-летний писатель Евгений Козловский². Чекисты пришли рано утром, предъявили так называемый ордер на арест, кинулись на рукописи, на «вредные» книжки, забрали человека и бумагу (боятся, как черти ладана, такой комбинации) и свалили со своей добычей.

Перепуганной жене, актрисе Лизе Никищихиной³ было объявлено, что ее муж обвиняется по статье 192 (или какая там у них) в распространении антисоветской пропаганды (или как там у них) и что следствие будет вести некий Попов. Позорит человек хорошую русскую фамилию, даже на изобретателя беспроводного телеграфа бросает тень.

Козловский никогда не занимался тем, что сейчас называется диссидентской деятельностью, схватили его только за его прозу, за публикации в «Континенте», за

¹ Опубликовано: Континент (Париж), 1982, № 31.

² Козловский Евгений Антонович (р. 1946) — прозаик, драматург, режиссер. Был арестован в конце 1981 года, провел в Лефортовской тюрьме семь с лишним месяцев и был освобожден после «покаянного» письма в газету «Московская правда», в котором, в частности, содержались инвективы в адрес Василия Аксенова.

³ Никищихина Елизавета Сергеевна (1941—1997) — актриса театра и кино.

участие в «Каталоге Клуба Беллетристов»¹. Экая тупая непробиваемая и свирепая дичь. Должно быть, хотят всех писателей подравнять к своим любимым «деревенщикам», а тем, кто не подравнивается, для устрашения — арест Козловского.

Евгений Козловский, безусловно — восходящая звезда нового поколения русской прозы. Об этом можно судить по его публикациям в «Континенте» — рассказ «Чиновница и диссидент», повесть «Красная площадь», — об этом с огромной убедительностью говорит пока еще не напечатанное главное произведение, панорамный и телескопический роман «Мы встретились в Раю», свидетельствующий о жизни советской интеллигенции в курной избе семидесятых годов.

Кто отдает приказы об арестах и преследованиях писателей? Ведь не весь же Советский Союз, не весь ЦК, не весь, в конце концов, КГБ — кто-то ведь первый открывает рот или рукой «накладывает резолюцию». Любопытно взглянуть на это лицо, стоящее, разумеется, вне человеческих понятий о позоре. Увы, позор-то ложится на тех, кто эти приказы осуществляет.

¹ Второй после «Метрополя» неподцензурный литературный журнал, куда вошли Филипп Берман, Николай Климонтович, Владимир Корнер, Евгений Козловский, Евгений Попов, Евгений Харитонов, Дмитрий Пригов.

Диссидент¹

(Заявка на художественный фильм)

26 августа 1968 года² в Москве на Красной площади произошло невероятное событие: семеро советских граждан³ вышли на демонстрацию протеста против советского правительства. Они протестовали против вторжения 500-тысячной тяжело вооруженной армии в «братскую» Чехословакию.

Это событие может стать кульминационным пунктом художественного фильма «Диссидент».

В течение 41 года главная площадь Москвы, традиционное место народных манифестаций, не знала никаких выражений протеста. Лишь в 1927 году во время празднования так называемого Дня Международной солидарности трудящихся Первого мая троцкистски настроенная

¹ Опубликовано: Казань, 2013, № 9. Судя по всему, замысел остался неосуществленным. Заявка не датирована, написана, скорее всего, в начале 1980-х годов, когда Василий Аксенов только начинал адаптироваться к эмигрантской жизни

² В ночь с 20-го на 21 августа 1968 года для подавления «Пражской весны» в дружественную Чехословакию были введены советские войска. Это событие обозначило исторический рубеж, подобный февральским событиям 2014 года, которые мы до сих пор переживаем и еще долго будем переживать.

³ Их имена навсегда остались в истории России, помнят их в Чехии и Словакии. Вот эти имена: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг.

студенческая молодежь подняла антисталинские лозунги и была тут же разогнана милицией. С тех пор все демонстрации на Красной площади (они происходят дважды в году — 1 мая и 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции) превратились в огромные, четко организованные шествия, главная цель которых выразить несокрушимое единство партии и народа, безграничную любовь народа к партии и правительству, беззаветную преданность народа последовательно Сталину, Хрущеву, Брежневу. Десятки тысяч голов, море красных флагов, бесчисленные портреты вождей.

Нам кажется, что будущий постановщик картины должен умело использовать кадры официальной советской кинохроники, показывающие эти регулярные «ликования» на Красной площади. Таких кадров много в наличии. Получить достаточное количество таких кадров не проблема.

Используя этот прием, постановщик сможет добиться двойной цели. Во-первых, создать атмосферу невыносимого отчуждения горсточкой отважных людей, противопоставивших себя тоталитарному гиганту. Во-вторых, избежать огромных расходов. Построить убедительные декорации Красной площади, вероятно, чрезвычайно дорого, то есть практически невозможно.

Используя документальные кадры, мы сможем привлечь зрителя к самому образу Красной площади, и, значит (таким образом), при съемках нашего основного эпизода мы сможем ограничиться лишь скромной «достройкой на натуре» (термин советского кинопроизводства).

Нам представляется, что драматическая основа фильма или, если угодно, психологическая драма возникнет в результате взаимодействия семи основных характеров.

Кто эти люди, бросившие вызов режиму? В центре нашей истории, очевидно, окажется Петр Поляков¹, талантливый физик, оставивший свою науку ради участия в правозащитном движении. Исключительный, трудно объяснимый идеализм и готовность к жертве, качества, кажущиеся неестественными в наш век, — вот то, что движет Петром в нашем фильме.

Любопытна родословная Петра Полякова. Дед его, ближайший сподвижник Ленина по революционной борьбе, а после 1917 года один из народных комиссаров советского правительства, позднее, при Сталине, попавший в опалу, еще позднее (реабилитированный и) причисленный к лику коммунистических «святых».

Рядом с Петром молодая художница Ольга Вишневская, взбалмошная, нервная, типическая птичка московской чердачной богемы, с двумя детьми, прижитыми неизвестно от кого. Оба ребенка будут присутствовать на демонстрации просто потому, что их не с кем оставить. Младший Лелик, сидя в детской коляске, будет показывать чехословацкий флаг озверевшей толпе «лояльных» граждан.

Дальневосточный моряк с рыболовецкого траулера Сергей Кольчуга не имеет никакого отношения к правозащитному движению. Он приехал в отпуск в Москву с единственной целью — весело потратить заработанные за год деньги. Случай свел его с компанией артистов и поэтов, у которых оккупация Чехословакии вызвала нечто вроде нервного припадка.и честный парень

¹ Аксенов видел будущий фильм художественным, а не документальным, и поэтому ввел вымышленных героев, а имена подлинных участников демонстрации изменил. В лидере акции Петре Полякове легко угадывается Павел Литвинов (р. 1940) — физик, правозащитник, чей дед М. М. Литвинов действительно был наркомом иностранных дел Советского Союза.

Кольчуга последовал на демонстрацию вслед за гордой еврейской девушкой Алисой Мороз.

Она — актриса московского театра кукол, то есть так называемый «кукловод», и ее работа является разительным контрастом ее красивой и даже драматической внешности, решительным манерам и радикальным, отчасти сионистским, идеям, которые она высказывает повсюду без тени опаски или сомнения.

Школьный друг нашего главного героя Петра Полякова преподаватель МГУ по кафедре биологии Герман Ларин, внешне очень уравновешенный и элегантный, преуспевающий кандидат наук и член парткома. В отличие от Петра он никогда не разделял никаких социалистических иллюзий, тем более не верил в «социализм с человеческим лицом». Происходя из русского дворянства с некоторым даже белогвардейским прошлым, он уверенно и цинично делал свою советскую карьеру. Что привело его на площадь, дружба, любовь или глубоко запрятанный комплекс неполноценности, мы увидим позднее, по ходу написания нашего сценария.

И, наконец, два последних участника этой странной демонстрации, их мы пока назовем условно: Писатель Которому Нечего Терять¹ и Писатель Которому Есть Что Терять...²

Все семеро — молодые люди около или слегка за 30, поколение новой русской интеллигенции, возникшей в постсталинское время. Их сословная принадлежность

¹ Угадывается поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская (1936—2013), которой советскими врачами-психиатрами был сострепан диагноз «вялотекущая шизофрения», и она на несколько лет была упрятана в психиатрические учреждения, в том числе с января 1971-го по февраль 1972 года находилась в Казанской психбольнице.

² Поэт Вадим Делоне (1947—1983), получил лагерный срок. И Горбаневская, и Делоне после освобождения эмигрировали в 1975 году во Францию. Все остальные участники протеста также были осуждены.

даст нам возможность показать среду артистической, полубогемной и диссидентской Москвы.

Разнообразие характеров позволит параллельно с основным «взрывным» политическим сюжетом построить мелодраматическую историю. Мне кажется, было бы интересно, если бы в фильме участвовали и члены американской колонии в Москве. В частности, наш рассказчик, корреспондент телеграфного агентства Charley Хегох (от Shirley Хегох) мог бы (могла бы) быть вовлечен (вовлечена) в мелодраматический сюжет.

В заключение этой первой столь краткой заявки хочется сказать, что мы сейчас стоим перед возможностью создать первый серьезный фильм об одном из самых интересных явлений современности, советском диссидентстве, фильм, в равной степени захватывающий, интересный как для американской, так и мировой аудитории.

Предисловие к книге Славы Курилова¹ «Один в океане»²

«...**М**оре, Бог и Йога — это те три вектора, которые сошлись в одной точке — в точке побега, в точке прыжка и в тех трех сутках в океане. Все это главные составляющие Славиной души и его личности. Все это и привело его к «фокусу». И был прыжок...»

Когда иной раз в споре начинают говорить о том, что русские перед большевиками вечно праздновали труса, я вспоминаю погибшего несколько лет назад океанографа и писателя Славу Курилова. Уж он-то безусловно принадлежал к малому племени смельчаков, дерзавшему против подлой власти. Прыжок в бескрайний океан с кормы огромного советского парохода, трехдневный заплыв в воде, кишашей просоветскими акулами, в сторону неведомых Филиппин; кто еще мог такое сотворить, если не русский интеллигент, спортсмен и йог Слава Курилов?

В конце 80-х я состоял членом совета при американском Фонде имени Роберта Кеннеди, который ежегодно

¹ Курилов Станислав Васильевич (1936—1998) — океанограф. В Советском Союзе был объявлен невыездным, но не смирился с этим. В 1974 году, имея снаряжение аквалангиста, прыгнул с туристического лайнера в море в 100 км от Филиппин.

² М.: Время, 2004.

награждал разноплеменных борцов за права человека. Несколько раз я выставлял различных российских правозащитников, однако ни один из моих кандидатов не подошел по каким-то неведомым параметрам политической корректности. Однажды пришла в голову идея выставить на соискание этой премии двух российских мужчин, проявивших в этой борьбе не только нравственное, но и исключительное (если не фантастическое) физическое мужество. Речь шла о воспетом Хвостенко¹ скульпторе Олеге Соханевиче², переплывшем на надувном матрасе Черное море, и о Славе Курилове, который трое суток плыл в Тихом океане, чтобы почувствовать под собой несоветскую почву, и позднее написал удивительную книгу о гигантской массе воды и об одиноком человеческом существе, обратившем свое бегство в победу.

Увы, ни тот, ни другой не были удостоены. Премию в тот год получила Винни Мандела³. На заключительном приеме любопытно было наблюдать криминальную даму в обществе американских либералов.

Слава Курилов был человеком не премиального, но уникального племени. Всю жизнь такие люди проводят в поисках опасностей, ну а опасности сами жадно выискивают этот народ. Уже добравшись в прямом и переносном смысле до твердой почвы и получив канадский паспорт, он отправился в отпуск, но не в Майами и не на Гавайи, а в Богом забытый Белиз (Британский

¹ Хвостенко Алексей Львович (1940—2004) — поэт-авангардист, автор песен, художник.

² Соханевич Олег Викторович — художник, скульптор, совершил побег в Турцию на надувной лодке, выпрыгнув с теплохода «Россия», описал это в повести «Только невозможное».

³ Мандела Винни (р. 1936) — южноафриканский политик, жена Нельсона Манделы (1918—2013) — первого чернокожего президента ЮАР.

Гондурас). В детстве небось этот Слава, как и подобает «русскому мальчику», был филателистом; отсюда и тяга к Британскому Гондурасу.

Даже такое невинное дело с рук ему просто так не сошло. Какая-то банда местных мафиози вычислила в нем богача-янки, похитила и потребовала выкуп. Пришлось Курилову каким-то несусветным образом самому выбираться из белизовского «зиндана». Так уж все устроено для тех, кто «ищет бури», то есть для современных байронитов.

В каком-то смысле он воплощал в себе одновременно и гумилевского читателя, и его же героя, бросающего вызов судьбе. Так и погиб он в этом образе, насколько мне известно, во время спасательной операции на озере Кинерет, по водам коего ходил Иисус. Остается только жалеть, что не привелось встретиться и поговорить о делах пролетающих лет и о «преданьях старины глубокой».

Русской интеллигенции не след забывать своих героев: их не так много. Тот, кто прочтет эту книгу, никогда не забудет страниц, в которых Слава Курилов, покрывшийся за три дня и три ночи одинокого плавания светящимися микроорганизмами, скользит в тихоокеанской ночи, каждым своим движением поднимая ворохи огня; вот он, образ вечного мятежника!

Середина 1980-х

Университет как метафора¹

Известный русский писатель попал в академическую среду неожиданно для самого себя

В начале каждой недели я становлюсь профессором: готовлюсь к семинарам, обкладываюсь «текстами» (этим словом вам сейчас и «Евгения Онегина» назовут), словарями и справочниками, пишу конспекты лекций и «силлабусы», проверяю списки своих студентов — кто что мне задолжал, кому я и сам что-то должен. Во вторник утром надеваю академически приличный костюм, нередко даже галстук, и пускаюсь в получасовую поездку по автостраде № 66 до кампуса Университета Джорджа Мейсона, что раскинул свои учебные здания и общежития на окраине вашингтонского мегаполиса, в городке Фэрфакс, штат Вирджиния. Боже, благослови!

В четверг вечером я возвращаюсь домой после трехчасового семинара на тему «Русский авангард и мифы утопии». Как всегда после семинаров, я думаю по-английски в духе переводов Хлебникова. Дома забрасываю на полку галстук, переобуваюсь в кроссовки и возвращаюсь к своей сути русского романиста.

¹ Опубликовано: Америка, 1993, № 442.

Таков мой образ жизни уже в течение двенадцати лет за исключением каникулярного времени. Самое любопытное состоит в том, что к концу каникул я начинаю немного скучать по своему университетскому расписанию.

В Советском Союзе в ходе нашей «развеселой» литературной жизни мне никогда не приходило в голову, что когда-нибудь я так глубоко уйду в университетское учительство. В отличие от Штатов там писатель не очень вписывался в понятие «университет». Так было, собственно говоря, еще и до революции, а в советские годы ослабели даже традиция писательских лекций для широкой публики. В «Серебряном веке» туманный символист Александр Блок выступал с лекциями, скажем, «Об интеллигенции и культуре», вулканический эрудит Андрей Белый читал об антропософии¹, юный Пастернак возвращался из Марбурга с лекцией «О бессмертии». В пятидесятые и шестидесятые годы, однако, писатель уж если и являл себя народу, то только лишь с чтением собственных художеств и с ответом на записки «каковы ваши творческие планы».

В советской литературе установился некий основной тип антиинтеллектуального писателя, могучий талант которого как бы оправдывает любую степень невежества. Писатель представлялся публике в контексте каких-то охот, рыбной ловли, стоящим в хлебах, перетирающим в ладонях зерна, сидящим за «политрой», отменно кушающим, но уж никак не среди книг и уж тем более не на кафедре с лекцией на академические темы. Бытовала популярная точка зрения, что писатель — не интеллигент, а нечто гораздо большее. Намного важнее было

¹ Разновидность теософии, религиозно-мистический взгляд на природу человека.

знать «жизнь», чем литературу, быть ближе к народу. Со всем не обязательно знать какой-нибудь иностранный язык, лучше «окать» по-вологодски или по-сибирски, подчеркивая коренное происхождение.

Писатели «городского» направления, «западники», казались основному советскому писателю модниками, чужеродными интеллектуалами с заемной эрудицией. Между тем мы, советские западники 60-х годов, в общем-то, тоже были порядочными невеждами. В нашей среде бытовал некий псевдохемингуэевский набор, родивший нас скорее с богемой, чем с интеллектуалами. Во всяком случае, предложи кому-нибудь из тогдашнего авангарда профессорское кресло, в ответ прозвучал бы только хохот.

Само слово «профессор» имело в Советском Союзе много каких-то странных коннотаций, нередко сопровождалось диковатой народной шуткой — «профессор кислых щей».

Понаслышке мы знали, что в Америке писатель нередко ассоциируется с университетом. Известно было, что Владимир Набоков много лет профессорствовал в городе с древнегреческим названием Итака, пока не стал богат и знаменит. Знали также, что нобелевский лауреат Сол Беллоу и после достижения высшей награды продолжает учительствовать в Чикаго. Этим полумифическим фигурам университет только добавлял мифологии, возникало представление о почти олимпийском суперинтеллектуальном содружестве.

В семидесятые годы многие писатели нашего круга оказались в эмиграции. Доходили слухи, что они оседают в кампусах американских университетов. В этой связи образ университета подвергся обратному явлению, то есть мифологизации. Если некий хорошо знакомый

вам писатель, никогда особыми академическими качествами не отличавшийся, читает там лекции, значит, не боги горшки обжигают, значит, ситуация значительно проще. Появился и стал бытовать термин «писатель-резиденции», что давало иным прекраснородушным возможность вообразить себе университет даже как бы и вне контекста образования и представить его чем-то вроде спасительной гавани для изгнанников.

Приезжавшие время от времени в Москву американские слависты, народ в основном молодой, легкий, веселый, хорошо знакомый с творчеством притесняемого авангарда, все больше развеивали мифы. С таким окружением не пропадешь, думали потенциальные изгнанники. Писатель всегда склонен преувеличивать свою известность. В данном случае он говорил себе: «В Америке меня знают. И Джон, и Кэрл, и Олга, и Дейвид, и Сюзан — все они отлично меня знают, и цитируют». Цветные снимки западного мира начали проникать в наше черно-белое Зазеркалье, на них мы видели вчерашних товарищей, с довольно уверенным видом позировавших на фоне готических или модернистских строений, среди подстриженных лужаек, живых изгородей темно-лиловых деревьев, то есть на «кампусах». На заднем плане иногда обозначались симпатичные фигуры тех, кто меньше всего нами принимался во внимание как объект академической деятельности, то есть студентов. После Союза писателей с «кувшинными рылами» разных кагэбэшников заокеанские университеты воспринимались как некие ведические дубравы, где властвуют музы, где с восторгом и неистощимой любознательностью примут нашего писателя, если придется ему уносить ноги из неласковой отчизны. Идеализация была так сильна, что писателю даже не приходило в голову, что население

этих «дубрав» говорит на другом языке и у него (населения) есть еще другие дела, помимо последних советских литературных новостей.

Реальность оказалась далека и от величественных мифов, и от прекраснодушных иллюзий, хотя несомненно имела отношение и к тому, и к другому. Осенью 1980 года, после того, как подошла моя очередь на пиннок в зад, я оказался в Мичиганском университете, где по совету моего друга, директора издательства «Ардис» и профессора Карла Проффера¹, принял предложение провести семинар «О современной русской литературе, пересекающей границу».

Мой английский тогда, мягко говоря, «оставлял желать лучшего», но я хотя бы знал, что этот заимствованный из французского оборот имеет почти дословный аналог в языке моей нынешней среды обитания. Естественно, я стал мяться, намекая, что, мол, неплохо было бы вести семинар с переводчиком, однако на меня посмотрели удивленно: где это видано, чтобы обычные университетские семинары велись с переводчиком, а Карл просто сказал: «Не трусь и полный вперед!» — и еще добавил несколько выражений, которых я тогда не знал, а сейчас не решаюсь употребить.

Обложившись словарями, я написал свою первую лекцию по-английски и, борясь с обмороком, зачитал ее двум сотням студентов. Там был еще один русский писатель, с которым мы постоянно пикировались по поводу нашего приближения к языку «ранних ангелов», и он после лекции не без ехидства спросил одного сту-

¹ Проффер Карл (1938—1984) и его жена Эллендея (р. 1944) — американские слависты, которые на собственные средства создали в Энн-Арборе (штат Мичиган) знаменитое издательство «Ардис», где издавались книги русских писателей, запрещенные в Советском Союзе.

дента-русиста: «Ты что-нибудь там понял из того, что мямлил Василий?» Студент пожал плечами. «Странный вопрос. Все понял. Я просто немедленно переводил все его фразы на русский, и все получалось замечательно».

До сих пор не знаю, сколько человек в зале смогли применить ту же методику, во всяком случае все выслушали меня до конца, а потом разошлись, не задав ни одного вопроса.

Что же, неинтересно, что ли, было совсем? Почему же тогда раньше не ушли? Предмет лекции, что ли, не увлек? Зачем же тогда собрались в немалом количестве? Ведь не насильно же их туда загнали, правда, такого ведь в американских университетах не бывает. По прошествии времени я осознал, что мичиганская аудитория в высшей степени проявила присущую университетам гуманность: видя, как писатель борется с навалившимся на него чужим языком и с общим комплексом эмигрантского косноязычия, она не стала задавать вопросов, чтобы не продлевать мучений.

Так или иначе, но почин был сделан, и с тех пор я пустился во все тяжкие со своим английским: семинары, конференции, лекции на выезде. Аудитории попадались не везде такие гуманные, как в Мичигане, однако я с каждым разом все больше вострился отвечать на вопросы и даже шутил на том языке, на котором вроде бы было не до шуток.

Благодаря своим друзьям, в первую очередь тому же Карлу и его жене Эллендее, а также величайшему знатоку славянских суффиксов и префиксов, профессору Калифорнийского университета Дину Уорту, я научился при первой же нужде и возможности немедленно хватать словарь или справочник. Без этой привычки, милостивые государи, нечего делать в американском

университете. Никогда не откладывайте свой порыв к словарю даже и на час вперед, немедленно прыгайте!

Таким образом установилось своего рода двухстороннее движение. Я делился со студенческой аудиторией своим опытом романиста и литературными соображениями, в то время как они своими вопросами улучшали мой английский. Вскоре я заметил, что двухстороннее движение начинает развиваться не только в этой сфере, но и в другой, быть может, более значительной. На этом, пожалуй, следует остановиться подробнее.

Первые месяцы пребывания в Соединенных Штатах я был предметом газетных и журнальных новостей, известным советским писателем, изгнанным со своей родины и получившим убежище в Америке. В эти месяцы публика интересовалась моей «стори», то есть обстоятельствами такого неожиданного поворота писательской судьбы, и вообще политической ситуацией в советской угнетенной и борющейся литературе. В конце концов эта тема стала иссякать, а сам изгнанник, оставив по клочкам свою «стори» в разных газетах, осел на постоянную преподавательскую позицию сначала в Университете Джорджа Вашингтона в столице нации, а потом в мэрилендском колледже Гаучер и в балтиморском Университете Джонса Хопкинса.

Здесь уже надо было не только по российской прекраснородушной традиции «сеять разумное, доброе, вечное», но и участвовать в обычном образовательном процессе: снабжать юношей и девиц познаниями из области им доселе неведомой, то есть из русской литературы нашего времени.

Говоря «нашего времени», я имею в виду литературу XIX и XX веков. Моими «текстами» стали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Бабель,

Пильняк, Замятин, Булгаков, Зощенко... то есть родная классика в переводах на английский язык. Читать «Нос» и «Мастера и Маргариту» на чужом языке, за что мне такие муки?! Приобщать иноземных студентов к российским словесным искусствам! Вдруг я стал замечать появление некоего странного феномена, имеющего отношение не столько к студентам, сколько ко мне самому. Дело в том, что у меня как бы заново начался роман с русской литературой, нечто сродни тому, что все мы испытывали в 12—14-летнем возрасте. В самом деле, вряд ли бы я взялся перечитывать все романы Достоевского и все прочее, не окажись я в этих заокеанских «местах не столь отдаленных», не взявшись за столь непринужденно, если не небрежно, распиханное по книжным полкам наследие как за академический предмет. Вряд ли я стал бы углубленно проникать, скажем, в бахтинскую теорию смеха, останься я частью пресловутого московского «литературного процесса», в котором смех был не теорией, а практикой, а если «сквозь слезы», то тем более. Вдруг я ощутил, что помимо учительства я еще заполняю пробелы и своего собственного образования, что вот только теперь становлюсь настоящим «интеллектуалом», что волей-неволей иду уже не только в ширину, но и в глубину и что все это каким-то необычным образом гармонизирует мою одинокую жизнь¹.

Одновременно менялось и мое отношение к клиентуре, то есть к студенчеству. В начале семестра я обычно недоумевал, почему мальчики и девочки в группе выглядят такими скованными, почему они неохотно высказываются, вообще с трудом открывают рты. Может быть, не решаются выказать свое невежество в области лите-

¹ Имеется в виду жизнь университетская, но не семейная.

ратуры? Однако я ведь их постоянно увещаваю: давайте вместе преодолевать недостатки нашего образования. Может, сама персона известного писателя их подавляет? Однако я вроде бы все делаю для того, чтобы снять барьер: и анекдоты рассказываю, и шучу, и даже кавказцев мелом рисую, говоря о нарядах Печорина, даже иной раз стою на одной ноге, имитируя позу, в которой сочинял стихи Велимир Хлебников, и они, студенты, всегда адекватно реагируют, смеются, шевелятся, а потом опять в ответ на приглашение завязать дискуссию замирают с вытянутыми лицами. Вдруг как-то меня осенило: да ведь они просто стесняются друг друга. Из многотысячного университета записываются на семинар очень часто совсем незнакомые люди. Значит, для возникновения семинарской, то есть творческой, обстановки надо прежде всего каким-то образом представить их друг другу, соединить собравшийся наугад класс, как бы вылепить его конфигурацию. Не всегда это удавалось, но когда в классе вдруг вспыхивали дискуссии о том, скажем, считать «Петербург» Белого романом или отнести его к жанру прозаических поэм, я испытывал то, что при Брежневке называлось «чувством глубокого удовлетворения». Эти вспышки активности, может быть, все-таки не забудутся, думал я, может быть, останутся в памяти как эпизоды студенческой юности и приобщения к «университету», к одной из важных метафор нашего бытия.

В начале 1988 года по совету польского приятеля, профессора физики Валерия Маевского, я подал документы на конкурс в Университет Джорджа Мейсона¹. Конкурс был необычным, как необычна была и должность, на которую я претендовал. В этом бурно расту-

¹ Мейсон Джордж (1725—1792) — один из авторов Билля о правах.

щем и чрезвычайно честолюбивом учебном заведении вашингтонской зоны несколько лет назад образовалась так называемая «группа профессоров Кларенса Робинсона». По предложению человека, давшего этой группе свое имя и свои деньги, а именно этого самого мистера Кларенса Робинсона, ныне покойного туза вирджинского бизнеса, в группу должны были войти известные и уважаемые ученые и преподаватели по разным отраслям. В задачу их, помимо преподавания в своих дисциплинах, входило пересечение междисциплинарных границ, создание особого интеллектуального содружества в контексте весьма злободневной идеи «Университет XXI века», а также вовлечение студенчества, особенно младших курсов, в программу «основного обучения», нацеленного на то, чтобы студенты покидали университет не только узкими специалистами в своих областях, но и вообще интеллигентными людьми.

К тому моменту, когда я подал документы на конкурс, в составе этого интеллектуального ядра были физики, историки, антропологи, политологи, биолог, философ, драматург, всего четырнадцать человек. Процесс отбора обычно проходит через сессии различных университетских комитетов и подкомитетов, через череду академических завтраков, коктейлей и обедов, через встречи наедине с деканом, проректором¹ и президентом. Кроме того, кандидат должен прочесть лекцию для преподавательского состава, а также провести пробный класс со студентами. К концу этого процесса, занимающего несколько дней, после всех вопросов и приглядок, ты уже не очень отчетливо понимаешь, чего от тебя хотят и каким ты тут должен казаться, если не самим со-

¹ Второе лицо после президента, соответствует русскому проректору.

бой, и каков ты вообще-то сам по себе, короче, ты уже не очень-то рад, что ввязался в эту историю.

На заключительном обеде один из профессоров спросил, что, по моему мнению, является высшим достижением человеческой расы. Мой ответ, очевидно, прозвучал неожиданно для кандидата в профессию. Высшим достижением человеческой расы является идея Бога, ну, словом, идея Высшего и Сущего, стало быть, жизнь за пределами жизни, леди и джентльмены, ну, в общем, все эти дела. Последовало несколько смущенное молчание. Кажется, не очень-то академическую тезу изрек, подумал я и добавил: «На втором месте джаз». Тогда над остатками десерта воцарилось оживление. Преподаватели университетов, ей-ей, далеко не худшая часть американской публики.

Как профессору «Робинсоновской группы» мне предоставляется право самому определять темы своих семинаров. Вот уже три года подряд я предлагаю студентам младших курсов то, что и меня самого чрезвычайно интересует: «Русский авангард и мифы утопии». Записывается всякий раз не менее пятидесяти человек, да еще немало остается за бортом, поскольку опаздывают к сроку регистрации и в тесной комнате попросту не хватает стульев. Большинство студентов не имеет отношения ни к литературе, ни к изучению России, главными предметами у них являются либо экономика, либо биология, либо компьютеры... Мой курс дает им зачеты (здесь они называются «кредитами») в области общего университетского образования.

Почему-то немало в моем семинаре оказывается студентов из Ирана. «Джордж Мейсон» вообще-то известен как университет с международной ориентацией, около 26 процентов из общего числа студентов — иностранцы,

однако почему все-таки не менее дюжины иранцев записывается каждый семестр в мой класс?

Кто-то из коллег подшучивает: «Иранцы просто разгадали тебя как либерала. Всем известно, что ты ставишь “завышенные отметки”».

После таких шуток я начал поглядывать на своих смуглых, весьма «закавказской» внешности юнцов с недоверием. Неужели действительно узнали, что мне трудно ставить «би», то есть «четверку», и уж совсем невозможно согласиться на «си» (тройку)? В период экзаменационных работ, однако, все дело осветилось иначе. Несколько иранцев в своих трудах написали о причинах их интереса к русскому авангарду.

В течение десятилетий, еще при шахе, любое упоминание северного соседа не очень-то поощрялось в Иране, ну после того, как в стране воцарились муллы, тема была закрыта наглухо. Целое поколение возросло, ничего не зная о русской культуре. Здесь, в Университете Джорджа Мейсона, писали студенты, мы хотим воспользоваться преимуществами западной системы образования и, в частности, узнать о русской литературе и визуальном искусстве, что называется, из первых уст, то есть от русского писателя. Признаться, я был польщен таким подходом к моим лекциям и поставил этим иранцам хорошие отметки. Слухи о том, что Аксенов ставит иранцам хорошие отметки, немедленно распространились по кампусу, и на следующий семестр ко мне записалось еще больше иранцев.

Второй мой семинар предназначен для старших курсов и выпускников. На него записываются те, у кого главный предмет — англоязычная литература, и те, кто посещает мастерские «творческого письма», тоже не менее 45—50 персон. Здесь мы говорим на темы,

касающиеся психологии и стилистики прозы, а также развиваем вопросы жанра. Три года назад плодотворно прошел семинар под шапкой «Гоголиана, или «магический реализм» в русском стиле». Затем два года подряд трудились под шапкой «Рассказ — школа прозы». В этом году я вернулся к своей старой, еще со времен Университета Джонса Хопкинса, теме — «Современный роман, упругость жанра». На примере русских сочинений, начиная с романа в стихах «Евгений Онегин» и романа в рассказах «Герой нашего времени» и продолжая поэмой в прозе «Мертвые души», а также «хемингуэевским» романом Достоевского «Игрок», и переходя к современному роману Андрея Белого и антиутопии Евгения Замятина, и приближаясь уже к нынешним, включая и вашего покорного слуги, постмодернистским «текстам», я задаюсь вопросом, который, может быть, более важен для меня самого, чем для студентов: жив ли жанр и, если жив, достаточно ли упруг, чтобы не превратиться в рыночную жвачку? Мнения в классе на этот счет высказываются разные, но самое главное состоит в том, что равнодушных вроде бы нет.

Я люблю после занятий выкурить сигарету, сидя на скамейке под кленом, на затихающем кампусе. Если уж говорить о дискриминации в современном университете, то главной дискриминации подвергаются здесь курильщики. Университет в этом году объявлен «смоук-фри», то есть зоной, где курение в зданиях категорически возбраняется. Немногие оставшиеся любители зелья, родившегося именно на этом берегу Атлантики, превратились в одиноких мечтателей на скамейках под кленами. Вирджиния славится своими закатами. Как сказал бы Николай Васильевич Гоголь: «Знаете ли вы вирджинский закат? Нет, вы не знаете вирджинского заката! Не

каждая птица долетит до середины этого заката...», ну, и так далее. Иной раз можно увидеть, как эту завораживающую панораму пересекает «Конкорд», прилетевший из Европы. В другой раз пролетает футбольная дыня, за ней с гоготом проносится закаленное юношество. В сумерках светятся автоматы с напитками и сэндвичами. Глубокомысленно уходит в тень абстрактная скульптура, похожая на символ вечного беспокойства, запятую. Стуча каблуками, к паркингу проходит оппонент, теоретик деконструкции. Он (она) не курит и славится «политической корректностью», то есть никогда не забывает о проблемах этнических и сексуальных меньшинств. Если он (она) прав(а) и художественность текста не имеет значения, мне тогда здесь не место, потому что для меня университет — это метафора, готовая перейти в роман. Пока что сижу, по старинке покурываю.

Прошлой весной студенческое общество «Золотой ключ» пригласило меня выступить на церемонии награждения наиболее отличившихся. Среди прочего я нашел нужным высказать следующие соображения: «Господа студенты, вступая под сень университета, вы в некотором смысле покидаете большинство и присоединяетесь к меньшинству. Выходя из университета, вы становитесь хорошими специалистами, однако, даже будучи ими, вы не должны забывать изречения Альберта Эйнштейна: «Самое непознаваемое во Вселенной состоит в том, что она познаваема».

«Он не читатель, а писатель»¹

Как это ни банально, но ко мне применим старый анекдот: «Он не читатель, а писатель». Радость чистого читательства почти утрачена из-за недостатка досуга. Я почти ничего не читаю как читатель, но зато во многие книги заглядываю как писатель.

Нередко открываю святые книги: то Тору, то Евангелие, то Коран. Чаще всего это нужно для работы. Так, например, в недавнем рассказе метафорический ряд вывел меня к страстям Пророка Ионы. Иногда углубляюсь в эти основные книги в смутном поиске того, что именуется вдохновением.

Почти такого же рода «заглядывание» я практикую в отношении русской поэзии. С некоторым цинизмом называю эти экскурсы «подзарядкой аккумуляторов». Не раз замечаю, что после чтения Мандельштама или Хлебникова возникает новое чувство к надоевшему ремеслу.

Преподавательская работа в университете вынуждает не только постоянно перетряхивать полотна классиков, от Лермонтова до Трифонова, но и шелушить теоретическую зернистую мысль: Якобсон, Лотман, Тынянов,

¹ Опубликовано: Знамя, 1995, № 7.

Эйхенбаум, много Бахтина, Шкловский. Если у кого-то при чтении этих строк возникает раздражение, то я его еще усилю, сообщив и тот факт, что читать приходится не оригиналы, а английские переводы. Грехи, очевидно, все-таки были серьезными, если последовало такое наказание. Бывают, впрочем, и на этой ниве хоть редкие, но сильные утешения. К ним, пожалуй, можно отнести такое чудо, как перевод «Евгения Онегина», сделанный сэром Чарльзом Джонсоном¹.

Бесконечное беспокойство вызывают у меня большие успехи нашей современной литературы. Удач так много, что времени на их прочтение не хватает даже в одиночке, а ведь нужно о каждой удаче где-то что-то сказать или хотя бы понимающе кивнуть. В смысле «чистого чтения» приходится ограничиваться сочинениями друзей, таких, как старые «метропольцы», например, Евгений Попов и Виктор Ерофеев². Недавно мне удалось прочесть целиком роман Анатолия Наймана³ «Поэзия и Неправда», в иных местах которого я терял эквилибриум перед распахнутыми глубинами, в других же усилиями автора, своего старого товарища, восстанавливался на крепком стуле с этой книгой и с чашкой кофе.

Страсть к чтительству, в общем-то, до конца еще не убита даже этим образом жизни. Много лет, например, мечтаю послать всю свою суету подальше и засесть где-нибудь на террасе с «Фрегатом Палладой». Дочитать хотя бы до описания мухи, кружащей в душной каюте.

¹ Джонсон Чарльз (1912—1986) — британский дипломат, перевел на английский «Евгения Онегина».

² Попов Евгений Анатольевич (р. 1946), Ерофеев Виктор Владимирович (р. 1947) — писатели.

³ Найман Анатолий Генрихович (р. 1936) — поэт, прозаик, переводчик.

Мой кайф¹

Есть такая довольно известная фотография Плотникова: авторы «Метрополя» и их друзья в мастерской Бориса Мессерера. Все молодые, красивые, счастливые — трудно поверить, что нам уже перекрывают кислород. Когда я уже в эмиграции показал снимок американцам — вот, дескать, наша компания, — они говорят: «Это где, в Вашингтоне?» — «Да нет, в Москве». — «Не может быть!» И правда, трудно поверить, что в России, стране пороссячьего ненастья, собрались вдруг сразу столько жизнерадостных людей...

Одна из культовых, как сейчас говорят, книжек для людей моей генерации — «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя. Заглавие переведено очень вольно. «A moveable feast» — это буквально «передвижной праздник». Движущийся во времени и в пространстве. Ощущение жизни — праздника, даже карнавала у нашего поколения продолжалось довольно долго. И со всеми элементами карнавала. Вплоть до похмелья. Отталкиваясь от имени собственного романа «Ожог», я склонен называть это поколение не «потерянным», а обожен-

¹ Опубликовано: Огонек, 1998, № 29.

ным. Какой-то ожог там был изначально. Сродни ожогу первой любви, что ли...

Часто называют нас еще «поколением диссидентов» — и опять натяжка. Диссидентство — партия, со своими догмами и строгой дисциплиной. Со своими этическими установками. Наши разногласия с властью были не этического, а эстетического порядка. Явного врага, в лице тех же диссидентов, власть по-своему любила. А вон тот, который ее вообще игнорирует, живя просто в кайф, а не в силу догм, — о, этого власть панически боится!

Самый праздничный человек нашей генерации Окуджава говорил: «Хорошего в жизни очень мало». Он был чаще всего печален, но сколько же радости было вокруг него! Когда говорят, что он отражал настроение времени, я спорю: не отражал — создавал.

Каждый год я приезжаю в Россию в конце мая и провожу здесь почти все лето, забывая, что я учитель, профессор. Я веду себя как стопроцентный романист, хотя очень мало в эти месяцы пишу. Я нахожусь внутри сюжета под названием «A moveable feast»¹ — перемещаясь по России, пересекая ее границы и возвращаясь в них, открывая для себя то, чего вот в этой точке еще год назад не было.

В прошлом году оказался на Вологодчине. Захолустное село. Руины церкви, купола, будто сатаной изжеванные. Из развалин МТС выползли три парня-красавца, пьяные с утра. На главной улице — сельпо. Ну что такое сельпо? Это грязь. Вонь. И отсутствие продуктов. Я туда вошел — и застыл в изумлении. Там было чисто, светло. И масса съестных припасов. У прилавка несколько женщин чего-

¹ Праздник всегда с тобой (англ.).

то ждут, но на очередь не похоже. Я спросил: «Чего вы ждете?» — «Хлеба», — отвечают. «Вот же, — говорю, — хлеб. Пять сортов». Нет, смеются, мы ждем... калашовского, что ли... То есть особенного, прямо из пекарни!.. Или старинный городок Мышкин в Ярославской губернии, где я впервые побывал году в 65-м. Я тогда все удивлялся, как они там вообще живут. А сейчас... Музеи, исторический центр, замощенный брусчаткой. Правда, подошел ко мне мужик с сумкой: «Зонтик не купите?» — открыл свою сумку, а там штук сто зонтиков, ему, видимо, зарплату зонтиками выдали... Или Самара — с 93-го, когда впервые туда заехал, она просто расцвела. Бывший город секретных заводов открылся всему миру: фестивали, гастролы. Пустынная и убогая набережная, где стояли два сторевших ларька (кооператоры вели между собой войну), — даже не знаю, с чем ее сейчас можно сравнить. С Калифорнией. С Ниццей. Оказывается, целую зиму за эти 14 километров набережной воевали не наши злосчастные кооператоры, а «Кока-Кола» с «Пепси-Колой». «Пепси» победила, но и «Коке» оставила местечко на волжском берегу. Ряды кафе, столики под цветными зонтиками, за ними сидят нарядные самарцы, пьют вкусные лимонады и пивы, хрустят чипсами, танцуют...

Сравнивать московскую жизнь с жизнью в провинции — глупо. Если взять Оклахому — там еще больший контраст с Нью-Йорком. Провинция всегда и везде провинция, иначе бы ее нравы не стали в литературе одной из вечных тем. Сравнивать провинцию не со столицей надо, а с тем, какой она была вчера.

Что же, спрашивается, шахтеры, сидящие у Белого дома, — это безнадежные маргиналы, продукт уходящей эпохи? Нет, если бы они были «продуктами», не посмели бы там сидеть. Боялись бы.

Они — тоже люди нового времени: вышли и требуют. Не чужого — своего. С гораздо большим удовольствием сидели бы под цветным грибком, любуясь на виды природы и потягивая холодное пиво. Маргиналами делает людей не время, а другие люди. Но я не склонен искать виноватых в этих наших безобразиях среди банкиров или интеллигенции. Виновата наша советская выучка. Русский мужик — он циничный. Залезьте в деревню, где долларами не пахнет, где петухи поют и течение хрустальных вод — ого, какие типы! Тепленькими сажай в политбюро...

Почему так? Да потому, что во всей нашей тысячелетней истории было всего-навсего 56 лет осмысленного движения всех к общему благоденствию — с отмены крепостного права до Октябрьской революции. Помните: когда начался нэп, писателям и художникам, придуренным на время военного коммунизма, ненадолго дали опять подышать — и сразу румянец пошел... потом опять воздух перекрыли — и унылая советская культура пошла. У Бахтина есть замечание: роман — детище базара. Это правда. Широкий выбор на базаре — и появляется новый товар. Покупайте и балдейте. Нам полезно понять: ситуация нэпа против нынешней — жалкая карикатура. Сегодня воздух идет мощным потоком. Просто дышалка еще нормально не заработала. Не наелись — потому и не до стиля. Не найден пока Россией новый сладостный стиль. Но его ищут все — и шахтеры, и банкиры. Увы, меньше всего — молодежь. Это не стариковское брюзжанье — просто в их стиле жизни мало именно игры, праздника. Они, с их псевдоблатным языком и почти повальным презрением к высокой культуре, напоминают мне послевоенную шпану. У тех были финки и фальшивые «фиксы» на зубах — у этих златая цепь на шее и пальцы рогаткой.

Ну, бог даст, появятся какие-то новые русские стилиги. Носители этого самого «Нового сладостного стиля». Так называется мой последний роман — лучшее, что я написал. Критики упрекают меня сегодня в мрачноватости — да прочтите эту книжку: там сплошной карнавал, «Затова-ренная бочкотара» против нее детский лепет. Наверное, потому, что я сегодня лучше знаю цену праздника.

Совсем не тоскую по советским временам, вот уж нет. Сказать тогда: «В жизни есть место празднику» — все равно что сказать: «В жизни есть место подвигу». Был в тех праздниках горький привкус.

...Едва ли не главный праздник в моей жизни — это когда я в 76-м году повез мою маму, Евгению Семеновну Гинзбург, в Париж, который она с детства обожала — и в котором ни разу не была. Да она вообще, кроме Колымы, мало где побывала.

Она была уже очень больна, каждый день — облечения в онкологической клинике. И мне в голову пришла мысль: свозить ее во Францию, показать хорошим врачам. Она возмутилась: «Перестань болтать глупости! Кто нас пустит!» Но вот выпустили. Забавно, что помог нам один из мастодонтов Совдепа, редактор «Литгазеты» Чаковский¹. Он встретил меня в коридоре: «Это правда? Вы уезжаете?» — «Да не думаю даже, — говорю. — Хочу маму показать врачам». Чаковский затащил меня к себе в кабинет, шепотом воскликнул: «Мать — это святое!» — и выправил нам командировку.

И начался карнавал. Ей выдали гонорар за «Крутой маршрут»², очень приличный, она ходила по магазинам

¹ Чаковский Александр Борисович (1913—1994) — писатель, драматург, публицист.

² Имеются в виду зарубежное издание и гонорар, на родине книга была впервые опубликована лишь в 1988 году, во время горбачевской перестройки.

и покупала подарки родственникам, друзьям и своим лагерным товаркам, по длиннущему списку, повторяя с улыбкой: «Никогда не думала, что такое наслаждение — тратить деньги!» Потом дали прием в парижской мэрии, Ионеско¹, Натали Саррот², весь цвет, в общем, — и она главная героиня. Войдя во вкус, как-то вечером сказала: «Давай на юг поедем!» — будто бы речь шла о Ялте или Коктебеле, и я назавтра купил подержанное авто, и мы покатали в Ниццу. Туда ей позвонил Генрих Белль³, позвал в гости — мы через Бельгию рванули к нему в Кельн...

Короче, это был сказочный подарок ей под конец жизни — подарок судьбы, такой, казалось бы, однозначно трагической и беспросветной. Лишь изредка периоды ровного веселья прерывались мрачными минутами: она вспоминала, что надо возвращаться в Москву. А там — слякоть, больница... И еще она страшно боялась, что придут с обыском, за второй частью «Крутого маршрута»: «Я этого не переживу». Этого ей судьба, спасибо, не послала. Мама ушла из жизни в праздничном настроении.

Я вспоминаю нашу поездку, ее тревожные слова — и то, как легко рассеивалась тревога и ожидание скорой смерти — отчего? От какой-нибудь мелочи... От какого-нибудь утреннего кофе с круассанчиком на набережной, на которую так похожа сегодня набережная Самары.

¹ Ионеско Эжен (1909—1994) — французский драматург румынского происхождения.

² Саррот Натали (Наталья Ильинична Черняк) (1900—1999) — французская писательница.

³ Белль Генрих (1917—1985) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии.

Самарский фестиваль¹

День первый

«Самара в контексте мировой культуры»

«**Х**aos и гармония» — одна из тем будущих дискуссий, которые у нас еще состоятся, но я тем не менее начну и буду ближе к хаосу. Как возникла моя самарская жизнь...

Вы знаете, что одна из рубрик самарских фестивалей, происходивших в течение ряда лет, с начала 90-х, звучала так: из века двадцатого в век двадцать первый. И вот этот век наступил, многие из нас до него дожили. Как все началось? Как и все хорошие, плодотворные начинания, само по себе, безо всяких резолюций. «Самаритянин» Владимир Андреевич Виттих², с которым мы познакомились ни много ни мало тридцать три года назад на джаз-фестивале в Таллине, — веселое, надо сказать, было время: он играл там со своим квартетом, а я освещал эти события для журнала «Юность», — так вот, он постоянно что-то придумывает для Самары. И попутно с его придумками кое-что перепадает и его друзьям. Однажды он предложил мне организовать — громко звучит — «Аксеновские чтения», и

¹ Опубликовано: Октябрь, 2002, № 3.

² Директор Института проблем управления сложными системами РАН.

в 1993 году я приехал из Америки в Самару, чтобы просто с друзьями повидаться, но был поражен интеллектуальным уровнем обсуждений и дискуссий.

На следующий год мы уже приехали сюда втроем. Тема новой конференции и семинаров называлась «Русская эмигрантская литература Третьей волны»; были еще Войнович и Попов, который тоже затесался в эмигрантские писатели, — из Красноярска же... Тут, возле здания Филармонии, тогда стояли пикеты с плакатами «Чонкинцы, убирайтесь из Самары со своей протухшей бочкотарой!». Я даже подошел и спросил: «Ну что вы так зверитесь-то?..» Со временем постепенно наша идея стала, с одной стороны, развиваться, а с другой — вырождаться. Все стало приобретать характер какого-то этнографического фестиваля с привлечением детей и народных ансамблей. Или же рок-фестиваля с расширенным составом исполнителей. Я запомнил одну ночь: на главной площади города, где стоит огромный чугунный Куйбышев в фуражке, выступал специально прилетевший на чартерном самолете из Англии рок-бэнд «Юрайя Хип» — вот до чего уже дошло!.. Площадь битком набита молодыми людьми, пускаются фейерверки, неистовство какое-то. Губернатор и мэр, то есть Константин Алексеевич Титов и Олег Николаевич Сысуев, одновременно оказались на сцене с гитарами и что-то пели, правда, их не было слышно. Музыкантов было слышно, а политиков — почему-то нет. Тут выскакивает маленький Андрей Макаревич и на пальцах показывает «виктори»! Словом, все это имело совершенно постмодернистский контекст, какое-то странное выражение чисто зрительного порядка. И тут мне пришло на ум, что, кажется, это конец. Но это был не конец, все продолжалось еще года два.

Между собой мы говорили, что надо бы наши встречи несколько сузить. И в рамках всеобщих действий обозначить свой круг тем. Тут возникло название: «Хаос и гармония» — это всем показалось интересным. Мы решили пригласить выдающегося нашего физика Роалда Сагдеева¹, руководителя Космического института, с которым мы нынче живем в одном городе (он, между прочим, мой одноклассник, мы вместе в первом классе учились). Женат он на внучке генерала Эйзенхауэра, такая вот история... Словом, мы придумали «ядро» участников будущих встреч. Как вдруг очередные самарские выборы не приносят желаемого результата, а приносят, наоборот, нежелаемые — все куда-то катится и... исчезает совершенно бесследно.

После этого, не знаю, как другие, но я испытывал настоящую самарскую ностальгию. Неужели так все и кончилось? Но вот опять, усилиями того же Виттиха, разрабатывающего модели управления в условиях свободного «рынка», мы снова здесь. Первое впечатление после трех лет отсутствия, что Самара в наше неустойчивое время находится в устойчивом состоянии набирания качества. Я не скажу, что оно какое-то ошеломляющее, это качество, но тем не менее город цивилизуется, улучшается. А ведь я помню, как по всей знаменитой многокилометровой набережной были разбиты все фонари — какая-то прямо у молодежи ненависть к фонарям, как в Петербурге к телефонам-автоматам, когда провода в будках чуть ли не зубами перегрызали. Над Волгой в то время стояли два полусторевших коммерческих киоска, между ними шла вооруженная борьба, стены обливали бензином и поджигали. Ненависть распространялась также почему-то

¹ Сагдеев Роальд Зиннурович (р. 1932) — американский физик, действительный член АН СССР.

на баскетбольные площадки, они были под постоянной угрозой: уж сетку-то обязательно срежут или сорвут, но ухитрились перегнуть еще и кольца — раскачивались на них подобно обезьянам, что ли? Я даже сказал об этом Сысуеву, ведь сам мэр был заядлым баскетболистом. На следующий день произошли изумительные, чудодейственные трансформации: сетки висят, площадка разлинована... Сейчас в Самаре трансформации не чудодейственные, а нормальные. Та же набережная выглядит уж просто как Champs Elysees¹, бульвар с открытыми кафе — сидят себе спокойно люди, потягивают пиво... напитки всякие... Оказывается, тут прошла борьба между двумя компаниями, и «Кока-Кола» то ли победила «Пепси-Колу», то ли наоборот. Теперь в сумерках светят мягкие западные рекламы, повсюду новые, стилизованные постройки в духе начала века. Даже спуск от гостиницы «Три вяза» к Волге выглядит как-то иначе. Вообще все эти волшебные спуски к Волге наконец начинают приобретать желаемый вид. Получается, что Самара в какой-то степени — зеркало новой России. Ну что Москва? В Москву хаотично или же во многом искусственно накачивается гигантский капитал, а тут, в Самаре, улучшения именно нормальные, естественные. И здесь, конечно, колоссальный интеллектуальный и профессиональный потенциал, вышедший из режима секретности и теперь функционирующий как открытая система. И промышленность после спада, связанного с развалом Союза, тоже постепенно начинает функционировать — авиация, космос. Мы все действительно — в двадцать первом веке...

Но заметили ли вы временную разницу, черту перехода? Я не заметил. Меня поражает странная успокоен-

¹ Елисейские Поля, главная улица в Париже.

ность человечества. Смена веков всегда сопровождалась мыслями о катастрофе, была создана целая русская культура Апокалипсиса. Наши символисты в конце девятнадцатого века каждый вечер смотрели на небеса, пытаясь расшифровать их знаки, они предвкушали перемены и не боялись перехода человечества в иную стадию. На этот раз переход из одного века в другой происходит без всякой эсхатологии, так, как будто мы уже овладели всеми тайнами Вселенной, которые будто бы просто не можем пока сформулировать. Мы успокоились. И, говоря «мы», я имею в виду также себя... Нам кажется, что прогресс будет постоянным, — начиная с паровой машины, через век Вольтера, мы все прогрессируем и прогрессируем. Вот дошли до Интернета. А что в нем такого особенного? По-моему, какой-то интернетовский миф сейчас прогрессирует. Это же просто информационная система коммуникаций, а нам подсовывают миф виртуального существования, чуть ли не чуда. Но у меня бывают такие моменты, когда мне кажется, что этот самый прогресс может пойти вспять. И компьютеры наши затащат паутина, и космос наш будет забыт, он, кстати, вообще буксует — где эти 2001 года Космические Одиссеи¹, предсказанные Кларком и Кубриком? Их нет, и когда они еще будут! Мы зависли на нефтяном крючке, не видим альтернативного источника энергии. Почему вдруг погибла столь развитая античная цивилизация, где уже была изобретена паровая машина? Конечно, есть масса объяснений, в том числе и марксистского плана, которые ничего не объясняют. Но это на самом деле таинственнейший процесс — почему вдруг все двинулось обратно? Есть точка зрения, что если бы античный про-

¹ Научно-фантастический фильм Стэнли Кубрика (1928—1999) по рассказу Артура Кларка (1917—2008) «Часовой» вышел на экраны в 1968 году.

гресс сохранился, то человечество полетело бы в космос на пятьсот лет раньше. Однако этого не произошло. Города были разрушены, бесчинствовали орды варваров, все погрузилось в застой Средневековья, длившийся тысячу лет. Тысячу!

Не знаю, сколько может продолжаться застой нашего воображаемого будущего — может, до следующего тысячелетия, может, сто лет... Нельзя быть такими самоуверенными, как мы. Мы должны ощущать опасности мира. Без этого не может осуществиться и наше Возрождение. А мы сейчас в стадии Возрождения — Россия, во всяком случае, Самара. Через все препятствия, через все идиотизмы нашей жизни мы в этой, я надеюсь, стадии. Хотя нельзя забывать, что Возрождение было лозунгом фашистских и коммунистических утопий двадцатого века. Там тоже существовал лозунг национального возрождения — и в Италии, и в Германии, и в России. Чем это кончилось, всем известно. Чтобы предотвратить сползание ренессансных утопических теорий к новым диктатурам, нужно развивать либерализм, господа! Новую либеральную среду как открытую систему — решительный и стойкий противовес тенденциям закрытого общества. Идти в сторону общества открытого...

День второй

Интерактивный «круглый стол» «Проблемы века»

Давайте посмотрим, в каком мире мы сейчас находимся и в каком окажутся идущие вслед за нами. И каково будущее человеческой расы? В мире происходят постоянные изменения политического, экономического, научного порядка, которые так или иначе подлежат предсказуемости. Они статистически предсказуемы. Мы

можем представить, что среди главных угроз человечества — угроза исламского фундаментализма и фанатизма, выражающаяся во все возрастающем жертвенном терроризме¹. Это очень серьезная проблема. Или проблема нефти как тормоза развития. Из-за нефти, этого «ископаемого», мы находимся в стадии стагнации. Не можем улететь дальше нашей Солнечной системы, развивать двигатели. «Боинг-747» изобретен сорок лет назад и продолжает летать на той же приблизительно скорости. Или «Конкорд», летающий по-прежнему... с утомительным однообразием, здесь мы хотя бы в состоянии предположить, что и как будет. Но мы можем только почувствовать некоторые метафизические изменения, которые, как мне кажется, у нас на носу. Изменения самой человеческой расы. Человечество подходит к тому моменту, который прочувствовал — без всяких доказательств — гениальный Кьеркегор, когда упал в обморок... окончательный... Он сказал: «Бомба взорвалась — пожарище следует». Никто не расшифровал этой фразы. Но то же предчувствовал и Ницше. Мне кажется, что человечество, быть может, в силу невысказанного развития генетики или же вследствие развития изящных искусств, достигающих порой совершенно непостижимого уровня, подходит к новой, последующей фазе. Той самой, предсказанной Ницше стадии «*ubermensch*» («сверхчеловек», но не «суперменш!»), на которой все мы станем другими. Ницше не говорил, какими — лучше, или хуже, или более нравственными. Другими. Поэтому в своих размышлениях мы должны постоянно учитывать этот метафизический фактор, он существует.

¹ Это произнесено 10 июня 2001 года, за три месяца до теракта 11 сентября в Нью-Йорке.

Все-таки не до конца ясно: в чем, собственно, заключается путь человека? Но если еще имеется у нас возможность читать священные книги, нужно прочесть их сейчас иначе, не так, как мы читали раньше, попытаться по-новому понять скрытую в них непостижимую метафору. Эти попытки должны постоянно продолжаться, в них и заключается секрет творчества. Ведь нельзя же сказать, что человечество будет всегда. Вот с астероидами в ближайший миллион лет что-то там будет происходить — это уже предсказано. Но мы не знаем, что будет с человечеством, уцелеет ли оно вообще. Вполне вероятно, что оно проживет миллион лет и один день, а может, десять миллионов и один день... Путь человечества — аллегорический путь того самого Адама, или, наоборот, Адам — это и есть путь, исчисляющийся огромным числом лет. В свете этой грандиозной хронологии мы не видим никакого противоречия между теорией эволюции и идеей творения. В каком-то смысле можно представить, что Адам когда-то был динозавром, то есть прошел эту фазу и тем самым как бы наметил весь смысл своего существования как самоусовершенствования на пути возврата к идеалу, то есть к выходу из времени. Ибо время — это и есть изгнание.

Не идем ли мы из материального мира, через биологию, в которой ДНК является формулой изгнания из рая, — обратно, в нематериальный мир? Так сказать, в райские кущи... Так или иначе пусть все движется своим чередом. Волга течет, а Самара процветает как мирный объект.

Искаженная оптика¹

На одном из семинаров была предложена тема зеркал, взаимных отражений. Я думал, что взаимно отражающие зеркала — понятие все-таки довольно странное. Плядя в зеркало, вряд ли увидишь что-нибудь, кроме самого себя. Если уж говорить о том, как Восток и Запад созерцают друг друга, следует, пожалуй, вспомнить об увеличительных и уменьшительных линзах. Уже три века продолжается это внимательное, а порой даже в чем-то параноидальное созерцание. Под влиянием произвольной смены линз возникают многолетние стереотипы оценок, застойные обобщения, комплексы превосходства и неполноценности, литературные школы, концепции исторических утопий и так далее. В целом, как мне кажется, мы не очень-то благоразумно пользуемся этими стеклышками, однако в нынешний период мы хотя бы можем похвастаться тем, что они перестали быть деталями артиллерийского прицела.

Я хочу сказать несколько слов о взаимоотношениях между российской и европейской интеллигенциями и, в частности, о водоразделе в религиозно-философском течении.

¹ Из дневника В. Аксенова (2002? — 2004?).

Мы знаем, что три века назад Россия выбрала европейское направление. Мы шли по пятам за Западом, вполне понятно, что почти сразу мы стали испытывать проблемы, связанные с бесконечными отставаниями и опережениями. Первые зачатки российской интеллигенции внутри наиболее развитого сословия возникли под прямым и очень сильным влиянием группы французских интеллектуалов во главе с Вольтером, которая дерзостно вознамерилась заменить Священное Писание «Энциклопедией». Эта попытка, как ни странно, увенчалась успехом. Зародилась грандиозная утопия, известная как «Царство Разума». Вольтер с его удивительной исторической интуицией не зря так пристально приглядывался к России: он думал, что именно там, где начинается европейское утро, может осуществиться его мечта. Он оказался прав. Во второй половине XIX века завершилось формирование передовой российской интеллигенции. Она исповедовала идеи энциклопедистов в самых вульгарных вариантах. Ни о каком «деизме» речь здесь больше не шла. Бог был объявлен несуществующим, как будто Его можно было представить существом, то есть тварью. Мир предстал перед людьми в жестокой механистической модели. Это движение со свойственной русским тягой к крайностям пришло к своему триумфу в первой четверти XX века; возникло «Царство Разума» в большевистском варианте. Нельзя сказать, что все прошло без сучка и задоринки. Еще в конце XIX века возникло сильное художественно-философское движение «русского символизма». С этого момента исконное российское деление интеллигенции на две осточертевших и себе и всем нам группы «западников» и «славянофилов» отошло на второй план. Главное противостояние теперь шло по линии между «символистами» и «позитивистами».

материалистами». Корни «российского символизма» уходят опять же во Францию, к плеяде Бодлера, Верлена и Рэмбо. Сопутствующая символизму школа «религиозного экзистенциализма» стоит на Канте и Шопенгауэре. Искусство XX века создает неокантианскую деистическую реальность на грани непостижимости. Мережковский в своей поворотной¹ речи 1898 года сказал, что современный человек не может чувствовать себя живым в узкой полоске света между двумя черными безднами.

Ленин и вся его братия были людьми XIX века, позитивистами. Нарождение XX века предвещало крах их движению, которое не знало ничего, кроме примитивных схем. Первая мировая война приостановила приход XX века. В результате войны возникли тоталитарные режимы. Одним из них оказалось большевистское «Царство Разума»; в принципе, экстремальное воплощение энциклопедической утопии. Российскому символизму и религиозному экзистенциализму пришел конец.

Западные демократии между тем умудрились извлечь из «вольтерьянства» его главные гуманитарные ценности: плюрализм и терпимость. В результате в интеллектуальной сфере сосуществовали прагматический атеизм с художественно-философским неосимволизмом, что приводило к любопытным парадоксам. Например, школа неокантианского сюрреализма в 20-е и 30-е годы бурно аплодировала Советскому Союзу как апофеозу Великой Утопии. В последние десятилетия тоталитарного режима советская интеллигенция, полностью оторванная от западных собратий, почти вслепую пыталась нащупать новые ориентиры. С середины 60-х годов стало распространяться неофитство, «физики и лирики» зрело-

¹ В сторону «Мира искусства».

го социализма пытались заново познать христианство, иудаизм и восточные религии. В искусство начал возвращаться «символизм». Была осознана необходимость воскрешения великой традиции.

Теперь, когда стены рухнули, мы снова с удивлением смотрим друг на друга. Снова идут в ход увеличительные и уменьшительные линзы. Мне кажется, что пора выбросить на свалку надоевшее за три столетия деление на «Восток» и «Запад». Пора уразуметь, что должна возобновиться главная дискуссия человеческой расы между «позитивистами-материалистами», или так называемыми «прагматиками», и, условно говоря, «символистами». В этом случае линия разъединения может стать общей российско-европейской повесткой дня. Для этого, конечно, нужно, чтобы Запад прочел и наши тексты. Бытовавшая в прошлые времена идея: «написано по-русски, не читается», боюсь, устарела. Что очевидно.

Американские ретроспекции¹

Слово «ретро» этимологически близко стоит к «рэтайремент» (отставка), потому и звучит для меня уместно в эти дни, когда я приближаюсь к отставке из своего профессорства в американском университете. Это вовсе не означает, что я отношусь к своим писаниям как к далекому прошлому, иначе и не взялся бы за эту книгу. Просто мне кажется, что с помощью ретроспекций, то есть в данном случае взглядов назад, получится выстроить (или построить, или нарисовать) в некотором смысле новый художественный хронотоп страны, в которой я вдруг обнаружил себя как... 24 года назад. Что это за страна, которую называют «мировым жандармом» и «стражем демократии», страна, которая отстаивает право каждого «стремиться к счастью» и в то же время исчисляет счастье в долларах, страна, о которой в 20-е годы «поэт революции»² сказал, что она, очевидно, станет последним оплотом капитализма, и которая, избежав мировой войны, умудрилась разрушить мировой социализм.

¹ Из дневника В. Аксенова (2002? — 2004?).

² Маяковский.

Осенью 1983 года батальон американских морпехов высадился на небольшом острове в Карибском море. К тому времени, ныне полностью забытый, тиран¹ сумел установить на этом клочке земли с символическим именем Гренада («Я хату покинул, ушел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...») настоящий насильственный социализм. У тирана были хорошие шансы утвердиться в роли второго Фиделя Кастро, поскольку всем была известна научная доктрина Кремля: «социалистические изменения необратимы». Произошел, однако, удивительный перекося науки. Морпехи недолго возились, тиран куда-то канул, а посол США в ООН мадам Киркпатрик с отвратительной улыбкой сказала послу СССР в ООН товарищу Трояновскому: «Вот видите, Олег, социалистические изменения могут быть обратимы».

Когда-то я здесь маялся без ностальгии. Питерский ранний модерн уж никогда не вернется, скулил я. В ностальгическом возрасте я вынужден был бродить по пугающе новой стране.

Теперь уже огромные кубометры этой страны задигаются в ностальгию, по коей передвигаешься, как бы не обо всем догадываясь, вдруг на мгновение застываешь при рокоте раннего рока; там голосили парни, годившиеся тебе в сыновья, но ты и сам тогда иногда, а вернее часто, годился (сам) себе в сыновья при этих звуках. Дженис Джоплин², например. Недели две назад, разбирая книжный шкаф, я натолкнулся на ее нераспечатанную кассету. Когда и как она там оказалась, трудно сказать. Я засунул ее в магнитофон и больше уже не мог сойти с того места, пока не прокрутил обе стороны.

¹ Бишоп Морис (1944—1983) — гренадский политик социалистической ориентации, глава правительства с 1979 г.

² Джоплин Дженис (1943—1970) — американская рок-певица.

Вдруг я понял, что понимаю этот вокал совсем не так, как (тогда) в 70-е годы в Москве, когда певица была еще жива и входила в моду. Один за другим шли ее «хиты» «Me and Bobby McG», «Ball and Chain», «Turtle Blues»¹. Я слушал ее ошеломляющий свинг и пронзительный, неудержимый визг и понимал, что теперь это для меня не имеет никакой экзотической окраски, что это теперь живет у меня глубоко под кожей.

Образ маленькой девушки, воительницы рока, связался с Жанной д'Арк, которая в переломные моменты битв хватала копьё (с орлеанским флажком Jeanne D'Arc) и с неистовым воплем: «sûivez-moi» (За мной!) бросалась в самую гущу. Вот так же Дженис швырялась вперед во главе американского поколения «обоженных». Я их видел за эти годы не раз на концертах Джерри Гарсиа² или Саймона³ и Гарфункеля⁴. Многие выходили и поднимали свои зажигалки со слезами на глазах.

2004 (?)

¹ «Бобби МакГи и я», «Ядро на цепи», «Черепаший блюз».

² Гарсиа Джерри (1942—1995) — американский музыкант, гитарист, вокалист.

³ Саймон Пол Фредерик (р. 1941) — американский рок-музыкант, поэт и композитор.

⁴ Гарфункель Артур (р. 1941) — американский певец, выступавший дуэтом с Саймоном.

У самого синего моря¹

Звуковое кино возникло у нас в самом начале тридцатых, из чего следует, что нынешнее поколение стариков с самого раннего детства знало, что герои кино говорят, а не просто шевелят губами, как старинный Чарли Чаплин, ну а «грозные силы природы» свищут, рычат, грохочут, да еще в сопровождении тревожной музыки под управлением Гамбурга. Звукозаписывающая техника была еще на весьма примитивном уровне, диалоги звучали неестественно, как будто для того, чтобы получить ответ на простой вопрос, надо было перетаскивать аппаратуру с одного места на другое. Современному зрителю такие диалоги могут показаться каким-то стилистическим изыском.

Такой эффект, во всяком случае, возникает сейчас при просмотре фильма Бориса Барнета² «У самого синего моря». Эта удивительная работа вообще кажется не чем иным, как собранием формальных приемов конструктивистского авангарда, недаром она и была на долгие годы отправлена «на полку» тогдашними руководителями советского кино. Южный Каспий с его ослепитель-

¹ Опубликовано: Огонек, 2004, № 37.

² Барнет Борис (1902—1965) — советский актер и кинорежиссер.

ными даже в черно-белой гамме песчаными пляжами, с поднимающимся над вечной раскачкой клочковатых волн огромным солнцем является не просто местом действия, но миром непознанной и вряд ли познаваемой жизни, в котором словно супрематическая геометрия проходят и пересекают друг друга контуры парусов рыболовецкого колхоза.

Удивляет малолюдность фильма, то есть увеличенный простор экрана, на котором три основных героя производят некую спонтанную хореографию движений сродни биомеханике Мейерхольда. Не исключено, что как раз из мастерской Мастера пришли в кино эти три актера — Крючков, Свердлин и Кузьмина. Поражает юный Николай Крючков, вечно босой, голый по пояс, с великолепной мускулатурой спины, кривыми веселыми ногами, копной добела выгоревших волос, сверкающей улыбкой родных зубов; колоссальное открытие Барнета, сравнимое разве только с тем, что сделал два десятилетия позже Элия Казан¹, открывший Марлона Брандо.

Неизбежно приходит в голову вопрос: что произошло бы с таким парнем, как Крючков, если бы он родился в Америке и в двадцатилетнем возрасте был «открыт» в Голливуде? Нет сомнения, что стал бы там мегастар вроде Джеймса Кэгни², прошел бы через десятки ковбойских и гангстерских побоищ, через любовные драмы в духе Хамфри Богарта³, чтобы превратиться в конце концов в уставшего от своих миллионов Спенсера Трейси⁴ или, на французский манер, Жана Габена⁵.

¹ Казан Элия (1909—2003) — американский режиссер театра и кино.

² Кэгни Джеймс (1899—1986) — голливудская звезда.

³ Богарт Хамфри (1899—1957) — знаменитый американский актер.

⁴ Трейси Спенсер (1900—1967) — актер, двукратный лауреат премии «Оскар».

⁵ Габен Жан (1904—1976) — знаменитый французский актер театра и кино.

Интересно, что даже там, где ему довелось родиться с его спиной и талантом, там, где он был востребован в роли социального героя пятилеток (ближайший пример — «Трактористы»), ему иногда удавалось с точностью вписаться в голливудский стереотип. Такое произошло, например, в фильме «Небесный тихоход», где неотразимый ас в пилотской куртке не мог не покорить корреспондентку «Пионерской правды» Валю — Аллу Парфаньяк¹.

Российское искусство всегда повторяло западное. Даже Пушкин и Лермонтов считались байронитами, хотя они и превратили это течение в иронический парадокс. И лишь однажды в истории став символистами в конце XIX века, мы сравнивались с Западом, чтобы потом резко уйти вперед в качестве футуристов и конструктивистов. Зарождение современного кинематографа как раз совпало с этим временем, да и вообще этот новый вид искусства по своей технологической сути совпал с конструктивистской эстетикой. Именно поэтому советский довоенный фильм вышел в авангард. «У самого синего моря», быть может, самая последняя работа той героической эпохи. После этого советское кино загнали в захолустье, сравнимое только с качеством пленки Шосткинского завода. Сейчас, когда нас обуревают жажда выйти на уровень коммерческих мировых стандартов, не следует забывать о тех временах, когда мы были впереди, когда Каспий из нефтяной лужи волей неистовых кинематографистов превращался в мировой океан, то есть в метафору человеческого существования среди непостижимых стихий.

Сейчас, ступая опять же шаг в шаг по стопам Запада, мы начали торчать на слове «ремейк». Перебирая в

¹ Парфаньяк Алла Петровна (1923—2009) — российская артистка театра и кино.

памяти примеры ремейков, я вспомнил французский фильм *Une femme Nikita*¹. Это был неплохой триллер, весьма отличающийся от средняковской продукции этого жанра. Американские дистрибьюторы, вместо того чтобы попросту пустить эту «женщину Никиту» на свои экраны, перекупили права и сделали ремейк со всем набором голливудских штампов. Получилась попсовая лажа. Пускаясь в такое рискованное дело, серьезному кинематографисту следует все-таки иметь в виду, что в ремейке заложен не только соблазн собезьянничать и огрести «бабки», но и возможность восстановить связь с традицией путем пересказа на новом эстетическом языке, что сделала, скажем, Рената Литвинова со «104 страницами» Радзинского. Если же, допустим, кто-нибудь вознамерится «ре-мейкнуть» «У самого синего моря», ему придется сделать художественный шаг, равносильный открытию Барнетом Николая Крючкова.

¹ «Ее звали Никита» (1990), криминальная драма Люка Бессона.

Публицистика

Не надо перезахоранивать Деникина.

Поставьте ему памятник¹

Я не очень уверен, что перезахоронение генерала Деникина и философа Ильина отвечает духу времени и нашей страны. Что такое «акт примирения»? Как примирению могут помочь мощи, которые вырыли из могил и перенесли сюда? Как это согласуется с православной традицией? И как прикажете это понимать? Считать, что они достигли, наконец, своей земли?

Что ничего не было: ни изгнания, ни многолетней жизни за рубежом? Говорят, что дочь Деникина очень хочет, чтобы отец был захоронен на русской земле. Но с Ильиным-то это не так. И потом естественно, когда солдат хочет быть похороненным в земле, которую он защищал. А философу все равно, где он лежит. Он лежит в планете Земля. «Его зарыли в шар земной», — написал поэт Сергей Орлов². Когда в дальних странах наталкиваешься на могилы русских, это не вызывает возмущения или непонимания. Ты возвышаешься и знаешь: тут лежат герои нашей истории. Они нашли приют в Америке, во Франции. И отчасти принадлежат этим странам.

¹ Опубликовано: Огонек, 2004, № 37.

² Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977) — поэт-фронтовик.

Им все равно, где и как лежать. Помните, Лев Николаевич Толстой незадолго до смерти говорил: я уйду к Престолу Господа, а что с останками будет — все равно. Для нас могила Толстого в Ясной Поляне — это святое место. Но если бы Толстому пришлось бежать от революционной толпы в Англию (где он, кстати, мечтал побывать), он бы принадлежал и той земле, которая дала ему приют. Это святое для всех русских место было бы там.

Говорят о примирении над гробами. Кого и с кем? С КПРФ? И кто вторая сторона в этом примирении?

Я не думаю, что солдаты Добровольческой армии хотели бы обрести свой последний приют по соседству с красными комиссарами. Это не поможет национальному шизофреническому раздвоенному сознанию, но лишь усугубит болезнь.

Шизофренический раскол вызван этими 70 годами советской власти. Нарушена национальная самоидентификация. Сегодня нет раскола на красных и белых, но откуда берутся поклонники Сталина?

Я был на передаче Светланы Сорокиной, где мы обсуждали памятник трем вождям в Ялте и памятник Сталину в Мирном. Где, кстати, погибли сотни тысяч заключенных. Откуда берутся те, кто за памятники? Причем после 15 лет страшных разоблачений. Ответ дал Андрей Смирнов¹, хотя я и сам был близок к этой мысли: те, кто убивал, остались живы и дали большее потомство, чем те, кто уцелел в бойне. И вот сегодня семейные традиции дали всходы. Я не верю в экзгумации. Но мне кажутся очень нужными памятники. В Вашингтоне есть памятники героям Гражданской войны. Сначала их ставили только героям Юга, а потом — и Севера, и Юга. И это правильно.

¹ Смирнов Андрей Сергеевич (р. 1941) — актер театра и кино, кинорежиссер.

То, что поставили монумент Колчаку в Иркутске, — хорошо. А теперь поставьте памятник на родине Деникина или Ильина. Поставьте в Крыму памятник Белой армии, мученикам, жертвам Белого движения. Ведь было много фактов самоотверженности и героизма. Хотя была и жестокость, но с большевистской жестокостью это сравниться не могло. Поставьте памятник Корнилову¹, Каледину², героям великого Ледового похода³. Нет памятника и жертвам Кронштадтского мятежа⁴. Мы даже не знаем, сколько их было.

До сих пор не написана подлинная история русской революции. На Западе такие исследования есть. У нас — нет. Но очень много лжи. Почему-то правда в народных массах не укореняется. Не верят.

Не хотят верить в страшную правду. До сих пор не знают, что кроме Первой конной была и Вторая во главе с Мироновым⁵. Миронова расстреляли, армию расформировали, а Первая конная осталась единственной же. Мне скажут: все эти памятники сделает Церетели. Пусть сделает. Я видел памятник ялтинской тройке: два англосакса — высоколобых, со светлыми взглядами джентльменов. Это был памятник двум людям и одному зверю. Церетели, видимо, подспудно так его ощутил и изобразил. Зверь с отягощенной памятью. А что с нашей памятью?

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — белый генерал.

² Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — белый генерал.

³ Отступление Добровольческой армии генерала П. Г. Корнилова зимой 1918 года по льду Черного моря из Новочеркасска в Новороссийск.

⁴ Вооруженное восстание гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей в марте 1921 года против большевиков, в поддержку бастующих рабочих Петрограда.

⁵ Миронов Филипп Кузьмич (1872—1921) — командарм 2-й Конной армии в Гражданскую войну, был убит в Бутырской тюрьме, куда попал по ложному обвинению.

Язык курятника¹

«Я сижу, как бы ужинаю. Приходит Сергей, типа друг: «На нас наезжали. Хотели развести на распил. Мы не прогнулись».

Размышляя о постимперском пространстве, я вспомнил, как часто в прежние времена в бытовом обиходе по отношению к огромной стране употреблялось слово «Союз». Почему-то оно оказалось удобной и свойской заменой официального «ЭСэСэСЭР», не говоря уже о Союзе Советских Социалистических Республик, и в то же время эвфемизмом подразумеваемой «Империи», чем-то сродни американскому THE STATES (Штаты).

«Лучший в Союзе».

«Весь Союз объездил».

«Во всем Союзе хрен найдешь».

Даже эмигранты 80-х годов, так называемой «третьей волны», от этого слова не избавились. Кажется, и по сей день оно бытует уже в качестве незамечаемой оговорки.

«У него семья в Союзе осталась».

«Что нового в Союзе?»

Нового словечка в обиходе пока еще не появилось. Ведь не скажешь же: «Во всей Федерации хрен найдешь», хотя «федералы» и бытуют повсеместно, особен-

¹ Опубликовано: Огонек, 2004, № 6.

но на Кавказе. Аббревиатура «ЭРЭФ» звучит как-то не по-нашему. В сравнении с ней даже «ГэКаЧеПэ» поражает удивительной русскостью. А вот «России» в этом смысле не удалось полностью заменить «Союза», это слово пока что произносится с какой-то официальной неловкостью. Для обихода лучше бы подошла «Русь».

«Лучший на Руси».

«Всю Русь объездил».

«Во всей Руси хрен найдешь».

Тут, впрочем, и спотыкнуться можно ненароком. Ты куда сейчас? В Русь? На Русь?

В контексте постимперского синдрома производит впечатление инфляция местоимения «мы». В период расцвета утопической державы, не вдумываясь в сакральный смысл тотального единства и не имея представления о существовании романа Евг. Замятина «Мы», постоянно мыкали.

«По темпам роста мы опережаем США».

«В области балета мы впереди планеты всей».

«Мы планируем поворот рек».

Мыканье продолжалось даже во времена повального критиканства. Диссиденты советских поколений, атакуя правящий класс, подсознательно еще не подошли к размежеванию.

«Мы катастрофически отстаем по производству сельхозпродуктов».

«Мы не уважаем наших собственных законов».

«По какому праву мы вторглись в Чехословакию?»

«Мы постоянно лжем нашему народу».

В постимперском мире размежевание достигло своих высот. Сейчас если гражданин говорит «мы», не совсем понятно, кого он имеет в виду: семью, фирму, сословие — ясно только, что не все общество. Не совсем ясно

также, кто маячит за словом «они». Ясно только одно: если человек говорит «я», он имеет в виду самого себя, но не свой номер. Наступила пора повсеместного «яканья». Наблюдая жизнь современных русских, я замечаю, что многим стало трудно произнести единую фразу без местоимения «я».

Любопытную трансформацию претерпело довольно известное слово «Кремль». В имперский период оно началось — или предназначалось означать — национальную гордость, святыню, отнюдь не крепость, но архитектурное сокровище. Сейчас «Кремль» является синонимом слова «власть», и если что-то еще может стоять за местоимением «они», то это Кремль.

Когда-то, лет восемнадцать назад, в Штатах (Союз тогда был для меня закрыт) я участвовал в конференции славистов и советологов (кремлинологов). Мое сообщение называлось «Суффиксы и префиксы в контексте идеологической войны». Речь шла о том, как определенные суффиксы и префиксы меняют смысл словесного корня. Вот, например, если к корню сбор- прибавляется суффикс -ищ, получается гадкое слово «сборище», которому в принципе уже не нужны уточняющие прилагательные. «Именно так, господа слависты и кремлинологи, — сказал я аудитории, — напишут в Союзе о нашей конференции: сборище». В этом же духе любимый западными филологами «булгаковизм» может быть трансформирован в «булгаковщину».

С этими частицами, впрочем, случаются и парадоксы. Возьмите препротивнейшее слово «антисоветчина». Уберите негативный префикс анти-. Вроде бы должно получиться что-то более приятное, однако оставшаяся «советчина» звучит еще хуже. Винават родственник -ищ — суффикс -чин.

Хорошо бы и сейчас в постимперской России провести анализ изменений суффиксов и префиксов в современном словесном обиходе. Новый «линг», возникший за последние 15 лет, вместе с новой энергетической интонацией отражает психограмму нового общества, а в частности, атмосферу постоянной спешки, убивающей всяческую высокопарность. Вот, например, слово «речевка». Торжественная «речь», снабженная суффиксом -овк, немедленно теряет свой пафос. «Речевка» отражает основное настроение аудитории: «Ну хорошо, а дальше что?»

Все уже привыкли к бесконечно употребляемым и вроде бы бессмысленным междометиям «типа» и «как бы».

«Я сижу, как бы ужинаю».

«Приходит Сергей, типа друг».

На самом деле в этом языке курятника (тип-тип-тип-), равно как и в постоянном кваканье (как бы, как бы, как бы) содержится смысл постоянной спешки.

«Я сижу и, не вдаваясь в подробности, ужинаю».

«Приходит Сергей, не вдаваясь в подробности, друг».

Подробно можно говорить только о деньгах. Впрочем, и по этому предмету наблюдается замечательный постимперский лаконизм.

«Они на нас наезжали. Хотели развести на распил. Однако мы не прогнулись».

В таком контексте можно смело попрощаться с Великим и Могучим. Остается только надеяться на будущий Правдивый и Свободный.

Алхимический Лимон¹, или Зимние Воспоминания о Летних Впечатлениях

Описанного в этом очерке адриатического отеля «Бельвью» больше нет: он сожжен огнем федерального флота распавшейся Югославии. Не знаю, что стало с тем бартендером², который тогда рассказывал мне о мелких неурядицах между сербами и хорватами. Сидит ли где-нибудь с автоматом в горах, сбежал ли в Италию, может быть, даже погиб?

Получилось так, что я пересек на машине Югославию во время ее последнего мирного лета. Нынче из открытых кафе Дубровника люди бросаются прямо в бомбоубежища.

События восточнее Эльбы несутся со скоростью монгольской конницы. Я не успел тогда дописать свой «Алхимический Лимон», как он уже устарел по фактическому материалу. В прозаическом смысле, то есть в смысле художественной прозы, полагаю, он все-таки остался

¹ Опубликовано: Иностранная литература, 1993, № 1. В названии обыгрываются удивительные свойства лимонного сока, выявленные американскими медиками.

² Так может быть назван бармен, отличающийся особой культурой обслуживания и вкусом.

верным и пребывает в этом качестве и по сей день как одна из бесконечных «шопенгауэровских», так сказать, рефлексий жаркого европейского лета 1990 года.

Потные нервные поиски этого Алхимического Лимона идут теперь уже и по просторам родины чудесной, кое-где с помощью «калашниковых» и установок «Алазань». Журналисты и писатели звереют от прогнозов и предсказаний, а несуществующее искомое издевательски втягивает нас все круче в свою орбиту.

И все-таки в жизни каждого из нас были те три незабываемых августовских дня 1991-го¹, а это значит, что порочный круг может быть прорван.

Наступающие силы западной цивилизации решительно движутся на Восток под знаменами золотой арки Макдональда. Коммунистическая идеология хиреет, кока-кола наводняет оставленные фортификации. Недавние сообщения из Москвы гласят, что Большой Мак² близок к полной победе над Большой Мумией³. Время трубить триумф, или, по крайней мере, я так думал, пока однажды жаркой июльской ночью не натолкнулся в центре Праги на кафетерию «Арбат». Милостивый Маркс-Энгельс, это была скоростная закусовая в русском стиле! Она предлагала борщ, «русский шашлык», пирожки, и девушки в симпатичной униформе упаковывали это хозяйство в пристойно выглядевшие бумажные мешочки. Что происходит? В тылу доблестно наступающих «гамбургерских» армий скромно, но вполне эффективно оперирует некое советское подразделение. Может быть, разбитый Коминтерн начал все по новой? Может быть, Прага ликует

¹ 18—21 августа 1991 года — победа москвичей над путчистами, захватившими власть в Кремле.

² Биг-Мак («Макдоналдс»).

³ Очередь в «Макдоналдс» в 1991 году сравнивали с очередью в Мавзолей Ленина (названного Аксеновым Мумией).

преждевременно? Небольшое утешение я получил при обозрении напитков «Арбата». Среди подрывных русских квасов и нейтральных чаев там все-таки присутствовала все та же победоносная кока-кола, а это означало, что отважная точка нарпита все же предрасположена к капиталистическому разложению — даже она.

— А что у вас идет на десерт? — спросил я арбатскую директоршу.

— Все, что вам угодно, сударь, — ответила она на превосходном русском «краковяке». — Сибирское мороженое, каспийское пирожное... Увы, — она улыбнулась немного меланхолически, — пока что мы не можем предложить того, что нынче ищут все народы, хотя надемся заполнить его в недалеком будущем...

— А, этот проклятый Алхимический Лимон, это его вы имеете в виду, мадам?

— Ну конечно, сударь, мы же тоже люди.

Реальная Кока и мифический Алхимический Лимон! Вывеска «Арбата» мигала в неоновых сумерках. Я понял, что отчаянная попытка новой идеологической пенетрации обречена на провал: даже спецназ «Арбата» жаждет Алхимического Лимона, а это безошибочно означает, что коммунизму крышка.

Берлин

Видение Алхимического Лимона стало меня преследовать с первой ночи моего долгого путешествия по Восточной Европе прошлым летом, едва я сбросил свою сумку в комнате отельчика «Асканишер-хоф» (уж не «Аксенишер-хоф» ли?), столь похожего на пансионат в фильме «Кабаре», и вышел на Курфюрстендам¹.

¹ Бульвар в Берлине.

Я не был здесь тринадцать лет. В 1977-м Западный Берлин был спокоен и тверд в решимости сохранить свою изолированную уникальность. Линия фронта была очерчена рядами сверкающих магазинных витрин. Кто мог предсказать, что они возьмут верх над пулеметными сторожевыми вышками коммунистической вохры?

Жаркой ночью 1990-го город был переполнен всеми возможными славянскими языками: чешский, сербский, хорватский, украинский, словацкий, словенский, македонский, черногорский... Впрочем, над всеми, включая, кажется, и немецкий, доминировали шелестящие польские пшепрашем. Со славянами рядом кружили тут румыны, венгры, армяне, монголы, цыгане... На тротуарах сидели женщины с плачущими детьми, просили западных монет, восточными, впрочем, тоже не гнушались. Время от времени молодчики в шестисотдолларовых кожаных куртках собирали в мешки эти звенящие дотации.

Русские тоже были в наличии, и даже во множестве! Самый ошеломляющий признак новых времен — русские как естественные частички европейской толпы. Лет пять назад, сидя в кафе на венецианской площади Сан-Марко, я горько сетовал на отсутствие моего родного перчика в космополитическом вареве. Теперь у меня была полная возможность насладиться диалогами бывших соотечественников. Говорили они в основном числительными. «19 270!» — восклицал один. «21 350!» — тут же отвечал другой. Иногда числительные произносились с некоторой мрачностью, в другой раз были преисполнены ликования.

В огромном баре с дюжиной пульсирующих экранов и ошеломляюще сверлящей музыкой я заметил среднего возраста персонажа с тяжелой советской, или, как сейчас говорят, «совковой» внешностью. Вне себя

от возбуждения он размахивал желтой пластиковой бутылкой. «Мама, глянь, это ж лимон, жидкий лимон, химический лимон!» А может быть, это Алхимический Лимон, подумалось мне. Открытые кафе были заполнены до последнего стульчика. В дверях и окнах видны были толпы молодых танцоров. Славяне, так внезапно приобщившиеся ко всему этому джазу, озирались со смесью восхищения и замешательства. Неутоленная жажда светилась в их глазах, страстная тоска по чему-то ультразападному, по чему-то одновременно и дешевому и дорогому, натуральному и искусственному, иными словами, по Алхимическому Лимону.

На следующее утро, естественно, я первым делом совершил паломничество к Стене¹. В 1977-м, будучи еще советским писателем, я был затянут в не очень-то безопасную игру с этим сооружением. Теперь же я неожиданно поймал себя на каких-то странных ностальгических чувствах к чудовищу. Двадцать четыре года прошли с ее мерзкого возведения до ее славного низвержения, фактически она всегда была со мной, то есть с самых первых шагов в литературе, это была моя Стена, объект самых едких насмешек, грань дерзейшего вызова. Что-то в высшей степени социалистическое было в этом сооружении, она, казалось, имела самое прямое отношение к эстетическим концепциям тридцатых. Среди загрязненного города она стояла как символ гигиены, по крайней мере с восточной стороны, где за желание отлить на нее или сделать скромнейшее граффити можно было заплатить жизнью. Полоса ничейной земли текла через Берлин, как Канале Гранде через Венецию, товарищ

¹ Стена, разделявшая Восточную (ГДР) и Западную (ФРГ) Германии, разделяла также и Берлин до октября 1990 года.

Харон в гэдээровской униформе постоянно приглашал пассажиров в свою гондолу.

В западноберлинском такси — «Мерседесе» (есть еще восточноберлинские такси — «Волги») я приближался к Чек-пойнту Чарли¹. В конце скучной функциональной улицы была уже видна гигантская восточная телебашня с преувеличенной бульбой в ее верхней части. Бессмысленная штука, известная как «Минарет Святого У» (Ульбрихта²), наполняла пейзаж какой-то дикой гармонией.

Таксист сказал, что он не очень-то в восторге от приближающегося объединения. А почему так? Он начал что-то бормотать о неизбежном росте налогов, скачках цен и тому подобном, а потом добавил:

— Да и вообще, сударь, я привык быть западноберлинцем, и у меня нет никакого желания становиться просто берлинцем.

— Бойтесь потерять свой ломтик Алхимического Лимона, мой друг? — спросил я.

— Вроде того, — вздохнул он.

В Восточном Берлине я занимался тем, что разыскивал остатки «Великой эпохи». Нелегкое оказалось дело. Западногерманский черный орел со своими поднятыми и согнутыми в локтях верхними конечностями, подобно могучему культуристу, уже доминировал над восточногерманским гербом, циркулем и рейспиной, похожими на выброшенные за ненадобностью орудия пытки. Некоторые мемуарные клочки все-таки еще обнаруживались, улица Клары Цеткин, бульвар Карла Либкнехта, некоторые жалкие продукты социалистической халту-

¹ Пограничный КПП между Восточной и Западной Германиями.

² Партийный руководитель ГДР.

ры в магазинах, монумент Марксу-Энгельсу (недурная работа по металлу, должен сказать) и, наконец, тысячи и тысячи автомобильчиков «Трабант», этих маленьких ублюдков, которые выплевывали токсические газы с такой интенсивностью, что казалось, они были построены не для транспортных целей, а для исполнения главной и величественной цели социалистического общества — создания Нового Человека, человека с новыми легкими.

Вдруг я заметил голову Ленина, свежую штуку, размером не менее, чем автомат для продажи кока-колы, художественно вырубленную из куска белого мрамора. Она была расположена перед фасадом советского посольства, где в 1977-м посол Абрасимов¹ так страстно и безуспешно ждал меня на чашку чаю. Я посмотрел вверх и увидел на коньке посольской крыши труппу «людей из камня»: представителей трудящихся масс, бравого пилота, грудастую доярку, атлетического моряка, фундаментального металлурга; призраки моей юности, золотых сталинских пятидесятых!

Со старым другом, замечательным переводчиком русской литературы Томасом Решке мы сидим в «айне кнайпе». Напоминаю ему наш разговор тому лет двадцать назад. Что случилось бы, если бы Советский Союз оставил Восточную Германию в покое? — спросил я его тогда. Том вспоминает свой ответ. С нашими тремя миллионами членов партии, вездесущими органами «штази»², могучими вооруженными силами ничего не случилось бы в один день. В отдаленной перспективе могла бы произойти гражданская война, ужасное кровопролитие, при самом благоприятном повороте собы-

¹ Абрасимов Петр Андреевич (1912—2009) — посол СССР в ГДР с 1975-го по 1983 год.

² Министерство государственной безопасности ГДР, аналог советского КГБ.

тий — постепенные изменения под влиянием Западной Германии.

И все это рухнуло в одну ночь! Когда-нибудь мы узнаем, что на самом деле произошло?

Коллапс коммунистического режима изменил отношение восточных немцев к русским. Прежде под гипнозом официально прокламированного «вечного братства» ноги можно было переломать в поисках каких бы то ни было человеческих чувств в адрес Большого Брата. Теперь, когда Советская армия упаковывает свои грозные железяки, а штатские русские рыщут по улицам в поисках Алхимического Лимона, можно увидеть по отношению к нам весь спектр человеческих эмоций: равнодушие, сострадание, злорадство и даже — подумать только! — благодарность за то, что, мягко говоря, не помогли геноссе Хонеккеру¹ остаться у власти, словом все, кроме застойной, молчаливой, взаимно отупляющей ненависти.

Варшава

Служащий на парковке адресовал мне свое обычное «А вы откуда?» — вопрос, который я уже десять лет считаю почти провокативным. «Ну, вообще-то я русский, но... из Америки». Пожилой человек улыбнулся: «Значит, пан не советский? Просто россиянин, да? Мне нравятся россияне, я среди них шесть лет жил в ссылке, в Казахстане. Коммунизм загнулся, а? Да здравствует демократия, о'кей? Ну скажи, а что император Горбачев, хочет он демократии для России?»

За трехчасовую парковку я заплатил 1232 злотых, то есть, по официальному курсу, 15 центов. Потом я купил

¹ Последний партийный руководитель ГДР.

порцию мороженого за 300 злотых, то есть за 4 цента. Впору тут навсегда остаться!

Последний раз я был в Польше семнадцать лет назад. Почти ничего не изменилось с той поры в городском силуэте, по-прежнему над ним доминирует дар Сталина — Дворец Культуры и Науки¹, известный еще со времен его возведения как «кошмар кондитера». Новенький «Мэрриот» по соседству ни на йоту не умалил его выразительности. Вместе с другими, некогда помпезными, а ныне потемневшими и обветшалыми хоромами социалистического реализма Дворец Культуры нынче не демонстрирует ничего более, чем убожество, ну да еще, пожалуй, хоть это и странно звучит, ностальгию по нашему вечному сопротивлению этой отталкивающей эстетике.

Больше всего меня поразило здание Центрального комитета Польской объединенной рабочей, то есть коммунистической, партии. Массивный десятиэтажный квадрат, бывший когда-то средоточием всемогущей власти, был полностью заброшен. Не встретив ни единой души — если кто-нибудь из прежних обитателей не реинкарнировался в одну из многочисленных ворон, — я вошел в огромный внутренний двор. Сик транзит gloria мунди², и как быстро она транзит! Ветер свистел в разбитых окнах, подъезды, еще недавно гордо охраняемые гвардейскими кагэбэшниками, были заколочены грязными досками без всякого уважения к эстетике социалистического реализма. Сквозь пыльные окна первого этажа я увидел помещение телефонного узла с огромными кучами выброшенных телефонов. Сотни телефонов разных цветов, возможно говорящих о разных уровнях иерархии, оборванные провода. Конец «телефонной власти», свалка истории.

¹ Высотное здание той же архитектуры, что и 7 московских сталинских высоток.

² Так проходит мирская слава (лат.).

Несмотря на кучку западных отелей, тропические фрукты на улицах, отсутствие очередей и некоторое присутствие международной рекламы, меня не оставляло чувство, что навязчивые призраки рухнувшей системы все еще бродят по городу. Парадоксально мне казалось, что семнадцать лет назад в этой полуокупированной и задавленной стране царило лучшее настроение. Тогда люди по-детски верили, что все может измениться за одну ночь, если только... Теперь, когда это «если только» произошло, оказалось, что страна вроде бы не знает, что делать дальше. Милиция, например, была переименована в полицию. Потрясенные этим переименованием центурионы практически исчезли из вида. Что происходит с государственными символами? — думал я, наблюдая за почетным караулом возле Вечного огня. Вместо того чтобы стоять в мраморной застылости, два воина беспрерывно болтали, хихикали, отгоняли мух.

Социалистическая экономика вроде бы была низложена раз и навсегда, граждане приглашались начать частные предприятия. Увы, большинство граждан просто не знает, что делать с вновь обретенной свободой. На рыночной площади в старом городе Казимеж лавки, очевидно, все еще принадлежат государственной монополии, демонстрируя названия вроде «кафе № 3», «булочная № 7», а местный ресторан предлагает в своем меню истинно социалистический перл: «стакан чаю, сладкий, 200 миллилитров». Между тем сонмы бывших строителей польского социализма, покупая и продавая, перекупая и перепродавая все, что они могут купить и продать, перекупить и перепродать, бороздят Европу. Подобно коробейникам, они разгружают багажники своих «польских фиатов», «лад», «вартбургов» и выставляют товар прямо на земле: американские джинсы и сигаре-

ты, западногерманские мыла и игрушки, советские водки и бинокли, различных стран ножницы, зубную пасту, колготки, рулоны упаковочной бумаги, иными словами — бесконечные элементы Алхимического Лимона.

«Мы все еще в средневековье, — говорит писатель Лех Ечмик¹, — самая ранняя фаза капитализма, караванная торговля». С другой стороны, всего лишь полгода назад полякам нечего было есть. В лучшем советском стиле магазины предлагали только возможность пообщаться друг с другом в очередях. А теперь вот вокруг — изобилие «предметов пищи». Крестьяне привозят туши в Варшаву и разделявают их прямо на перекрестках. Магазины демонстрируют гирлянды свежекопченых колбас, молодежь шамает пиццу и гамбургеры, приобщаясь к мифам. Цены высокие, но это лучше, чем низкие цены на несуществующие продукты. Одним словом, поляки наслаждаются состоянием первичного насыщения.

И тем не менее, несмотря на это или благодаря этому, все вокруг меня, казалось, было подернуто пленкой апатии, чувствовалось настроение какой-то досадной незавершенности, как будто нация внезапно потеряла свой мощный подъем, как будто полякам всегда необходимо, хотя бы для самоутверждения, бросать вызов кому-то, кто их сильнее. Жена одного из лидеров «Солидарности»², теперь ставшего большой шишкой, вспоминает ночь, когда ее муж вместе с сотнями его друзей был арестован солдатней Ярузельского, как звездный час жизни. Время беспрецедентного единства — вот что это было такое, говорит она, духовного взлета, нравственного сопротивления и готовности к самопожертвованию.

¹ Лех Ечмик (р. 1936) — польский писатель, переводчик, эссеист, писатель и редактор.

² Польское объединение профсоюзов антитоталитарной, антикоммунистической направленности, созданное в 1980 году в Гданьске во главе с Лехом Валенсой.

Я приехал в Варшаву в горький момент первого серьезного раскола в рядах «Солидарности». Иные из ближайших друзей Валенсы начали выступать против его популистской моды и недавних довольно двусмысленных заявлений, подстегивающих антиинтеллигентские тенденции. «Я не хочу, чтобы эти усы стали гербом нации!» — заявил Фросенок. На следующее утро чеканная фраза стала предметом обсуждений в кафе при издательстве «Читательник».

Сидя там среди писателей и общаясь с ними на прекрасном русско-англо-польском воляпюке, я думал, среди прочего, о той странной близости, которая существует между российской и польской творческой интеллигенцией. Русский поэт однажды сказал: «Для тех, кто до сравнений лаком, Я почести не знаю большей, Чем русский стих сравнить с поляком. Поэзию родную с Польшей... Она, как Польша, «не згинела», хоть выдержала три раздела...»¹ В этих строчках мне видится превосходная формула духовной солидарности и отмежевания от подавляющих сил как русского империализма, так и международного коммунизма. Для польских писателей русская культура никогда не была частью колонизирующей силы, а, напротив, колонизированной страной, борющейся вместе с ними за независимость и свободу.

Прага

Город танцевал, пел, играл на саксофонах, карнавал свободы был в полном разгаре. Сталин и Готвальд² отечески улыбались народу с сатирических плакатов. Голубой транспарант над широким тротуаром Венцеславского на-

¹ Из стихотворения Бориса Слуцкого (1920—1990) «Покуда над стихами плачут...» (1961).

² Партийный руководитель Чехословакии в сталинское время.

местья оповещал о доселе неслыханном развлечении под названием «Стриптиз», кинотеатр приглашал на «первый эротический фильм в ЧССР» — «Эммануэль». На каждом углу, будто в фильме тридцатых годов, свиристели мальчишки-газетчики: «Читайте про только что открытую шпионскую сеть!» Сиял горячий летний день, каждый второй прохожий, или прохожая, крутил, или крутила, языком вокруг сладеньких набалдашников мороженого. Глядя на это, нельзя было не подумать о всеобщем благотворном опьянении. В общем-то, всего ведь семь месяцев отделяли этот триумфальный день от времен полной покорности. Нация толстовцев снова оказалась права в своей приверженности принципам «непротивления злу насилием». Застенчивая улыбка президента Гавела¹ видна была повсюду: на стенах пивных, на стеклах автомобилей, на зеркалах парикмахерских, на грудях населения. Уличный шпагоглотатель закладывал в свой эзофагус два клинка в один прием, на пиджаке у него трепетала улыбка Гавела. Наслаждаясь этой сценой, я подумал: «Какая фантастическая судьба! Мог ли когда-нибудь этот мой коллега-писатель вообразить свое лицо на груди шпагоглотателя?»

Последний раз я был здесь в июне 1965 года. Как раз четверть века без Праги! В старой записной книжке я нашел несколько имен, но телефоны, естественно, либо были неправильными, либо молчали. Сразу же по прибытии я понял, что на Прагу в этом сезоне большая мода: все комнаты в отелях были забронированы заранее. В конце концов все-таки я нашел некий «Альбатрос», переделанный из старого парохода и наглухо зашвартованный у набережной Влтавы.

¹ Гавел Вацлав (1936—2011) — чешский писатель, драматург, диссидент, первый президент независимой Чехословакии, затем Чехии.

Открыв окно или, лучше сказать, «иллюминатор» в своей комнате, или, лучше сказать, «каюте», я сразу же увидел по крайней мере дюжину белых лебедей. Они слегка покачивались в мутных водах в четырех футах вниз от иллюминатора и смотрели на меня удивительно мыслящими глазами. Потом я заметил множество этих белых корабликов с их гибкими мачтами, разбросанных по акватории Влтавы вниз до шлюзов и вверх до Карлова моста.

Никогда мне еще не приходилось стоять в отеле так близко к белым лебедям. Как грациозно почесываются эти птицы! Им нравится германский шоколад из твердодолютного магазина, и они демонстрируют триумф биологического выживания в сильно загрязненной среде обитания.

В полусотне метров от отеля «Альбатрос» вниз по течению на набережной располагается массивное мрачное здание, увенчанное парой орлов, похожих на гигантских крылатых улиток, а также неизменными представителями трудящихся масс. Это Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии, пернатые на нем остались, очевидно, от имперской эпохи, мускулистые прибавились в социалистическую. Может быть, это то самое здание, в котором той проклятой ночью падающих звезд, 21 августа 1968-го, отряд советских спецназников построил членов политбюро вдоль стены и пересчитывал их по головам?

Сегодня почти все здание передано какому-то экономическому департаменту нового правительства, и только под крышей, то есть прямо под упомянутыми выше скульптурами, несколько комнат остались в распоряжении авангарда трудового народа.

Ищу, где бы поужинать на бульваре Святого Венцеслава. В ресторанах с местами все еще туго. В толпе

вдруг кто-то обращается ко мне: «Эй, мистер, розочку не хотите ли?» Молодой человек с пронзительной ближневосточной наружностью подталкивает ко мне девочку, явно не старше 14 лет. В ответ на мое недоумение начинает горячо объяснять свои обстоятельства:

— Кто я такой? Когда-то был комсомольцем, дрался с сионизмом, теперь вот торгую розочками. Хотите знать почему? Потому что хочу водки, вина, ходить в дискотеку, танцевать, о'кей?

Поняв, что мои намерения гораздо скромнее, ново-явленный садовник быстро отчаливает.

На одной из боковых улиц я вижу вывеску «Отель и ресторан «Алькрон». Мимолетный приступ кинематографической ностальгии: фасад здания несет отпечаток поздних тридцатых. Внутри ветеранский оркестрик играл мотивчик старой поры, «Гольфстрим». Бронзовая богиня нудизма в апофеозе раскрывала объятия посетителям. Шикарная дорогая ресторация!

Питер Оснос и Ашбель Грин из нью-йоркского издательства «Рэндом хаус» ужинали в углу большого зала. «Во время вторжения 1968 года, — сказал Питер, — «Алькрон» был своего рода штаб-квартирой западных корреспондентов».

Я вспомнил высказывание Иосифа Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ остается». То же можно сказать и об отеле «Алькрон» — он пережил два вторжения и все еще играет «Гольфстрим».

Бессмысленные рекламы коммерции советского блока, гордые диаграммы индустриальных достижений все еще украшали улицы Праги. Женщины стояли в очередях за овощами, которых все еще не хватает. «Приватизация» спотыкается на каждом шагу. Народ в недоумении: что еще надо делать, кроме празднования свободы? Чехи

всегда чувствовали свою принадлежность скорее к Европе, чем к славянскому миру, и все же даже они довольно туманно представляют себе современный Запад. Говоря «Запад», они, очевидно, все еще воображают свое собственное «западное прошлое», тридцатые, промелькнувшее между двумя войнами двадцатилетие процветания.

Гуляю ночью по Пшикопу и Народному проспекту. На углу большая толпа молодежи откупоривает дешевое советское шампанское, чехи, немцы, французы, американцы, скандинавы... Двадцать два года назад эти улицы наводнила мрачная, неразговорчивая русская молодежь. Сквозь мишуру карнавала, как наяву, я вижу несметное число медленнодвигающихся динозавров, советских танков. Танкисты, читатели моей ранней прозы, начеку, готовы выполнить любую команду товарища Брежнева, «нашего Леонида Ильича» — стрелять по ревизионистам, жечь их дома.

Смутные призывы литературы послесталинской «оттепели» оказались полностью несостоятельными, роботы коммунизма остались роботами. Тот тысяча девятьсот шестьдесят-проклятый, похмелье и нервный кризис советской интеллигенции...

После долгих поисков наобум я наконец нашел нескольких старых друзей, издателей и писателей. Они сидели в тех же обшарпанных кабинетах, за теми же шаткими столами. Если бы я тогда, в 1965-м, был хоть на минутку трезв, четверть века спустя я нашел бы эти кабинеты без всякого труда.

Сидим с друзьями в пивной.

— Ну, помнишь это место?

— Смутно.

— Здесь четверть века назад ты хвастался своей кепкой, якобы всепогодной, якобы подаренной тебе каким-

то оксфордским профессором. Потом ты подарил ее пианисту в баре «Ялта».

— О-о-о, хотел бы я знать, кто в ней сейчас ходит...

Парочка стареньких ребят занимает столик по соседству с нашим. Друзья представляют меня им:

— Это Василий... он... м-м... американский писатель...

Боже ты мой, в толпе любителей дешевого шампанского я слышу голоса молодых русских! В отличие от тех танкистов они, пожалуй, даже слишком многоречивы. Может быть, и этот липкий сладкий напиток стал уже ингредиентом в мистической субстанции Алхимического Лимона?

Будапешт

Во время рейса Прага — Будапешт по крайней мере треть пассажиров говорила по-русски. Это были советские евреи на пути в Тель-Авив. Группа была неоднородной, рядом с неуклюжими местечковыми мамашами проходили сдержанные джентльмены, хорошо экипированные скрипками и теннисными ракетками. Отдельные репатрианты несли отчетливые черты ассимиляции с блондинистой славянской расой, некоторые совсем не были похожи на евреев, неизбежно напоминая старый анекдот: «Еврейский родственник — это не роскошь, а средство передвижения».

Будапешт поразил меня своей элегантностью. Около полуночи на одной из центральных площадей я увидел маленькую сцену и на ней медленно покачивающихся сюрреалистически стройных девиц. Шла демонстрация мод под музыку барокко. Я был захвачен этим зрелищем и впервые за время восточноевропейского путешествия отвлекся от концепции Алхимического Лимона.

На следующее утро это место выглядело по-другому. Как только я вышел из своего обиталища (между прочим, здания XVIII столетия), я натолкнулся на сцену кулачного боя или, вернее, кулачно-ножного поединка, поскольку только один из бойцов был боксером, второй же — каратистом. Конфронтация шла в ключе полной и дикой непримиримости, пока боксер полностью не убедился, что он со своим оружием может очень легко сыграть в бокс, то есть в ящик, тогда он улепетнул. Я спросил у победителя, который оказался шофером такси: «Что случилось?» Пожав плечами, тот объяснил ситуацию с предельным лаконизмом: «Цыган».

Толпа на Ващи-утца, главной улице коммерческого района, была очень деловита, каждый выглядывал свою ежедневную порцию Алхимического Лимона. Макдональды, Кодаки и Бенеттоны мигали, как бакены, направляя течение к желанной цели — слиянию с западным рогом изобилия. Десятки художников всех возможных славянских, германских и монгольских племен сидели вокруг монументов, предлагая свежие портретики самых западных физиономий: Мадонну, Принца, Майкла Джексона, Вуди Аллена, то есть наши лучшие гамбургеры. Один художник, похожий на Карла Маркса, со своей бородой и гривой седых волос, внезапно сказал мне

— Привет! Как дела? Помнишь, мы вместе работали, творчески так трудились 18 лет назад?

Чудо узнавания произошло, хотя, когда я его знал, он был лыс, как яйцо. Он был когда-то кинохудожником в Ленинграде, и мы вместе пытались пробить один проект.

— Слушай, как это случилось, что ты сидишь со своей задницей на тротуаре в Будапеште и предлагаешь проходим все это бездарное хозяйство?

— Ну, тут был фестиваль, понимаешь, и я выиграл Гран-при как продакшн-дизайнер¹. А потом вот решил задержаться, чтобы подработать капусты.

— Это невероятно, советский кинохудожник-лауреат продает рисунки на улице в иностранном городе!

— Что же ты тут находишь невероятного, старик. Я вижу, ты порядком оторвался от нашей реальности.

Мой «друг», похоже, чувствовал себя в этой реальности как муравей в муравейнике. Он был одержим одновременно двумя гармонично сходящимися идеями: во-первых, хотел снять в кино гигантский блок-бастер о древних русских богатырях, бесстрашных витязях времен Татарского Ига; во-вторых, жаждал как можно скорее свалить из России, поскольку жена — еврейка и дети, соответственно, — полуевреи.

Утренняя пробежка дает путешественнику гораздо лучшую ориентацию в новом месте, чем любые туристические методы. Бегу по набережной вдоль Дуная и наблюдаю сомнительное поведение местной голубятни. Птицы, известные как символ миролюбивых сил, также известны своей постоянной склонностью издеваться над нашим историческим наследием, а именно над фасадами парламентов и соборов, а особенно над памятниками. Возьмите, например, вот этот приближающийся по мере бега монумент вдохновенному патриоту и поэту Шандору Петефи: наглое пернатое садится на его вознесенную руку, перепрыгивает с одного пальца на другой, чтобы в конце концов увенчать большой палец и придать всей святыне какую-то странную фривольность.

Еще менее церемонным оказалось отношение птиц к нерасторжимой паре теоретиков, Марксу и Энгельсу,

¹ Весь комплекс работ от идеи до завершения проекта.

что стояла на той же набережной милю вниз по Дунаю. Два голубя сидели на голове Карла, один на плече Фридриха, придавая ученым сходство с немецкими псами-рыцарями XIII столетия, что вторглись, не подумав, в Северную Русь и были изгнаны князем Александром Невским.

Возле монумента я обнаружил огромное безжизненное здание с длинной колоннадой. Наверное, еще один брошенный Центральный комитет, предположил я и не ошибся. Сквозь запыленную стеклянную дверь я вперился внутрь просторного вестибюля, пытаясь определить, что изображено на роскошной фреске, покрывающей внутреннюю стену. Что-то там было, несомненно, героическое, что-то поднимающее исторический оптимизм, увы, сквозь пыль плохо различалось. Заспанный охранник отрицательно покачал пальцем, как бы говоря: «Нет-нет, сударь, это не совсем то, что вы предполагали тут найти».

В один из будапештских дней прозаик Дьердь Конрад¹ привел меня в писательский книжный магазин, где проходила акция протеста. Да-да, писатели, которые, по идее, как раз и смоделировали только что приобретенную венгерскую независимость, снова протестуют. На этот раз они поднимают голоса не против удушающей идеологической власти, а против того, за что так долго и так непреклонно выступали — против частного предпринимательства. Оказывается, некий «концерн», созданный на основе совместных инициатив государства, иностранных вкладчиков и своих частных дельцов, агрессивно монополизирует всю книготорговлю страны. В частности, он готовится поглотить писательский

¹ Дьердь Конрад (р. 1933) — венгерский писатель.

книжный магазин и вслед за тем заменить на его полках серьезную прозу и поэзию безвкусными кричащими суперобложками и прилипчивыми названиями, иными словами, теми же гамбургерами скоростной заокеанской выпечки.

Ораторы страстно вздымали риторические вопросы. Неужели мы боролись против идеологической бюрократии ради торгашеской корысти? Есть ли место для литературы в новой Венгрии?

Вопросы эти, при всей их высокопарности, отражают тревогу и растерянность, распространяющиеся сейчас среди творческой интеллигенции Восточной Европы, да уже и Советского Союза. Художники, объединенные совместной борьбой против тоталитарного монстра, парадоксальным образом были защищены этим же вседушим монстром от иной раз слишком свежей внешней среды. Теперь перед лицом открытого рынка, с его жаждой Алхимического Лимона, их охватывает незнакомое ранее чувство агорафобии.

Однажды в холле отеля мои глаза споткнулись о неподвижное тяжелое лицо пожилого человека. Я слишком хорошо знал эти лица. В течение всей жизни, с детства до изгнания из СССР, я наталкивался на них то там, то здесь. Столпы режима, незаменимые члены невидимых органов. Венгерский друг подтвердил мою догадку, он опознал в человеке высокопоставленного офицера бывшей венгерской чеки. Но что он тут делает, в этом хлопотливом международном отеле? — поинтересовался я. Друг предположил, что чекист, возможно, принимает участие в коммерческих переговорах с японцами. Эти «бывшие люди» теперь активно ищут место в новом обществе.

Тяжелое лицо внимательно смотрело на нас: или он понял, что мы его вычислили, или сам вычислил нас

как бывших объектов своей профессиональной активности.

Мне было 24, когда хрущевские танки сокрушили венгерскую революцию. В те дни я испытывал острое чувство стыда от принадлежности к русским. Будь у меня хоть малый шанс, я присоединился бы к моим ровесникам на баррикадах Будапешта.

Сегодняшняя Венгрия прощается с Советской армией. Кровавый урок, который дал Хрущев восставшему народу, оказался тщетным. Буря бунта сменилась упорным, день за днем, год за годом, накатом мирного сопротивления, когда капля каплей выдавливалась из жизни сама идея о безоговорочной принадлежности венгров к «миру социализма». Теперь смущенные «старшие братья» покидают страну, не зная, куда девать затоваренные боеприпасы. Венгры сохраняют сдержанность, улыбаются. То там, то здесь я видел плакат, изображающий мясистый затылок головы, увенчанной советской армейской фуражкой. Надпись на плакате гласила: «Адье, товарищ!» Всякий раз, проходя мимо этих плакатов, я думал: а что, если этот солдафон обернется? Что мы узрим на морде лица? Желание торговать с японцами? Или снова вонючий клык покажет?

Дубровник, Сараево, Белград

В Будапеште я взял напрокат маленький автомобильчик «Сузуки», ну и покатил на юг, в Дубровник. Возле югославской границы наскочил на группку бывших соотечественников. Они вели тяжело груженные «Жигули» и «Москвичи» с московскими, киевскими и одесскими номерными знаками. Я удивился, чего это они волокут в Югославию? Обычно советские приезжают налегке,

а возвращаются с тяжелым грузом. Вскоре, однако, секрет раскрылся. К югу от границы, возле Субботицы, русские раскинули палаточный городок, в котором, по примеру польских братьев, распродают свою поклажу. Тут встает еще один вопрос: что же можно привезти на продажу из страны, до предела уже истощенной нехваткой самых основных товаров? Оказывается, все-таки есть еще кое-что: столичные водки и крымские портвейны, а также молотки, пилы, скобы, замки и задвижки, ну уж, конечно, и советские острейшие бинокли, армейские часы, какие-то уродливые пластмассовые игрушки, неизменные деревянные сувениры во главе с матрешками... Весь этот товар предлагается по исключительно низким ценам и потому находит покупателя. Динары, приобретенные в результате этой торговлишки, мои земляки расходуют на свою порцию Алхимического Лимона.

Вожделение машины через Боснию — это не прогулка с пикничком, особенно для тех, кто пренебрегал уроками географии и забыл, что это горная страна. Поднимаясь выше и выше, я вдруг увидел вокруг пропасти и тучи и обнаружил, что дорога становится все круче, уже и извилистей. После первого перевала передо мной предстала долина, похожая на картинку Ближнего Востока, здесь были мечети и минареты, а женщины носили длинные юбки. Никто больше не говорил по-английски, зато всякий более или менее понимал по-русски. Славянские мусульмане.

Мне посчастливилось добраться до Дубровника в канун его ежегодного фестиваля. Ох уж эта древняя Рагуза¹, место слияния итальянской и славянской культур над прозрачными водами Адриатики, над мифологиче-

¹ Город в Хорватии.

скими скалами и бухточками, эта уникальная морская крепость, населенная красивыми отпрысками средневековых купцов и моряков! Факелы трепетали вдоль мраморных стен под порывами бриза. Все языки перемешались здесь с далматинским диалектом, наперченным итальянскими словечками — «пронто»¹, «скузо»², «пермессо»³... Раньше в Дубровнике — последний раз два года назад — я не без горечи размышлял об отсутствии русских среди этого ежедневного международного карнавала. На этот раз, едва лишь войдя под арку Старого города, я был поражен сильным и мелодичным голосом, поющим популярную русскую песню. Молодой человек с хвостиком-пони на затылке играл на гитаре и пел «На Дерibasовскй открылася пивная», соискывая скромных денежных жертв у восхищенной публики. Его рюкзак, лежавший на мостовой, был заполнен, поскольку в Югославии нет монет, большими розовыми и бежевыми, будто бы замшевыми, банкнотами старых динаров стоимостью в пределах одного доллара. Мы познакомились и зашли в ближайшее кафе. Игорь Дорф только что окончил Ленинградский медицинский институт. В добавление к медицинскому образованию он развил в себе способности к пению, сочинению музыки и стихов. Честно говоря, он мечтает отложить в сторону свою официальную профессию ради художественного самовыражения. Вполне русское отношение к диплому высшей школы, должен сказать. Он приехал в Югославию по приглашению незнакомых людей, что стоило ему немалую сумму в рублях. Главная его цель здесь — собрать достаточно динаров «на клавиши». Рано или

¹ Алло.

² Извините.

³ Разрешите.

поздно, скорее рано, у него будет потрясающий японский синтезатор!

Сильная мечта искрилась в его глазах. Рюкзак, заполненный мягким, слегка засаленным эквивалентом магических «клавиш», болтался у него на шее со стороны груди. Он никогда не расстается с ним, а ночью использует как подушку, поскольку спит в кемпинге почти под открытым небом. Ну а как разные другие дела, в Дубровнике? Верьте, не верьте, сказал Игорь, но у меня здесь был романчик с американской женщиной. Должен признаться, никогда ничего подобного раньше не испытывал. Она хотела доминировать в сексе!

Боги Олимпа, подумал я, Европе теперь угрожает вторжение русских романтиков!

В Дубровнике, особенно по ночам, когда водная тропа Одиссея залита лунным светом, тебя вдруг может посетить ощущение вселенской гармонии, чувство причинности и разумности всей мировой архитектоники. Всего лишь за десять минут до этого бармен рассказывал тебе о нарастающей распре между сербами и хорватами. В этом сезоне, сказал он, сербы предпочитают держаться подальше от наших берегов. Несколько машин с белградскими номерными знаками были недавно осквернены, а некоторые даже сброшены с обрывов в море. Сербы и хорваты, ты говоришь, разве это не ближайšie друг к другу народы, разве не братья? Ну да, кивает он, непримиримые братья. А вы к кому относитесь, мой друг? Он улыбается: я — бармен.

Боже мой, шепчешь ты молчаливому свидетелю всех наших дел и бесед, пока медленно идешь по берегу в виду острова Локрум, где однажды, тысячу лет назад, вы-

садился Ричард Львиное Сердце¹. Луна освещает тропу Одиссея, и ты стараешься вознести благодарность хотя бы за этот момент гармонии.

Четыре ночи над прозрачными водами быстро пролетели, и я отправился назад, на Север. Сараево было на моем пути, город, в котором когда-то разразилась Великая война. Мне не удалось найти там улицу, на которой Гаврила Принцип застрелил герцога Фердинанда², однако я утешал себя тем, что все улицы в этом городе подходят для стрельбы.

Я шел по Старому городу с его восточными орнаментами, минаретами и кафе в турецком стиле. Двери всех кондитерских были открыты, демонстрируя стены, украшенные портретами маршала Тито³. Тито верхом, Тито на танке, Тито в аэроплане. По соседству на лоне ковров возлежали томные шехерезады под пышными звездами и узким месяцем. Я остановился, чтобы сделать снимок афишной доски с политическими плакатами, призывами разных партий к сараевским избирателям. К моему полному удивлению, вспышка привлекла внимание граждан этого города, где еще совсем недавно проходили зимние Олимпийские игры.

— Иностранец! — услышал я за спиной. — Это иностранец! Шпионажем занимается! Шпионажа!

Я повернулся и увидел перед собой трех призраков прошлого, трех старых коммунистов, как будто извлеченных из сердцевины пятидесятых. Один из них был

¹ Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — английский король из династии Плантагенетов.

² Убийство престолонаследника Австро-Венгрии эрцгерцога Фердинанда сербским подпольщиком националистом Гаврилой Принципом 28 июля 1914 года послужило поводом для начала Первой мировой войны.

³ Тито Иосиф Броз (1892—1980) — бессменный лидер Югославии с 1945-го по 1980 год.

слишком стар, чтобы поднимать тревогу, его пустые глаза не отражали ничего, кроме истории его партии. Второй, пухленький и круглый, эдакий добродушный экзекутор в отставке, едко подхихкивал. Третий же, еще не совсем и старый, был полон рвения и мог быть немедленно выдвинут в любое политбюро. Именно он попытался выхватить у меня мою камеру, продолжая кричать:

— Он тут пропаганду из нас делает! Прекратить провокацию!

Вдруг во мне проснулся журналист. Я был в восторге: что за редкая журналистская удача! Нынче вряд ли встретишь таких идиотов в Праге или в Варшаве, даже в Москве. Тени моей юности, духи Титоизма-Сталинизма!

— А в чем дело. Неужели фотографировать запрещено? — спросил я с провокационной наивностью. — Плакаты ведь открыто выставлены, прямо на улице, разве нет?

Ревностный товарищ продолжал тянуться за моей камерой:

— Сейчас мы тебя с твоей камерой в милицию отведем!

Я продолжал накручивать свою удачу:

— О'кей, пошли, пошли в милицию!

Добродушный палач спросил меня не без злобредного удовольствия:

— Ты, должно быть, поляк, так, что ли?

Что лучше сказать ему, чтобы обеспечить задержание?

— Американец, — ответил я, имея в виду, что я настоящий шпион, агент подрывного империализма.

Реакция на это признание оказалась совсем противоположной моим ожиданиям. Тройка прекратила тянуть ко мне руки и даже приняла нечто похожее на стойку

«смирно», одновременно расплываясь в самых что ни на есть гостеприимных улыбках.

— О, американец! Тогда, пожалуйста, сделайте что хотите! Добре дошли, американец вы наш любезнейший!

Разочарованный, я расстался с ними и пошел к моему запаркованному неподалеку «Сузуки». Они провожали меня глазами. Серьезные сомнения бродили по их лицам, очевидно, они что-то заметили во мне существенно неамериканское. Потом они увидели знак с буквой «Н» на моей машине. Хангари, Венгрия. Тревога вспыхнула заново.

— Смотрите, да он венгерец! Магьяр! Товарищи, зовите милицию! Пропаганда! Провокация! *Шпионажа!* Держи мадьяра!

Я поехал прочь.

Что все это означало? Может быть, этот неожиданный порыв проамериканских чувств был пережитком тех времен, когда товарищ Тито задира товарища Сталина и рассчитывал на США? А что бы случилось, если бы они узнали, что я русский, или американский русский, или, в конце концов, русский американец?

Когда советская «перестройка» только началась, иные югославские друзья говорили, что не видят в этом ничего нового. «У нас эта перестройка идет уже тридцать лет», — говорили они. На самом деле то, что было у них, было не перестройкой, а различными политическими и экономическими экспериментами все той же единственной коммунистической партии. Чуть более гибкие, чем их коллеги из сталинистского блока, югославские товарищи то ослабляли стальной зажим на теле общества, то опять подтягивали болты. Стратегически и экономически они приближались к Западу, идеологически Югославия до недавнего времени была нетронутым монолитом.

И только теперь можно сказать, что под размахистым ветром с Востока на землю южных славян пришла настоящая перестройка. Нынче и здесь мы видим не только оттенки красного, но весь спектр, от левых националистов до правых националистов с радугой всевозможных либералов посередине.

Последний вечер своего восточноевропейского путешествия я провел в саду писательского ресторана, модного местечка, облюбованного белградской просвещенной элитой.

— Посмотрите вокруг, — сказал мне коллега-романист Мома Димич, — кого только здесь нет сегодня — коммунисты, христианские демократы, четники...

Всего лишь несколько месяцев назад слово «четник» (роялист) было тут синонимом нечистой силы.

Всю дорогу, с самого первого дня этого путешествия, меня сопровождало одно почти забытое ощущение. Сначала я даже и не сообразил, что в берлинском воздухе может напомнить мне детство в столь далекой заволжской Казани. Потом догадался, это был запах цветущих лип, которого почему-то нет в Америке. Даже и на юге, в Белграде, я чувствовал этот запах, или мне казалось, что чувствую, или это просто были дуновения прошлого, тех времен, когда я голодным пацаном проносился под липами. Европа велика, фактически безгранична.

В вестибюле отеля я увидел группу советских туристов. Некоторые из них являли собой последнее, еще не промотанное сокровище моей родины — молодые женщины с танцующей походкой.

— Вы откуда, девушки? — спросил я.

— Из мятежного Донецка, — гордо ответила одна из «балерин».

Донецк, как и весь угольный край, был охвачен стачкой. Шахтеры требовали ни много ни мало как отставки советского правительства.

Можно надеяться, что славянские, германские, венгерские и прочие общины Восточной Европы в конечном счете решат свои экономические проблемы. Все поправимо, кроме проклятой назойливой философии с ее «научной» концепцией цивилизации, кроме не допускающей споров теории последовательной однолинейной смены исторических эпох. Для тех, кто волей-неволей провел большую часть жизни под гипнозом этой «науки», перестройка напоминает возврат от химии к алхимии.

Гигантская центрифуга разбрасывает вокруг обломки стереотипов, и среди них некогда цементирующий образ Большого Русского Брата. Парадоксально, чем больше унижению сейчас этот «брат» подвергается, тем больше он очеловечивается в глазах восточноевропейцев. Снова и снова вспоминается будапештский плакат с мясистым затылком. «Адье, товарищ!» — издевательски смеется Европа, но... но... Что произойдет, когда этот товарищ обернется? Неужели мы снова увидим кабанье рыло с гнилым клыком, или вместо него перед нами предстанет страдающее детское лицо с умоляющим вопросом в глазах: «Отец мой, мать моя, братья и сестры, что же это было со мной и так долго?! Помогите найти ответ!»

Письмо Борису Ельцину¹

Уважаемый господин Президент!
Многие россияне, проживающие за рубежом, обеспокоены нынешним развитием политической ситуации. Крайне правая, то есть союз большевиков и черносотенцев, стремится использовать трудности переходного периода для захвата власти. Цинично называя себя «русскими патриотами», они в своих многочисленных газетах и журналах, а также, к сожалению, и с трибуны Верховного Совета Российской Федерации, льют грязь на первого в российской истории избранного народом президента, глумятся над бескровной народной революцией августа 1991 года, не пытаясь скрыть, что их цель состоит в насильственной реставрации тоталитарного сверх-государства.

Их не смущает даже страшная перспектива этнической и гражданской войны по всей территории бывшего СССР, то есть повторение в гигантском, ядерном масштабе разворачивающейся сейчас «югославской модели».

¹ В. Аксенов предполагал, что это письмо подпишут вместе с ним сербский писатель и философ Михайло Михайлов (р. 1946), а также два советско-американских ученых с мировым именем: Роальд Сагдеев (р. 1932) и Валерий Соифер (р. 1936). Было ли отправлено письмо, неизвестно.

Готовность пролить кровь сквозит или напрямую высказывается в выступлениях их лидеров.

Не имея никакой позитивной экономической программы, они стремятся вновь противопоставить Россию Западу, то есть опять вогнать страну в гонку вооружений тем самым в безвыходный тупик для будущих поколений.

Запрятав на всякий случай свои партбилеты, они на все лады всуе произносят Имя Божие, пытаясь освятить свой коммуно-фашистский заговор. Не секрет, что многие их лидеры принимали активное участие в ГКЧП. Стиль их легко прослеживается в презренном манифесте хунты.

Ситуация не может не напоминать период между февралем и октябрём 1917 года, с той только разницей, что сейчас у нас есть законно избранный президент, а внешний мир не расколот мировой войной, а, напротив, с надеждой и симпатией и готовностью к помощи следит за демократическим развитием России. Нужно ли говорить о том, что эта готовность испарится, приди к власти красно-коричневые?

Нынешняя выгода должна оказаться решающей. Мы ждем от Вас, господин Президент, решительных действий по ограничению провокационной деятельности крайне правых. Демократические принципы не пострадают от обуздания нахрапистых молодчиков, в старые времена именовавшихся «охотнорядцами».

Демократия, разумеется, немислима без оппозиции, однако решительные меры против коммуно-фашистов сейчас только лишь будут способствовать возникновению нормальной, цивилизованной оппозиции, как справа, так и слева, в будущем.

Ваш недавний указ о запрете пресловутого «Комитета национального спасения» говорит о том, что вы встали

на верный путь. Коммуно-фашисты, однако, заявили, что не подчинятся, они продолжают провоцировать армию и силы безопасности.

Так по всему спектру проблем перед вами представит решительный момент противостояния, сродни тому утру 19 августа прошлого года. Мы надеемся, господин Президент, что вы снова не дадите загнать россиян в казарму и исполните свой исторический долг без страха и упрека.

С искренней симпатией,

Люди и демоны¹

Нынешнему поколению человечества, по всей вероятности, предстоит жить на фоне террора и анти-террора. В самой этой ситуации в историческом плане, по сути дела, нет ничего нового. Испокон веков на людей совершали набеги демоны злодеяний. В те времена, когда стало развиваться дальнее плавание, возникло и беспредельное пиратство. Далеко не всем парусникам удавалось благополучно пересечь океан. Тем не менее они все плыли и плыли. В XX веке возникла угроза фашистских и коммунистических диктатур. Далеко не всем странам удалось благополучно пересечь это столетие. Тем не менее они все жили и жили.

В истории есть примеры и глубоко пессимистического характера. Российской империи пришлось испытать полстолетия массового террора, исходящего от революционных групп. Мишенями тех бомбистов и пистолетчиков стало руководство страны — от жандармов до министров, премьеров, князей и императоров. В результате правящий класс был охвачен деморализующим страхом, что и привело к крушению империи.

¹ Опубликовано: В Израиль и обратно. Путешествие во времени и пространстве. М.: Вагриус, 2004. С. 33—37.

Ныне мишенями идеологического и религиозного терроризма стало все население цивилизованных стран. В течение веков развитые страны, принадлежащие в основном к христианской цивилизации, изобрели и произвели такое количество убивающих средств, что было бы странно, если бы этими достижениями не воспользовались наши враги. Ни у кого нет сомнения, что главной целью современных чудовищ является порождение массового страха, деградации, безволия и в конечном счете коллапса всех защитных механизмов, как силовых, так и психологических. В этой ситуации есть и пугающая новизна, потому что мы не видим врага. Мы не имеем права в каждом смуглом человеке подозревать чудовище. В Северной Ирландии, где несколько лет назад взорвали большой торговый центр, обошлось без брюнетов. Леденящая новизна нынешней ситуации заключается в том, что под прикрытием ислама возникла концепция одиночных самоубийств ради массовых убийств всех без разбора. Значит, лидеры террора толкают нас к тому, чтобы мы под действием страха забыли о христианской нравственности, — иными словами, к хаотической деградации.

Моделью к этой ситуации вроде должен был стать Израиль. В начале интифады, когда чуть ли не каждую неделю шахиды взрывали пассажирские автобусы, рынки, рестораны и дискотеки, страна была, кажется, на грани массовой паники. Во всяком случае, один мой израильский друг сказал мне в телефонном разговоре: «Мы все здесь пребываем в глубочайшей депрессии. Похоже на то, что наша утопия рушится». Я был там до этого в 1993 и в 1995 годах и не заметил никакого упадка. Напротив, страна звучала на мажорной ноте. Представить себе крах этого молодого общества, своим

существованием опровергающего мрак холокоста, было невыносимо.

В декабре 2003-го, под Рождество, я приехал туда снова в составе делегации русских писателей, приглашенных Еврейским агентством в России. За семь дней мы побывали в Иерусалиме, Тель-Авиве, на Мертвом море и в пустыне Неgev. Несмотря на тягостные предположения, я не увидел нигде ни уныния, ни страха.

В тени огромных, возвращенных посреди пустыни баобабов и пальм мирно процветает кибуц. «Нет, нам охрана не нужна, — отвечает нам наш гид-кибуцник, — мы все служили в армии и владеем всеми видами стрелкового оружия». На военно-воздушной базе Неватим мы наблюдали посадку трех ультрасовременных F16-M и через пятнадцать минут познакомились с их юными пилотами высшего класса; помимо других превосходных качеств, эти top-guns¹ поражают интеллектуальной уравновешенностью, а ведь одно их звено способно вывести из строя целую армию.

Ко дню нашего приезда в стране уже около двух месяцев не было терактов. Иной раз нам казалось, что израильтяне как бы стараются в полной мере насладиться этой передышкой, не упустить ни одного момента псевдонормальности. Теракт произошел на третий день. Мы сидели вечером на террасе в доме одного из спонсоров нашей поездки. Найман рассказывал свои забавные истории. Аксенов ему подыгрывал. Битов бросал весомые реплики. Попов Валерий играл роль смутьяна. Улицкая мирно улыбалась. Хозяин поговорил с кем-то на иврите по мобильнику, потом включился в обмен острот, завел весьма почтенный одесский анекдот и,

¹ Воздушная гвардия.

только досказав его до конца (еврей никогда не даст пропасть ни одному анекдоту), сказал: «Господа, должен вас огорчить. Полчаса назад был теракт на Центральной автобусной станции. Погибли пять человек, пятнадцать ранены».

На обратном пути я внимательно разглядывал улицы и набережную Тель-Авива. На них ничего особенного не происходило, жизнь продолжалась в прежнем режиме. Силовые структуры, разумеется, уже действовали по заведенному распорядку: точечные удары и прочие акции возмездия.

Ответ Израиля на угрозы непрекращающейся десятилетиями войны: жить полнокровной жизнью, несмотря на постоянные кровопускания.

Нам в Российской Федерации все еще кажется, что мы живем в мирное время. Это самообман, возникающий в связи с гигантскими пространствами страны и числом населения, в 21 раз превышающим число израильтян. Между тем если собрать все злодеяния, что произошли только за последний год — Кисловодск, Пятигорск, Майкоп, Владикавказ, Дагестан, Тушино, Тверская, «Националь», московское метро, — и спроецировать это, скажем, на параметры Израиля, тогда и нам, как говорится, мало не покажется.

Эта война, или, так скажем, немирный мир, имеет лишь косвенное отношение к тому, что называется «антитеррористической операцией» в Чечне. Мы должны признать, что не знаем, откуда приходят призраки и как они передвигаются по улицам наших городов. Хваленый спецназ ФСБ оказывается несостоятельным. Публика может почувствовать себя беззащитной. Во время обычной войны перед налетом авиации она прячется в бомбоубежищах.

Сейчас нет бомбоубежищ, а появишься они, до них в этих случаях не добежишь. И все-таки люди должны не только полагаться на правительство, нужно и самим озаботиться своей безопасностью.

Ради сохранения наших нравственности и достоинства нам следует согласиться с предположением, что шахиды внешне ничем не отличаются от нас, то есть являются как бы невидимками. У них есть только один уязвимый признак — это запах. Мы не можем узнать запах взрывчатки, однако его могут запросто уловить ноздри собаки. Тренированным на взрывчатку собакам должен быть разрешен допуск в метро, в автобусы, в места массовых зрелищ. Впоследствии, быть может, собачий нюх заменят технологические устройства, но пока что в поисках «приемов от лома» не нужно отмахиваться от помощи собаки, этого самого верного, если не единственного на Земле нашего друга.

Что касается людей, то им нужно осознать специфику «немирного мира» и самих себя не как гонимой массы, а как постоянных участников мирного сопротивления, то есть ежедневной полнокровной жизни. Это ощущение, как показывает исторический опыт, отстраняет страхи и вызывает особого рода сопротивленческий подъем.

В этом контексте не могу не вспомнить стихи молодого американского поэта Ивана Трунина¹. Незадолго до безвременной кончины он посетил Израиль и своим поэтическим чутьем уловил сдержанный пафос этой страны. Вот несколько строк из его поэмы «Citizens of war» («Граждане войны») в переводе Михаила Генделева:

¹ Внук Майи, жены Василия Аксенова.

...молодые парни
хлебнули войны,
их война в их глазах,
я вижу спокойную уверенность опыта...
...И вот именно здесь
я вновь чувствую, что это все не игрушки,
что не сегодня-завтра отвечать придется по полной,
то есть Ветхозаветной мере...

Странности ностальгии¹

В 1993-м, когда анпиловцы под красными знаменами давили грузовиками и душили велосипедными цепочками чинов ОМОНа, среди демократических лидеров находились такие, что называли эту публику «нашими ностальгическими силами». С тех пор прошло два года. «Ностальгия» нарастает, расширяется, крепнет. Помимо множества мелких групп вроде цитроновской большевистской ячейки, у коммунистов теперь две солидные «парламентские» партии. Опросы общественного мнения предрекают им большинство голосов в предстоящих выборах. Где-то даже промелькнуло мнение, что зюгановская партия на данный момент является единственной в России партией «западного типа» (sic!).

И никого в стране это, как сейчас говорят, «не колышет», а если и колышет, то не особенно. Вспоминается старая пьеса Виктора Славкина «Плохая квартира». Семья живет в тире, мимо них все время пролетают пули. Да, говорят они, квартира у нас плохая, но все-таки жить можно.

Преобладают два мнения. Одни говорят: ну что же, коммунисты так коммунисты, мы ведь все-таки тоже все

¹ Известия. 1995. 21 ноября.

были членами партии. Другие идут еще дальше: они изменились, посмотрите на Польшу, Венгрию, Литву, там ведь тоже сейчас коммунисты у власти, а ничего, ведут себя вполне прилично.

Возьмемся сначала за второе соображение. Ни в одной из указанных стран коммунисты не называют себя коммунистами. Они как бы превратились в социалистов, или в социал-демократов. Им стыдно называть себя коммунистами. Нашим — не стыдно. И здесь вступает в силу первое соображение.

Наша публика, кажется, до сих пор еще не избавилась от гипноза, полагая, что массовое формальное членство в партии до сих пор роднит обычный люд с коммунистами. На первых порах это туманное ощущение, может быть, сыграло даже положительную роль, предотвратив желание посчитаться с развалившейся властью, то есть помогло избежать кровопролития. С другой стороны, то же самое, как бы полупьяное, чувство родства помешало совершить важный исторический акт — окончательное запрещение коммунистической партии. Демократия не может терпеть в своем составе партию, отрицающую демократию. Сотрудничество или соперничество с коммунистами и нацистами невозможны, либо они запрещают демократию, либо демократия запрещает их, как поступили в федеральной Германии, раз и навсегда запретив нацизм. У нас этого не произошло, и теперь мы ждем крушения республики под красными сапогами.

Германский вариант у нас, похоже, невозможен: слишком сильная ностальгия. У нас даже элитная войсковая часть как бы демократического правительства марширует под кумачовыми знаменами, гордо несет имя Феликса Дзержинского, этого, как его однажды зашифровал Валентин Катаев, «козлобородого палача в

длинной кавалерийской шинели». Вообразите себе дивизию имени Гимmlера в составе бундесвера!

Совсем недавно трудно объяснимое решение Центризбиркома вызвало в памяти популярный напев революции: «Эх, яблочко, куда котишься? В губчека попадешь, не воротишься!» Злободневная чечетка, ничего не скажешь. Эта «губчека», похоже, присутствует повсеместно где-то по соседству с официальными органами правительства. Что уж говорить о «подпольных обкомах в действии», эти сползаются отовсюду для поддержки зюгановцев и лапшинцев.

А публика наша ведет себя так, как будто ничего и не слышала о крушении веймарской демократии, о приходе к власти Гитлера законным выборным путем. Станным образом все как бы вдруг позабыли о бесконечных разоблачениях периода гласности и послеавгустовского «романтического периода». Нынче считается неуместным вспоминать красный террор, коллективизацию, чистки, пыточные камеры, расстрельные подвалы, многомиллионную агонию ГУЛага, железный занавес и прочие художества «наших ностальгических сил».

Ну а пресса наша погрязла в постдемократическом цинизме, в отупляющем себе, когда для того лишь, чтобы продемонстрировать независимость, путаются все ориентиры, и дудаевцы, этот типичный продукт советского распада, предстают в роли борцов за свободу. Нынче, в предвыборные дни, увы, мало осталось надежд на нашу прессу: не ободрит, не подскажет, не отпаривает — постесняется.

Что нам еще нужно для того, чтобы понять суть коммунизма? Издевательское искривление креста в виде так называемого «серп-и-молота», для всего мира равнозначное нацистской свастике, все еще воспринимается

у нас со склонявой ностальгией. Почти уже установился взгляд на прошлое как на «добрые старые времена», в лучшем случае как на «сытый застой». А что особенно сытого было в этом застое: многочасовые очереди за «суповым набором», то есть за горсточкой полугнилых костей? А что могла купить старушка, этот постоянный предмет политических спекуляций, на свою советскую пенсию? Батон, бутылку водянистого молока, сто граммов подушечек?

Самое печальное состоит в том, что стирается из памяти феномен чудовищной коммунистической лжи. Да ведь лгали же с самого начала, еще с дореволюционного периода, выдавая себя за партию нового века. Будучи порождением примитивной позитивистской философии XIX века, предъявляли права на XX век. Утверждали свою «единственно верную» марксистскую модель мироздания в то время, когда вокруг зарождались новые философские, научные и художественные промыслы: ядерная физика, теория относительности, генетика, религиозный экзистенциализм, авангардное искусство, либеральные политические течения.

Ленин как подлинный «мелкий бес» XIX века в десятые годы загрузил, понял, что поезд уходит, что в новом веке у его партии нет шансов. На его счастье и на горе России, разразилась мировая война. Она приостановила бурный рост XX века, и «вождь мирового пролетариата» успел вскочить в последний вагон.

В этом, собственно говоря, и заключается отгадка колоссального отставания нашей страны: в хронологии XX века она управлялась кучкой козлобородых фанатиков из прошлого. В детстве, помнится, на меня произвела сильнейшее впечатление одна из сказок братьев Гримм. В некотором царстве, в некотором государстве некий

злой карлик терроризировал весь честной народ, и народ ничего не мог против него сделать, потому что никто не знал его настоящего имени. Однажды какие-то дети выследили карлика в лесу и увидели, как он в избушке пляшет и поет: «Как хорошо, что никто не знает, что Румпельштильцхен меня называют!». Дети тогда закричали: «Эй, Румпельштильцхен!», после чего злой карлик схватил себя за ногу и разодрался пополам. Уже тогда мне казалось, что в сказке кроется какой-то злободневный смысл, однако понадобились годы, чтобы понять какой.

После «пролетарской революции» прошло 78 лет. Казалось бы, давно уже все узнали, что карлика зовут Румпельштильцхен, ан нет, опять забыли. Более того, испытывают сейчас ностальгию по своему блаженному неведению. И вот злобный карлик снова разгуливает, теперь уже в думском пиджаке.

Что касается тех, что все знают, то среди них в обиход вошел усталый жест пресытившегося декадента: «А ну их всех на фиг! Политика — грязная штука, на выборы не пойдем, пусть сами разбираются». Деловая же молодежь самоуверенно улыбается: «В конце концов все решают деньги». Той же самой иллюзией тешили себя россияне в последний год нэпа, перед тем как все эти «деньги» одним движением челюстей пожрала коммунистическая идеология.

Не хочется нагонять мраку, но трудно не представить себе, как лет через пять будут шепотом вспоминать: а помните, в 95-м и за границу можно было поехать, и газеты почитать разных направлений, цензуры не существовало, и торговлишку можно было открыть, и сапоги теплые продавались зимой, а летом маек висело навалом, и пиво на каждом углу... Ну потом и шептаться перестанут.

Поколение XX съезда

«...все начнется вновь,
Все должно в природе повториться...»

Б. Окуджава

Предлагаемый вниманию читателей исторический документ, во многом предопределивший ход дискуссии на так называемой встрече творческой интеллигенции с представителями партии и правительства 1963 года в Кремле, теперь по прошествии лет позволяет судить, как изменились мировоззренческие позиции героев этой публикации и как изменилась страна за годы, отделяющие нас от времени возникновения этого документа.

Речь идет о том, что 2 марта 1963 года молодой советский поэт и молодой советский писатель дали интервью польскому еженедельнику «Политика», не предполагая, какой резонанс оно вызовет через 6 дней во время уже упомянутой встречи в Кремле. Встреча эта была еще одной, после посещения Н.С. Хрущевым выставки художников в Манеже в 1962 году, атакой власти на свободное творчество, вкус к которому особенно остро почувствовала после развенчания Сталина творческая молодежь, окрещенная критикой «шестидесятниками». На встрече в Кремле публикуемое интервью вызвало возмущение известной советской писатель-

ницы польского происхождения Ванды Василевской. Она заявила, что классовая позиция молодых советских писателей, давших интервью «Политике», не выдерживает критики, а взгляды и мысли этих молодых людей расшатывают советские устои.

Никита Хрущев, проводивший встречу, потребовал немедленно назвать имена отступников. Имена были названы, имена яркие: Андрей Вознесенский и Василий Аксенов.

По воспоминаниям Василия Аксенова, зал взорвался криками: «Позор, позор, к ответу!», после чего сначала Вознесенский, а следом за ним Аксенов были вызваны на трибуну, как на лобное место, где по очереди подверглись унижительным окрикам и угрозам главы государства...

Это было полвека назад, и вот сегодня русский перевод того интервью представлен редакции журнала «Вопросы литературы» ростовским психологом, доцентом кафедры социальной психологии Южного Федерального Университета, куратором международных арт-проектов Игорем Введенским. В 1963 году Игорь Введенский жил во Львове и был хорошо знаком с Евгенией Семеновной Гинзбург, знаменитым ныне автором «Крутого маршрута». Евгения Гинзбург, как мать Василия Аксенова, интересовалась всеми его выступлениями в печати и поэтому купила экземпляр той самой «Политики» с тем самым интервью еще до совещания в Кремле. После разразившегося скандала она попросила Игоря Введенского и его друзей перевести интервью на русский язык. Экземпляр перевода сохранился в архиве Игоря, и благодаря этому мы можем сегодня ознакомиться с историческим текстом.

Он вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, в нем представлены совершенно советские взгляды и ощущения Вознесенского и Аксенова тех далеких лет. Сегодня

их можно было бы упрекнуть в излишней приверженности идеологическим основам существовавшей политической системы, если бы мы сами не жили в этой системе и не знали, как это было на самом деле, и не высказывали бы в те годы в своих разговорах с друзьями мысли, подобные тем, что содержатся в интервью. Можно было бы упрекнуть их в этом, если не учитывать, что молодые иллюзии Аксенова и Вознесенского развеялись быстро, а неуклонное ухудшение политической ситуации (свержение Хрущева, судебные процессы над писателями, военное вторжение в Чехословакию и т.п.) обусловило их полную оппозиционность существующему режиму, а у Аксенова еще полный разрыв с властями и эмиграцию.

С другой стороны, интрига заключается в том, что заявления Вознесенского и Аксенова польскому изданию, такие будто бы совершенно невинные с позиции советской идеологии, какими они представляются нам из нашего сегодняшнего далека, вызвали такую ярость власти и собратьев по перу, из старой литературной гвардии.

А дело в том, что велась ожесточенная борьба старого, сталинского, взгляда на мир и на литературу с новыми веяниями в жизни и в литературе, разбуженными хрущевской оттепелью. И те мысли в интервью, что нам сегодня представляются вполне советскими, в то время содержали в себе угрозу для (советских же по сути) ретроградов и консерваторов, угрозу неотвратимых перемен. Да и сам Хрущев, как известно, в какой-то момент испугался собственных нововведений и дал отмашку на погром...

Прошли годы, и перемены с трудом и с жертвами воплотились в жизнь.

Но в изменившемся мире вновь возродилась та же ожесточенная борьба между старым и новым, которой мы

живем сегодня. И снова страсти достигают предельного накала...

Потому и интересен нам тот документ давно ушедшей эпохи.

Интервью Андрея Вознесенского и Василия Аксенова корреспонденту польской газеты «Политика» в Москве Адаму Перловскому

«POLITYKA», 2 марта 1963

А.П.: Вас называют советским «четвертым поколением»¹. Удачно ли это название?

А.В.: Существуют, по моему мнению, поколения — подобно горизонтальным хронологическим слоям, которые можно определить порядковыми номерами, а именно, 1-е, 2-е, 3-е и, наконец, 4-е — наше². Но кроме этого разделения поколений существует также вертикальная линия, проходящая через все горизонтальные линии, — поколение талантливых людей. Лично я считаю главной вертикальную линию, на которой помещаются как Пушкин, так и Лорка, Элюар, Пастернак и Ахмадулина. Художник всегда чувствует себя ровесником своих предшественников. Гениального Пастернака³ с полной убежденностью можно назвать ровесником Лермонтова. Хотя по возрасту,

¹ Видимо, отсчет ведется от 1917 года, ознаменованного октябрьским государственным переворотом, или, как это называлось в советское время, Октябрьской революцией.

² Применительно к литературе имеется в виду послевоенное поэтическое поколение.

³ Само имя Пастернака еще было опальным после присуждения в 1958 году Нобелевской премии роману «Доктор Живаго» и последовавшей за этим травлей его автора на родине.

указанному в паспорте, Ахмадулина является, например, ровесником поэта Х, то если мерить критериями вертикальной линии, то этот последний является ее беззубой бабушкой.

Являемся ли мы четвертым поколением? Каждое новое поколение считает себя первым... В политическом смысле мы являемся детьми XX и XXII¹ съездов КПСС, поколением, непосредственно соседствующим с революционными 20-ми годами, с традициями ленинизма.

В.А.: Деление на поколения является, вообще, чем-то условным. «Четвертое» является также условным термином. Почему именно четвертое? Если идет речь о литературных поколениях, то я отличал бы поколение революции, поколение 20-х годов, затем 30-х, потом фронтовое поколение, военное, затем литературу периода полного расцвета культа личности (когда торжествовала теория бесконфликтности) и, наконец, поколение после XX съезда. К этому последнему мы должны были бы, однако, причислить также старших — Дудинцева, Солженицына, Гроссмана², фронтовых писателей Бакланова и Бондарева³, которые после XXII съезда пишут иначе, чем раньше, ну и Эренбур-

¹ Эти съезды были посвящены развенчанию «культа личности» Сталина, «искажившего ленинские нормы партийной жизни», и провозглашали возвращение к ленинским принципам. То есть первая робкая попытка поиска социализма с человеческим лицом — за 30 лет до Горбачева.

² Роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), рассказ Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1959), роман Василия Гроссмана «За правое дело» (1952, 1954) вызвали в обществе и в писательской среде острую дискуссию.

³ Имеются в виду их военных повести, отличавшиеся правдивым изображением войны, давшие новое направление литературе о войне, которое критика тех лет окрестила «лейтенантской прозой».

га¹... Что нас отличает? Перед нашим поколением стоят задачи гораздо более трудные, чем те, которые решали другие поколения молодых писателей. Мы имеем за собой период консерватизма, мы должны не только сами достигнуть уровня 20-х годов, но также научить читателя, что литература не является предметом «непосредственного потребления», что наивными являются вопросы и рассуждения вроде: чему учит меня данный образ? Кто в этой книге положительный герой? С кого я должен брать пример? Шаблонные взгляды и понятия у нас еще слишком сильные. Покончено с культом личности в политической и общественной жизни, но размораживание человеческих душ все еще является трудной задачей.

А.П.: Чему, по вашему мнению, можно приписать то, что теперешнее молодое советское поколение — я говорю не только о художниках, но и о всем вашем поколении, является в большой степени, чем какое либо предыдущее, предметом непрерывной, горячей дискуссии?

А.В.: В советском обществе, как в целом, созревают и проходят огромные политические и общественные изменения. Оно видит перед собой очень трудные задачи и на молодежь возлагает большие надежды. По правилам генетики² наследование может иногда происходить путем скачка через одно

¹ Повесть Ильи Эренбурга «Оттепель» (1954) дала название всей хрущевской эпохе.

² Генетика была объявлена при Сталине лженаукой, ученые-генетики преследовались, крупнейший генетик, академик Николай Иванович Вавилов (1887—1943) умер в саратовской тюрьме.

поколение. Не случайно поэтому мы так близки поколению Ленина¹, поколению Гражданской войны и 20-х годов.

В.А.: Молодежь является первоочередной проблемой не только у нас. Судя по литературе, прессе и т.д., является она такой же проблемой везде, например, в Швеции, в Америке, а также в Польше. У нас всех есть между собой что-то общее, что является вполне естественным, — живем мы в одно время. Советская молодежь отличается тем, что она отбрасывает образ жизни и обычаи времен культа личности. Отбрасывает в целом и в каждой мелочи. И это раздражает некоторых людей старшего поколения.

Молодежь наша отбрасывает определенный стиль жизни — я бы сказал — инстинктивно, особенно не задумываясь над этим, без какого-либо философского фундамента. Просто она не принимает обычаев, характерных для этого времени, — хочет самостоятельно мыслить и рассуждать. А если даже и не чувствует такой потребности, хочет просто свободно дышать. Она выросла в других условиях. Иностранец, например, не является для нее каким-то марсианином, как это было в 50-х годах², но просто человеком.

Предметом дискуссии являются также некоторые отрицательные явления среди молодежи, целиком, впрочем, понятные, если принять во внимание, что созрела она в период, когда преобладала отрица-

¹ Противопоставление Ленина Сталину составляло основу политического обновления. В эти же годы Вознесенский пишет «ленинские» стихи «Секвойя Ленина», «Уберите Ленина с денег», «Его скульптор лепил...», поэму «Лонжюмо». Аксенов уже тогда был более сдержан.

² До XX съезда зарубежные контакты были невозможны для рядовых граждан.

тельная реакция¹. Проблема выплескивания ребенка вместе с водой, конечно, существует, вспомним хотя бы легкое отношение к любви. Однако это явление характерно для молодежи и других стран.

В нашем поколении много молодых ученых — математиков, физиков, кибернетиков. Они значительно отличаются от обычной технической интеллигенции. Многие из них считают, что все в жизни можно объяснить математическими и физическими формулами. Однако именно в этой среде родится будущее нашей настоящей интеллигенции. Наивное восхищение этих людей своим умом пройдет. Уже теперь есть признаки этого, например, растущий интерес к литературе.

Справедливость для отцов

А.П.: В советской публицистике часто протестуют против поверхностного противопоставления молодых и старых. Я хотел бы попросить вас попробовать выразить свое отношение, как говорят, «к отцам».

В.А.: Я попробую это выразить при помощи личного примера. Мой отец во время Гражданской войны был красноармейцем, в 1917 г. вступил в партию и позже был важным ее деятелем². В 1937 г. он был арестован — мы пережили судьбу, которая досталась многим советским семьям. А теперь я должен выразить свое отношение к прошлому своего отца... Хочу подчеркнуть: Гражданская война останется для нас не

¹ Иначе говоря, когда все было запрещено.

² Павел Васильевич Аксенов (1899—1991) был председателем горисполкома Казани и членом бюро обкома КПСС Татарской АССР.

только справедливой войной, а также воплощением романтики.

Конечно, мы испытываем желание какого-то расчета с отцами: как могло дойти — как могли они допустить — до 37-го года? Многие из них позволили то, чтобы святые для них дела и лозунги использовались на подлые цели. Есть еще что-то: они пережили муки культа личности. В наших глазах это создает вокруг них ореол.

А.В.: А я хочу, пользуясь случаем, поговорить о нашем сегодняшнем времени. Мы сейчас в Советском Союзе переживаем период, когда существует совпадение между революционным духом народа и тем, что делает руководство. Чем-то символическим для этого периода является для меня кремлевский Дворец Съездов¹. Рядом с церквями и палатами бояр теперь можно увидеть конструкцию из стекла и алюминия, возведенную моими коллегами из Института архитектуры. Дворец — это символ реконструкции страны. Творчество каждого художника следовало бы проверять в современном интерьере этого Дворца. Читать в них стихи наших молодых поэтов — о! Как он годится для этого! Но стихи писаистов к нему не идут.

Советские «мещане» в определенный период называли Дворец — это звучит как анекдот — битником. Не случайно поэтому молодых поэтов и их слушателей также некоторые называют битниками². Если мы являемся такими битниками, как Дворец, то — да здравствует битничество!

¹ Построен в 1961 году.

² Асоциальная молодежь на Западе, отрицающая традиционные культурные ценности. Примечание 1963 года.

Кто такие советские «мещане»? Есть две категории: дословные, из купеческого рода, те, которых бичевал еще Маяковский, и новые, те, которые отказались от широких брюк, но их не хватило на углубление своей духовной жизни. Но они, конечно, не являются общественной категорией.

Служить народу

А.П.: Чем является, по вашему мнению, современный советский феномен: огромная популярность поэзии, высокие тиражи, полные залы на поэтических вечерах?

А.В.: На этот феномен подействовали две причины: во-первых, появление талантливых поэтов — Евтушенко, Ахмадулиной и других. Во-вторых, поэзия является искусством наиболее революционным, а наше революционное время требует поэтов. Может быть, я покажусь несколько ортодоксальным, но я не боюсь этого и скажу: большая популярность поэзии — это какой-то показатель нашего приближения к коммунизму. Ибо коммунизм приходит через сердце. Само производство холодильников не подготовит сердца к коммунизму. После времен культа личности человек обратил свой взгляд внутрь себя — туда, куда он долго не заглядывал — и не может обойтись без поэзии. Русский народ всегда чувствовал глубокую потребность в духовной жизни. Когда-то ее удовлетворяла религия, потом, более специфическим образом, культ личности. Разве плохо, что теперь удовлетворяет ее поэзия?

В.А.: Кто-то сказал, что человек сначала начал говорить стихами, а потом прозой. Поэты теперь, как во времена революции, в авангарде духовного течения, которое родилось в результате XX съезда партии. Они теперь при помощи поэтических символов начали выражать мысли и желания, волнующие общество. Отсюда огромная заинтересованность поэзией. Поэты достигли не только заинтересованности для поэтического творчества, имеющего привкус актуальности, — среди большей части молодежи сумели выработать вкус...

А.П.: Как вы определили бы свою писательскую программу, цели, которые себе ставите?

А.В.: Творить прекрасное. Прекрасное изменит мир.

В.А.: Литература не является важнейшим фактором, влияющим на духовное формирование людей, но она может играть определенную роль. Прежде всего, нужно писать правду о жизни и эту правду писать хорошо. Таким образом, служим людям правдой, убеждаем их, что литература говорит правду и формирует художественный вкус. Словом, будить в человеке — человеческое. Существует литература, непосредственно обслуживающая определенные проблемы, и существует литература, только возбуждающая эмоции. Хорошо, если писателю удастся достичь синтеза. Такой книгой является «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. После него ни один писатель не сможет писать так, как писал раньше. Солженицын оперирует лагерным материалом, который сам по себе сенсационен. Но его книжка не является сенсацией — она является литературой высшего класса. Я уверен, что если бы он написал ее через 10 лет, когда

лагерная тематика будет уже выработана, она была бы не меньшим литературным событием. Но, вернувшись к предыдущей мысли, я хочу сказать: того, против чего мы боремся — а боремся мы прежде всего против следов культа личности в сознании людей, — можно достичь разными путями: насыщением наших книг проблемами и — созданием просто настоящей литературы. Само появление правдивой литературы уже есть борьба.

А.П.: Стихи Вознесенского обвиняют в том, что они сложные, трудные для восприятия. Что вы думаете об этом? Не затрудняет ли это достижение целей, о которых вы говорили?

А.В.: Если некоторые мои стихи действительно сложны, то я скорее рад этому: они заставляют читателя мыслить. Сначала над моими стихами, а потом над чем-нибудь другим. Но трудны ли мои стихи? Заявки книжных магазинов на «Треугольную грушу» составляют 100 тысяч экземпляров. Скажем, что на их размеры влияет в какой-то мере мода. (Поэзия, впрочем, — хорошая мода!) Но подавляющее большинство читателей, которые хотят купить мои стихи, пожалуй, уже немного знает их и, пожалуй, понимает.

В.А.: Стихи Вознесенского не кажутся мне слишком сложными. Поэзия Пастернака была более сложной. Неожиданные метафоры и образы создают скорее впечатление усложненности, но его стихи для меня просты. В будущем он будет писать еще проще. Андрей, по моему мнению, не достиг полной власти над своим талантом.

А.П.: Ваши любимые писатели?

А.В.: Маяковский и Пастернак, Достоевский. Очень интересные американцы — Ферлингетти¹ и Аллен Гинзберг², англичане — Элиот, Оден, итальянцы — Монтале и Квазимодо, поляки — Ружевиц и Гроховяк.

В.А.: Толстой и Чехов, Бабель, Хемингуэй и Фолкнер, Белль и Сэлинджер.

¹ Ферлингетти Лоуренс (р. 1919) — американский поэт, художник, представитель бит-поколения.

² См. сноску 2 на с. 216.

Рагнодневник
Василия Аксёнова

В то время, когда в Советском Союзе свирепствовала цензура, любое живое слово, доносившееся из-за рубежа, воспринималось властью как подрывное действие, и на пути такого слова воздвигались всевозможные препоны и преграды. В частности, передачи зарубежных радиостанций на русском языке глушились. Но несмотря на это тысячи читателей Василия Аксенова, находившегося в вынужденной эмиграции, приносили ухом к радиоприемнику, чтобы услышать его голос, прорывающийся сквозь вой советских глушилок. Находились умельцы, которым удавалось даже записывать его выступления в зарубежном эфире на магнитофон. Одним из таких энтузиастов был свердловчанин Андрей Кулик, ныне известный уральский журналист. Ему удалось записать большое количество аксеновских выступлений, часть которых он расшифровал для печати и которые воспроизводятся ниже.

О своей подвижнической деятельности Андрей Кулик рассказал в 2008 году в журнале «Казань» (№ 6), эту публикацию (с сокращениями) считаем уместным привести здесь:

«...Радиоэссе Василия Павловича в авторской рубрике «Смена столиц» были настоящей литературой, и хотелось иметь возможность переслушивать их еще и еще <...>

Долго рассказывать, как я раздобывал вашингтонский телефон Аксенова, главное — в октябре 1989 года я ему дозвонился <...> Василий Павлович, казалось, не очень и удивился моему звонку <...> И все случилось, как в сказке — в ноябре 89-го в Казани я познакомился с человеком, чьи книги и чей голос давно уже были неотъемлемой частью моей жизни.

На пресс-конференции в «Вечерней Казани» я задал Василию Павловичу вопрос, не собирается ли он собрать в книгу свои радиозэссе. Аксенов обрадовался: «Хороший вопрос! Да, есть такая идея, и называться книга будет, скорее всего, «Радиодневник писателя»...»

У меня возникла идея: а что, если я расшифрую некоторые из его радиозэссе с магнитофона и напечатаю в провинциальной прессе? Василий Павлович идею одобрил.

Расшифровка аксеновских эссе отнимала массу времени и сил, магнитофон просил пощады — я бесконечное число раз мотал пленку туда-сюда, чтобы не сделать ошибки, верно слышать сквозь помехи каждое слово... Когда <...> я оцифровал несколько таких записей и подарил CD Аксенову, он поразился, какого кошмарного качества отдельные моменты — как же я что-то умудрялся разобрать! Но это был счастливый, радостный труд. Переноса на бумагу то, что Василий Павлович произносил в эфире, я погружался в ритм его текстов, пропитывался интонациями, смаковал оттенки смыслов

<...> Эссе публиковались как фрагменты будущей книги «Радиодневник писателя». Газеты я отсылал в Вашингтон, и Василий Павлович одобрительно отзывался о качестве расшифровок, лишь однажды сделав поправку (я неверно услышал слово). Его веселили названия газет: «Челябинский рабочий», «Тагильский рабочий», «Каменский рабочий», «Литейщик», «Горняцкая правда»...».

В настоящий раздел книги входят тексты выступлений Василия Аксенова на «Голосе Америки» и на радио «Свобода»,

не вошедшие в его известную книгу «Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя» («Изографус», 2004).

Большинство радиопередач посвящено событиям, происходившим в культурной и политической жизни Советского Союза в ходе горбачевской перестройки. Таковы «Звонок из Москвы», «Писатель и кино», беседа с Владимиром Войновичем о писателях-деревенщиках, «О встрече с московскими артистами», «Воспоминания о выборах». Все они свидетельствуют о том, что Василий Аксенов, с удовлетворением отмечая позитивные изменения, происходящие на родине, видел из своего вынужденного далека и то, что первые шаги страны на пути освобождения от идеологического диктата непоследовательны и противоречивы.

Радиопередачи «Писатель и телевидение», «В защиту Салмана Рушди», «Об американских бичах» посвящены внутриамериканским и мировым проблемам.

Особняком стоит текст радиопередачи «Летящий от России ветер», в котором впечатления автора о пребывании в Швеции перемежаются интересными историческими экскурсами.

В центре двух последних радиопередач, относящихся к 1992 году — «Остров личность» и «Человеческий фактор», — жизнь и проблемы новой России.

Звонок из Москвы¹

Однажды ранним утром по ранней весне этого года в моем вашингтонском доме, что стоит на высоком берегу древней индейской реки Потомак, а точнее — на ночном столике в спальне, а еще точнее — прямо у меня под ухом зазвонил телефон. «Здравствуйте, Вася! — сказал приятнейший женский голос. — Это Таня Добрынина из «Юности!»»

И голос, и имя сразу были узнаны, только вот с «Юностью» по причине мгновенного выныривания из сонного царства произошла некоторая, хоть и недолгая, заминка. «Как, — подумал я спросонья, — это прямо, значит, звонят из юности? А разве не из молодости? Разве это не из второй моей, простите, молодости звонят?» Но через несколько секунд я сообразил, что это по международному сателлитному телефону звонит из московского журнала, в котором я лет сто назад начинал свою литературную карьеру, нынешний заведующий отделом прозы.

«Значит, так, Вася, мы печатаем вашу повесть в двух номерах, однако нужно будет сделать некоторые сокра-

¹ «Голос Америки», сентябрь — октябрь 1989 г. Названия везде, кроме оговоренных особо, даны составителем.

щения и уточнения». И далее вполне рутинно начинается перечисление сокращений и уточнений.

Звонок и в самом деле идет из дальних времен, а точнее — из 1972 года, когда «Золотая наша Железка» однажды уже была подготовлена к печати в этом журнале. Таня Добрынина тогда еще была не заведующей, а сотрудником отдела прозы, а во главе отдела стояла Мэри Лазаревна¹, в значительной степени ответственная за появление в ранних шестидесятых пресловутой «исповедальной прозы», на которую и по сей день ражие критики из «Нашего современника» продолжают навешивать всех собак.

Не произошло, как я понимаю, никаких изменений в диспозиции популярного журнала. Наверное, вход остался все тот же, под вывеской с девушкой Красаускаса, по соседству с магазином «Кулинария», куда я по легкомыслию ни разу не удосужился зайти. В большом старом доме на Маяковке, где, наверное, и сейчас располагается дружественный болгарский ресторан «София», когда-то гордо предлагавший недурственных цыплят и малоприятное, но крепкое пойло «Плиска», — там-то я как раз бывал. Звонок через семнадцать лет предполагал даже самое невероятное — возможность того, что и киоск с вывеской «Ремонт ключей» сохранился и пребывает на прежнем месте, напротив входа в журнал.

Повесть (вернее, роман с формулами) «Золотая наша Железка» я написал в самом начале семидесятых под впечатлением поездки в сибирский Академгородок. К тому времени исторический период, именуемый сейчас застоем, уже окончательно устоялся и застоялся. Во нища стояла основательная. Моя проза была явно не ко

¹ Озерова М.Л. (? — 2003) — заведующая отделом прозы журнала «Юность».

двору, и мне то и дело давали это понять — и в критике, и в диалогах с начальничками вроде Лесючевского¹, Полевого² или тогдашнего цекиста, отвечавшего за художественную литературу, нынешнего прогрессивного перестройщика Альберта Беляева³. Я уже писал главную свою книгу — роман «Ожог», был в ударе, вообще в состоянии, как говорится, большой творческой активности, а мне отовсюду вместе с отказами от публикаций поступали недвусмысленные советы: «Давай, сократись, твое время прошло. Лучшее, на что ты можешь рассчитывать, — это литературная поденщина».

О публикации «Ожога» со всей его памятью и анархическим раскатом не могло быть и речи, но я все еще довольно долго цеплялся за советскую литературу — вне ее затхлых квартир было слишком ветрено. Начав писать «Железку», я подумал: «Ну вот, напишу не то, что хочу, то есть не совсем то, что хочу, но зато так, как хочу. Тематически себя стреножу, но зато эстетически закушу удила, пушусь во все тяжкие эксперимента, сделаю нечто сродни «Бочкотаре», на этот раз не о мужиках, а об интеллектуалах-шестидесятниках. Это будет для меня и экспериментом проходимости. Иными словами: после этого и решу, смогу ли я в этом обществе чувствовать себя развивающимся писателем».

В «Юности» уже тогда почти вся редколлегия и редакция были «за», положительный отзыв дал и нынешний главный редактор Андрей Дементьев. Тогдашний главный редактор Борис Полевой, однако, долгое время не высказывался — очевидно, ждал соответствующего

¹ Лесючевский Н. В. (1908—1978) — главный редактор издательства «Советский писатель», известный своими ортодоксальными взглядами.

² Полевой Б. Н. (1908—1981) — главный редактор журнала «Юность» с 1961 по 1981 год.

³ Беляев А. А. (р. 1928) — заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

резонанса в своих любимых «этажах». Резонанс возбудил тогдашний Вольтер-фельдфебель из отдела культуры ЦК КПСС Альберт Беляев. По его приказу «Железка» стала считаться «энциклопедией модернизма» (цитирую одного из тогдашних внутренних критиков), «совершенно неприемлемого в советской литературе», где пышным щавелем тогда расцветали «подлинно народные мастера социалистического реализма» — «деревенщики», все до одного увенчанные Государственными премиями.

И все-таки, как видите, справедливость восторжествовала: Беляев стал редактором либерального еженедельника, а «Железка» всего лишь шестнадцать лет спустя напечатана как раз в том журнале, для которого она была написана. Конечно, я рад этим фактам, даже весьма отдаленным от среднеатлантических Штатов, где я сейчас обитаю. Беляев получил по заслугам. Представляю, как ему муторно сейчас на его посту, — ведь хочется по старой привычке держать и не пущать, а приходится пущать и не тащить. Рад я и тому, что всего лишь через год после клеветнической кампании, организованной против меня органами в журнале «Крокодил», другой советский журнал напечатал мою старую и любимую повесть, и этим журналом оказалась моя *alma mater* — «Юность».

В интервью Анне Пугач я сказал, что считаю «Железку» чем-то вроде небольшого концерта для клавесина. Говоря это, я имел в виду, что она отражает только некоторую часть того, что было мной написано в отрыве от моего исконного читателя, то есть читателя российской метрополии. Другие вещи, дающие более объемное представление о моей прозе, очевидно, напечатать будет труднее — в частности, «роман «Ожог», из-за которого кто-то там в органах заимел на меня зуб, из-за которо-

го весь сыр-бор и разгорелся. По нынешним временам напечатать его будет труднее отнюдь не из-за политической остроты (иные публикации в «Огоньке» почти уже к уровню его остроты приближаются), а по причине всей его стихии современного романтического письма, поступаться которой автор, конечно, не собирается ни при каких обстоятельствах.

* * *

Передав в журнал книжное издание повести, сделанное издательством «Ардис»¹ в начале восьмидесятых, я сказал, что вот это и есть окончательной текст, прошу от него не отступать ни под каким предлогом. На этом вроде бы и порешили, однако в том варианте, что вышел, оказалось все-таки много отступлений от моего, то есть ардисовского, текста к тому, что вымучивался шестнадцать лет назад в попытках проскользнуть мимо бдительного ока Бориса Полевого.

Не говоря о купюрах, удивило меня так называемое обрамление. Предисловие — вернее, два предисловия² — как бы задавались целью создать впечатление, что ничего особенного с этим автором не произошло, что перед нами, дорогие читатели, вовсе не битая эмигрантская шкура, а почти все тот же покладистый малый, автор «исповедальной прозы», с которым ну вот пятнадцать лет назад случилась маленькая неприятность — повесть не напечатали. Откопали даже из пятнадцатилетней пыли мое вихляющее пояснение, за-

¹ Золотая наша Железка. Роман. Ann-Arbor: «Ардис», 1980.

² Юность, 1989, № 6—7. С. 10—11. Имеется в виду редакционное предисловие, создающее «впечатление, что ничего особенного с этим автором не произошло», и вставленное в него в конце «вихляющее», то есть написанное под давлением обстоятельств, ради спасения публикации, авторское предисловие 1973 года.

веряющее соответствующих товарищей в благонамеренности поступка. Ардисовское же авторское вступление, в котором я говорил о шестидесятих как о десятилетии советского донкихотства, а также о шеф-поваре, который нашел рецепт моего пирога неправильным, попросту отсутствует. Даже жанр сочинения, обозначенный автором в окончательном тексте как «роман с формулами», был возвращен к прежнему, успокоительному: «юмористическая повесть с преувеличениями и воспоминаниями». Таким образом, от окончательного текста был сделан не очень-то уклюжий, вихляющийся пируэт в сторону текста предварительного, подцензурного. Наряду с этим следует сказать, впрочем, что пируэт этот, к счастью, прошел мимо некоторых важных мест. В частности, полностью сохранился пространный эпизод санитарной инспекции в столовой «Волна», где как раз и присутствует образ воруги шеф-повара.

Наряду с оставшейся еще некоторой малооправданной политической осторожностью сейчас немало говорят о последнем незыблемом лимите литературной гласности — о так называемом сексе и неприличностях. Тут уж, мол, ничего не поделаешь, приходится смириться, закон запрещает распространение порнографии. В результате появляющаяся сейчас в открытой печати классика самиздата вроде «Москва — Петушки» теряет значительную долю своего словарного состава, утрачивается пластика, провисают романские нити. Даже моя совсем уж почти невинная «Железка» — и та не оказалась исключением. Вот, например, какой кусок был удален из нее (как я понимаю, конституционным порядком):

«Взгляни — вот уж подлинно отечественные формы! Как все это перед нами лежит! Не напоминает ли это тебе холмы Валдая? Грех? Да разве можно назвать

грехом пусть временное, пусть мимолетное, но возвращение к истокам, к почве, к России? Иначе нельзя думать, глядя, как медленно-величественно вздымаются эти атомные субмарины, какой мощной энергией дышат эти шахты, чувствуя, как проходит по этим рощам аромат свеженарубленных духов...» При всем желании, мне кажется, нельзя назвать такую лирическую сценку порнографией и подвести ее под закон.

Страннейшее впечатление вызывает послесловие, написанное критиком Евгением Сидоровым. Следует ли говорить, что автор за океаном ни сном ни духом не предполагал, что ему в конце повествования преподнесут такой букетик? Мы с Евгением Сидоровым были когда-то добрыми приятелями, ему в числе немногих я даже давал читать свои основные вещи, о напечатании которых в советской прессе нельзя было даже и мечтать. В послесловии он дает мой писательский портрет, или, как в Америке говорят, профиль, основываясь только на моих ранних, легальных вещах. Но это полбеды — ясно, что вся эта столь знакомая система недомолвок и грациозных намеков вызвана, так сказать, добрыми намерениями. Беда в том, что в последнем столбце послесловия Сидоров употребляет намек весьма неграциозный, от которого просто несет намерениями дурными, намек, мало чем отличающийся от прошлогодней клеветнической кампании, затеянной профессиональными дезинформаторами в журнале «Крокодил». «Десять лет тому назад, — пишет он, — Аксенов уехал на Запад, потому что не верил в демократические перемены у себя на Родине». Это ложь на грани чистого абсурда. Едва ли не с тем же успехом можно было бы так же сказать о моих родителях: в 1937 году Евгения Гинзбург и Павел Аксенов были арестованы органами НКВД, потому что

они «не верили в свою реабилитацию после Двадцатого съезда».

«До сих пор думаю, — пишет далее Евгений Сидоров, — что со стороны главных организаторов альманаха «Метрополь», и прежде всего Аксенова, не все было этически безупречно». И далее, опять же в стиле театра абсурда, он рассказывает в том, что «выступил тогда в хоре осуждения «Метрополя». «Этическая небезупречность», которую он так бережно здесь упоминает, — это остаток большой «дезухи», запущенной тогда определенными и теперь вполне известными кагэбэшниками, согласно которой «Аксенов это все устроил, чтобы уехать на Запад и стать там миллионером». К сожалению, некоторые мои бывшие друзья охотно купились на эту «дезуху», чтобы оправдать свое — вот уж действительно этически небезупречное — поведение. Я не отрицаю за Сидоровым права высказывать его идеи и предположения, но я считаю, автор вправе потребовать, чтобы его повесть не выходила с подобными украшениями. Недавно послал к черту один влиятельный эмигрантский журнал, который пытался произвести со мной примерно такую же манипуляцию. Все это не что иное, как элементарные нарушения авторских прав, которые на Западе вполне могли бы вызвать скандальный судебный процесс. Я далек от мысли, что «Юность» хотела выставить меня в неприглядном свете, однако отдаленность физическая, а главное — психологическая и впредь может вызывать подобные недоразумения. Всего этого можно будет избежать, если советские журналы будут поддерживать правовой контакт с зарубежными русскими авторами.

Московские гости

Как обычно, под рубрикой «Смена столиц» продолжаю серию злободневных зарисовок с американской натуры. Натура эта, впрочем, в последнее время становится уже не совсем американской, да и столицы довольно фантастически сближаются. Нынче, кому ни позвонишь из друзей (эмигрантов ли, американских ли русистов, журналистов, дипломатов) — у всех, за редким исключением, стоит московский гость. Литературные новости и сплетни Москвы задолго до публикации оных перестроечными журналами становятся известны в Нью-Йорке и Вашингтоне. Песенки бардов эмиграции распеваются в метрополии, советский тяжелый рок пытается пробиться в американское слуховое пространство.

Приезжих немислимое количество. В широких кругах их называют «горбачевскими мстителями» или — еще лучше — «пылесосами». Дескать, опустошают дома и банковские счета местного русского населения. На самом деле все, конечно, этим «мстителям» и «пылесосам» рады. Пресыщение еще не наступило, все они не кто иные, как дорогие и желанные гости. Происходит одно из удивительных чудес этих дней: распатываются тотемные столбы дремучего советизма, девальвируется один

из самых тщательно оберегаемых фетишей — фетиш границы. А ведь еще совсем недавно к этому административно-полицейскому понятию святотатственно пристегивался эпитет «священная», еще недавно с дурацкой горделивостью подчеркивалось, что она-де (граница) на замке.

Естественно, вспоминаются недавние времена начала восьмидесятых, когда мы только что оказались в изгнании и обосновались на американской территории. В те годы мы чувствовали себя почти наглухо отрезанными от Родины. Увидеть родных или друзей даже не мечталось. Редкие знакомые лица из СССР при случайных встречах шарахались в сторону, словно от привидений. Как-то я шел с миловидной профессоршей по кампусу университета, а навстречу нам двигались три господина в клубных пиджаках и с опознавательными карточками какой-то конференции на лацканах. Вдруг один из них как-то странно вылупился на меня, потом метнулся вправо, влево, пытаясь скрыться. Скрыться было некуда! Тогда, опустив очи долу, прошмыгнул мимо. «Что такое с человеком?» — подумал я, оглянулся, а он в этот момент сам оглянулся перекошенным лицом. Тогда только я его узнал: московский кинорежиссер Р. В другой раз в Вашингтоне в ротонде международного центра имени Вудро Вильсона стоял я со стаканчиком шерри, ничего не подозревая, среди других международных потребителей терпкого напитка, как вдруг вошла советская делегация в составе персон пяти или шести. Впоследствии оказалось, что именно в их честь и было затеяно шеррипитие. Гляжу — мать моя! Среди почтенных меринов социалистического реализма шествует, весьма репрезентативный, мой старый приятель, критик У. Эмигранты, битые шкуры, в таких случаях знают, как себя вести —

никогда первыми не здороваются, чтобы не подвести человека. Прибывшему предоставляется полная свобода действий, то есть возможность повести себя в соответствии со своим моральным кодексом или обстоятельствами. Мой знакомый У. ведет себя полностью в соответствии с этими параметрами, то есть просто меня не замечает; стоит в одном метре от меня и в упор меня не видит, сидит за столом через два куверта и скользит по мне невидящим взглядом. Вот вам картина времен студенистого периода.

Пузырящийся, игривый период наступил не сразу после студенистого — ему предшествовал период постепенного разжижения. В те времена, а именно в 85-м, в 86-м, визитеры стали появляться несколько чаще, но все же с опаской. Даже записные заморские ездоки любых периодов, оба, как на подбор, в искрящихся шелковых костюмах, поэты Е. и В. — и те как-то осторожничали, хотя им-то, казалось, чего бояться? Однажды у нас дома что-то случилось с камином — дым пошел внутрь, и вдруг взвыл так называемый «смок-детектор», то есть уловитель дыма. В это время у нас ужинал ленинградский литератор Ц. Вот уж перепугался добрый человек — решил, должно быть, что попал в капкан ответствующих служб Запада.

И вдруг — открылось!.. И пошли появляться старые друзья, которых уж не чаяли и увидеть: Белла, Боря, Булат, Андрей, Фазиль, Олег, Виктор, еще раз Виктор, еще раз Виктор, Ольга, Миша... да всех и не перечислишь. Вдруг оказалось, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами есть почтовое сообщение. В почтовом ящике мы стали находить давно забытые советские конверты с большими головами Маркса и Ленина и с космическими кораблями. На днях пришло

письмо совсем уж замечательное — от десятилетнего ленинградского мальчика, который только что прочел две моих книги о приключениях Гены Стратофентова: «Мой дедушка — памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Он просит написать еще одну книгу об этом храбром юноше, избородившем южные моря с одной лишь целью — спасения населения архипелага «Большие Эмпиреи». Спасибо за письмо, дорогой Павлик, надо будет подумать о твоём предложении — в самом деле, без третьей книги работа выглядит неполной.

Письма письмами, но даже и буханки черного хлеба иногда стали прибывать в виде символов ностальгии. Мы их тут же засовываем в американскую плитку и не без удовольствия употребляем.

Среди друзей, знакомых, полужнакомых или совсем незнакомых людей вдруг появляются такие, кого уж никак не ждешь, кого в Америке совершенно невозможно себе представить — до такой степени эти люди, чаще всего очень хорошие, считались в Советском Союзе невыездными, совершенно безнадежными по части даже временных отрывов от сокровенных почв.

Писатель и кино¹

Сегодня я хочу предложить вам небольшой разговор на кинематографические темы. Начнем, как американцы говорят, с «гуд ньюз», то есть с хороших новостей.

10 ноября, как я узнал из телефонных звонков и писем, а также от Эльдара Рязанова, чудесный фильм которого «Забывтая мелодия для флейты» недавно показывался в Вашингтоне, в Доме кино состоялась вторая официальная премьера кинокомедии по моему сценарию «Пока безумствует мечта». Первая премьера имела место почти за десять лет до этого, в том же зале, и я тогда стоял на сцене вместе с режиссером Горковенко, оператором Мукасеем, композитором Гладковым, актерами Караченцовым, Быковым и другими звездами советской комедии, тогда и не помышляя, что фильму понадобится еще одна премьера через десять лет, на которой я уж никоим образом не смогу присутствовать, находясь за океаном в качестве высланного из страны писателя.

Почти сразу после той, первой премьеры, в январе 1979 года разразился скандал с альманахом «Метрополь»,

¹ «Голос Америки», декабрь 1988 г. Авторское название.

меня объявили заводилой злонамеренной группы, и фильм немедленно положили на полку. Экономисты «Мосфильма» тогда говорили в кулуарах, что казна потеряла на этом запрете около шестидесяти миллионов рублей чистой прибыли. Это, ни много ни мало, стоимость десяти 15-этажных жилых домов. Должен признаться, что прибыли казны меня мало в ту пору волновали, но разочарование моих товарищей-кинематографистов огорчало не на шутку. Я написал письмо генеральному директору «Мосфильма» Сизову, в котором предложил снять свое имя с титров, дабы не препятствовать заслуженным аглодисментам в адрес всей остальной команды. Кажется, в какой-то момент к этому дело и шло, и фильм мог бы выйти на экран, со всеми вытекающими отсюда дивидендами, еще десять лет назад, если бы не вмешались соответствующие товарищи, и среди них — зам. зав. отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев, бывший морячок, ныне на всех якорях ведущий вперед корабль газеты «Советская культура», этот известный броненосец перестройки. Но тогда у морячка под рукой были более серьезные, хотя и невидимые, штурвалы. Передавали, что он сказал: «Аксеновский фильм закрываем окончательно. На идеологии не экономим! Мы лучше новый танк не построим, чем этот фильм выпустим». До этого я не знал, что он и по танкам тоже... Впрочем, я думаю, что танк-то они все-таки построили, сэкономив на жилье.

И вот теперь, не прошло и десяти лет — и комедия выпущена на экраны, и я надеюсь, что публика смотрит ее с удовольствием. И, что самое удивительное, мое имя стоит в титрах: «Сценарий Василия Аксенова». Не могу не оценить этот факт и не отдать должного новому мьшлению, проявившемуся в решении Госкино и Союза кинематографистов. Не могу также не отметить мужество и творческую солидарность режиссера Горковенко и всей

группы, которая настояла на сохранении моего имени в титрах, несмотря на тиражированную в три с половиной миллиона кампанию всенародных разоблачений, развернутую журналом «Крокодил». Меня на его страницах в течение нескольких месяцев называли иудой, власовцем, подхалимом и лицемером, получателем дешевых подачек, горе-писателем, предателем своих персонажей, тунейдцем из числа тех, что наряду со сталинскими узурпаторами опошляют идеалы русской революции, гадким пасквилянтом, сэром Аксеновым, Базилем Аксеноффом, перебежчиком, работником парижского филиала ЦРУ, заштатным псом американского антикоммунизма, господином предателем, уголовником, кулацким вором, гаденьким подхалимом и другими, столь же дивными, выбросами этого, по словам «Крокодила», «эпистолярного взрыва».

Этого не случилось, к сожалению, с моим другом, известным кинооператором Яшей Склянским, проживающим сейчас в Лос-Анджелесе (Калифорния). Недавно фильм «Проверка на дорогах», выпущенный в Ленинграде в 1971 году и тогда же наглухо запрещенный, получил Государственную премию СССР. В постановлении по этому поводу фигурируют имена новых лауреатов — режиссера-постановщика, актеров, композитора, звукооператора. Нет там только одного, весьма немаловажного при съемках кино, человека — того, который, собственно говоря, снимает: главного кинооператора. Отсутствует его имя не только в постановлении о награждении, но и самих титрах картины. Более-менее внимательный зритель без труда обнаружит, что «Проверка на дорогах» снята без кинооператора, то есть, может быть, даже и без кинокамеры. Причина же этого странного умолчания проста: кинооператор Яша Склянский после запрета картины эмигрировал в Соединенные Штаты.

В Америке очень часто говорят о советской перестройке и гласности, нередко задаются вопросом: где же лимиты гласности, где спотыкается ее язык? Увы, нередко мы можем видеть, что эти барьеры спотыкания проходят как раз на стыке нового мышления и стародавнего советского лицемерия. Ну что, казалось бы, стоило ну не наградить, ну хотя бы просто указать в титрах как элементарный, к тому же широко известный в кинематографических кругах как России, так и Америки факт, что этот фильм снимался Яшей Склианским? Даже формальный отказ от награждения эмигранта, то есть признание его участия, воспринимался бы более нормально, чем это, столь типично сталинское, столь типично брежневское умолчание. А ведь, казалось бы, — ну что особенного? Ведь ни одного кубика из крокодильского смрада человек не получил, просто переменил свое место жительства, да и все — эго диво в современном мире...

Операторская работа Яши Склианского в фильме «Проверка на дорогах» была очень высоко оценена в Америке после проката фильма по кино клубам осенью прошлого года. Вот что писал, например, журнал «Голливуд репортер»¹: «Виртуозная работа камеры заставляет вас почувствовать всю ту жизнь, что возникает перед вашим взором. Советский оператор — это ас в своем деле». А вот что пишет по поводу фильма в газете «Советская культура» известный кинодраматург, заслуженный деятель искусств РСФСР Валерий Фрид. Его статья называется «Проверка на дорогах истории и искусства». «Пришли новые времена, — пишет Фрид, — картину освободили досрочно», и продолжает: «Картина честно и откровенно говорит о вещах, о которых еще недавно не только говорить, но

¹ Архив журнала «Голливуд репортер» недоступен.

и думать не рекомендовалось». «Из множества чувств, которые вызывает фильм Э. Володарского и А. Германа, на первое место я поставил бы чувство справедливости», — формулирует он. Он вспоминает даже великую книгу Библию и напоминает, что все основные законы морали были «сформулированы задолго до нас». Большую работу прodelывает этот фильм сейчас, «в счастливый период перестройки общественного сознания, возврата от ценностей ложных к ценностям истинным»¹. Вспоминая в этой статье создателей фильма и исполнителей ролей, Валерий Фрид упоминает даже и оператора, однако стыдливо не называет его фамилию. Сколько же стоят после этого все восклицания о новой жизни? Могут сказать, что фамилия, может быть, и была написана Фридом, да вычеркнута дядькой Беляевым. Почему же, однако, в этом случае Фрид, чье имя означает «свободный», не настоял на своем тексте, не снял в знак протеста свою статью?

Наша творческая интеллигенция основательно избаловалась, сваливая все на бюрократию. Я задаю себе вопрос: как объяснить тот факт, что Алексей Герман, которого я с большим удовольствием встретил прошлой весной в Копенгагене и который там горячо говорил о полной свободе, царящей ныне в советском кинематографе, взывая к чувству справедливости, не озаботился столь элементарной справедливостью, как упоминание имени своего товарища? Обыгрывая заголовок статьи Фрида, можно сказать, что ни он, ни Герман в этом эпизоде не прошли проверки на дорогах. Возвращаясь же к своему собственному опыту с комедией «Пока безумствует мечта», мне приходится сказать, что комедианты показывают порой более высокую мораль, чем моралисты.

¹ Фрид В. Проверка на дорогах истории и искусства // Советская культура. 1988. 2 августа. С. 4.

Писатель и телевидение¹

Пару лет назад случилось мне быть в Германии и как-то вечером в гостинице включить магический ящик. На экране вдруг оказался старый знакомый — поэт Вольф Бирман². В начале семидесятых я посещал его квартиру в Восточном Берлине. Для ГДР он был тогда чем-то вроде смеси Булата Окуджавы и Андрея Сахарова. Возле дома паслись усиленные наряды «искусствоведов в штатском». Через некоторое число лет Вольфа вытолкали на Запад, то есть мы разделили с ним одну участь, с той только разницей, что Вольф не испытал лингвистического шока, переехав из Германии в Германию, да еще из неродного Берлина в свой родной Гамбург, откуда в свое время, будучи энтузиастом-комсомольцем, перешел на Восток. Примерно так же выглядела бы моя высылка из Москвы в Казань, хотя я и в этом случае предполагаю, возникли бы разные другие разницы. После высылки о Вольфе, как, впрочем, и о всех других изгнанниках, стали ходить слухи, что-де пропал, забыт, никому не нужен. Там-де, на Востоке, под охраной

¹ «Голос Америки», август 1989 г. Авторское название.

² Бирман Вольф (р. 1936) — немецкий бард, диссидент в пору существования ГДР, советского сателлита; с 1976 года — на Западе.

искусствоведческих дружин, был Персоной, а сейчас — никто. И вот вижу, что отнюдь не пропал, а совсем наоборот, пожалуй. В самое ходовое время, в девять часов вечера (американцы называют эти часы прайм-тайм) сидит, небрежно развалившись на экране, и отвечает на вопросы почтительного журналиста. Оказывается, идет специальная передача, посвященная пятидесятилетию Вольфа. Я посмотрел на часы и высидел всю передачу до конца, хотя понимал не более одной трети немецкой речи. Бирман не сходил с экрана в течение пятидесяти пяти минут без каких-либо перерывов. У нас, в Америке, это было бы немыслимо, тем более на главных каналах в прайм-тайм, где каждую лишнюю минуту немедленно покупают для рекламы своих товаров разные коммерческие фирмы по цене до ста тысяч долларов минута.

Писатели на этих коммерческих, то есть основных, каналах появляются крайне редко и, как правило, на несколько минут в утренних программах, и, в общем-то, приходится удивляться не их почти полному отсутствию, а их почти не существующему присутствию. Чаще всего это бывают авторы бестселлеров, и само их появление в программах утренних новостей является в основном частью рекламной кампании очередного любимого публикой опуса. Иногда, впрочем, мелькает и кто-нибудь из серьезной публики — Сол Беллоу¹ или Эдгар Доктороу², Апдайк³. Вот недавно, в связи с выходом новой повести «Кража», был в течение трех минут показан разговор с лучшим и самым уважаемым американским писателем

¹ Беллоу Сол (1915—2005) — американский писатель, Нобелевский лауреат 1976 года.

² Доктороу Эдгар (1931—2015) — известный американский писатель, один из его лучших романов «Рэгтайм» в 1976 году был переведен на русский язык Василием Аксеновым.

³ Апдайк Джон (1932—2009) — известный американский писатель и поэт.

Солом Беллоу. Он говорил, между прочим, о совершенно неслыханных по возмутительности вещах. Оказалось, что он выпустил свою стостраничную повесть сразу в мягкой обложке не от хорошей жизни. Размер повести как бы предполагал ее предварительное опубликование на страницах периодических месячников, вроде «Нью-Йоркера», «Харперса» или «Атлантика». Все эти журналы, однако, а также многие другие отвергли повесть самого знаменитого и уважаемого американского писателя, лауреата Нобелевской премии, как раз по причинам размеров — длинновата... Как поступиться рекламами новых автомобилей и напитков! «Считаете ли вы, что литературе угрожает какая-то, неясная еще, трансформация под давлением коммерции?» — задал Беллоу вопрос ведущий утренней программы Чарлз Гибсон. Беллоу подтвердил, что именно это как раз и является предметом его забот.

Десятки миллионов людей смотрят программу «Доброе утро, Америка!», однако я не совсем уверен, что тревога, высказанная живым классиком, вызвала во многих какие-либо адекватные чувства. И уж тем более я не думаю, что эта тревога даст какие-либо актуальные результаты. Все тонет в непрерывном быстротекущем потоке новостей, соображений.

Должен сказать, что я не очень-то уверен в эффективности телевизионных литературно-коммерческих призывов. Вряд ли кто-то из телезрителей сможет сделать какое-либо заключение о новой книге после трехминутного разговора с автором, какие бы очки ни красовались на его переносице и как бы изящно ни рокотал его голос. Не уверен, что и цифра продажи книги подсказывает после трехминутного промелька автора на экране. Писатели нынче вроде бы стали избегать телевидения. Недавно в газете продюсер могущественной телевизионной компа-

нии жаловался, что писателя не затащить в программу — стали такими буками, чураются массовой аудитории, погрязают в снобизме. На самом деле, мне кажется, это не снобизм, а ощущение тщетности потерянного зря времени, участия в какой-то малоосмысленной и почти бесцельной возне. Сужу по себе как по относительно новичку на американской литературной сцене. Приехав сюда, я думал, что телевидение всесильно, что стоит только появиться на экране в общенациональной программе — и книга твоя войдет в список бестселлеров, и восхищенный народ будет наслаждаться твоими художествами.

Несколько раз я появлялся на различных весьма значительных программах, вроде «Доброе утро, Америка!», «Ночная линия» и даже в «Ночной вахте» (для страдающих бессонницей), и после всегда удивлялся, почему никто из знакомых этих промельков не видел или не заметил. Между тем участие в разговорных шоу по радио никогда не оставалось незамеченным. Все дело было в том, что эти шоу в основном выходили в эфир во время часов пик, когда люди возвращаются с работы домой и по всей Америке течет великий автомобильный поток. Сидя за рулем, уж и никак не отвлечешься к котлете и банке пива, приходится слушать — вот, очевидно, в чем секрет.

При подготовке каких-нибудь тематических программ телевидение, если ты согласился на сотрудничество, прибывает к тебе целой командой, снимает весь день или несколько дней, отнимает у тебя массу времени, а в результате ты появляешься на экране на пару минут с дюжиной необязательных фраз. Во Франции на ТВ есть специальная книжная рубрика «Апостроф», которая, как говорят, творит французские бестселлеры. Здесь писателям иногда кажется, что появление на голубом экране только тормозит продажу. Возможно, это говорится лишь для парадокса...

Василий Аксенов и Владимир Войнович о писателях-«деревенщиках»¹

Василий Аксенов: Мы с тобой договаривались сегодня поговорить о «деревенской» литературе, то есть начать разговор, потому что это тема большая. Мне кажется, этот отряд писателей переживает серьезный кризис, и возникает много вокруг них нелитературных кругов, разговоров, течений...

Владимир Войнович: Да, это интересно! Если говорить о кризисе, я недавно прочел, что Василий Белов² в каком-то интервью сказал, что не собирается продолжать свою писательскую деятельность или собирается продолжать ее умеренно, что его сейчас больше интересуют общественные проблемы...

В.А.: Володя, мы с тобой одного года, одного поколения, и эти писатели приблизительно нашего же поколения. Начинали мы примерно в одно время, кто-то из

¹ «Свобода», 21 апреля 1990 г.

² Белов Василий Иванович (1932—2012) — один из ведущих представителей «деревенской прозы».

них немножко позже. Ты не помнишь, как сформировалась эта обойма, именуемая уже много лет «деревенской литературой»?

В.В.: Виктор Астафьев¹ старше нас, он фронтовик, и печататься он, наверное, начал раньше, но в провинции, до столицы это не всегда доходило, поэтому осталось ощущение, что он появился позже (для меня, во всяком случае). А, пожалуй, первым из этой обоймы, о ком я услышал, был Василий Белов — приблизительно тогда же, когда и сам начал печататься. Услышал от Анны Самойловны Берзер, которая заведовала отделом прозы в «Новом мире», она Белова хвалила. По ее рекомендации я прочел «Плотницкие рассказы», которые мне очень понравились, — они были свежие и, выражаясь любимым словечком Твардовского, «своёобычные».

В.А.: «Бухтины» у него еще были...

В.В.: Да, «Бухтины вологодские», но они меня оттолкнули уже своим названием, а кроме того, каким-то нарочитым ерничаньем. В «Плотницких рассказах» и «Привычном деле» юмор был естественный, а с «Бухтин» началось соскальзывание в сторону от вначале избранного направления.

В.А.: Но там был какой-то формальный поиск, чувствовалось, что человеку нравится играть с языком, он что-то свое лепит из языка, тебе не показалось?

¹ Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — один из крупнейших русских писателей XX века.

В.В.: Показалось, но дело в том, что эти игры человека могут далеко завести, особенно если играть местным диалектом. Когда я читаю некоторых «деревенщиков», у меня возникает чувство, что читать надо со словарем, потому что там язык местности, которую я не знаю. Кстати, местность, где живут герои Белова, я как раз хорошо знаю, я жил в деревне Назарово на реке Тошне в Вологодской области, и вологодский говор мне знаком...

В.А.: А я услышал о «деревенщиках» в связи с появившейся в Сибири новой группой молодых авторов. Евтушенко тогда очень с ними носился — парадоксальный момент! Сейчас они вроде как бы враги, а он тогда очень носился с Распутиным¹ и другими писателями этой сибирской группы, делал им всяческую рекламу. Я помню, он тогда вернулся из своих сибирских странствий (он же периодически отправлялся куда-то плавать на плотках — припадал, так сказать, к истокам) и говорил в Москве, что открыл новых молодых сибирских писателей. В первую очередь он называл Александра Вампилова². Я с ним познакомился потом — симпатичный, скромный кудрявый молодой человек был. С ним вместе был и Распутин, я его тогда ничего еще не читал. К этой же группе принадлежал Машкин Геннадий³ — совершенно не знаю, что с ним сейчас. Еще был такой Шугаев⁴, но у него-то деревенщиной и не пахло, он городские повести в стиле журнала «Юность» писал. Да и Вампилова не назовешь «деревенщиком»!

¹ Распутин Валентин Григорьевич (1937—2015) — один из ведущих представителей «деревенской прозы».

² Вампилов Александр Валентинович (1937—1972) — драматург и прозаик.

³ Машкин Геннадий Николаевич (1936—2005) — писатель, журналист.

⁴ Шугаев Вячеслав Максимович (1938—1997) — писатель, журналист, сценарист.

В.В.: Вампилова я высоко ценю, я считаю, что это был очень сильный талант. Он описывал провинциальную жизнь, но она у него в то же время и всечеловеческая. Биография у него, кажется, обыкновенная для нашего поколения, был сотрудником тамошней комсомольской газеты. Мне как-то попались его газетные заметки — совершенно серые, неинтересные. А драматург он был очень оригинальный, употреблю снова это слово, «своеобычный». К сожалению, он трагически погиб. И неизвестно, если бы не его ранняя смерть, шли бы они и дальше вместе с Распутиным. У Вампилова была глубина и понимание души человека вообще, а не только жителя какого-то района.

В.А.: Но для меня они зрительно связаны, Вампилов и Распутин. Я просто помню вечер, когда нас Евтушенко познакомил, — два скромных молодых человека из провинции.

В.В.: У меня никаких зрительных впечатлений нет, я ни того, ни другого живьем никогда не видел. А видел недавно портрет Распутина в журнале *The New York Times Magazine*¹, и там у него совершенно не скромный вид человека, недовольного всем человечеством.

В.А.: Да, он как бы говорил на этом снимке: «Не тем путем идете, товарищи!» Но вернемся к их первым вещам. Недавно я со студентами читал и обсуждал беловское «Привычное дело», и там есть очень интересные моменты. Это было возрождение традиционного русского типа, я бы сказал — возвращение к толстовскому Платону Каратаеву, но с одним колоссальным отличием. Иван Африка-

¹ *The New York Times Magazine* — «Нью-Йорк таймс», ежедневная американская газета, третья по популярности в США.

нович — человек, выпшвырнутый из каратаевского мира. Если бы этот мир сохранился, он бы так в нем и жил, был бы там очень уместен. Но мир этот был разрушен, и он блуждал как бы в слепоте, на ощупь, ощущая стихийную жажду приблизиться к Богу, такой спонтанный экзистенциализм. Это тогда прозвучало очень сильно!

В.В.: Того же типа и Иван Денисович у Солженицына. Надо сказать, что эти люди хоть и выпшвырнуты из каратаевского мира, но не вымерли, они везде по России разбросаны.

В.А.: Первая вещь Распутина, которую я прочитал, была «Живи и помни». О ней тогда очень много говорили. Вообще с ними колоссально носилась московская, ленинградская и провинциальная либеральная интеллигенция. Мы к этому времени под давлением определенных кругов фактически замолчали, а «деревенская» литература набирала силу с каждым годом. Они были кумирами не каких-то консервативных кругов, а именно либеральной интеллигенции: «Смотрите, на что замахнулся, какие темы поднимает! Как смело говорит о том, о чем вообще нельзя говорить!»

Вот «Живи и помни». Вдруг оказывается, что дезертир — это не просто человеческая мразь, для которой и пули чекистской жалко, а человек. Он страдает, он любит, переживает трагедию... Все это весьма трогательно, но меня при чтении не оставляла странная идея, что это что-то вроде «Хижины дяди Тома».

В.В.: Может быть, эта повесть в самом деле какая-то построенная... Я тоже начал читать Распутина с этой вещи, она бросалась в глаза. Я думаю, такое благоже-

лательное отношение к «деревенщикам» — во многом результат совпадения чайный разных кругов. Из литературы были выкинуты разные писатели: сначала Солженицын, потом мы — целый слой был снят. И не только нашего поколения — это и Виктор Некрасов¹, например, а Юрий Домбровский² существовал, но его очень сильно прижимали. И тут появились писатели, которых еще называют «почвенниками». А для властей уже был перебор в уничтожении литературы, и они хотели противопоставить выкинутым писателям каких-то других. Но всем было ясно, что противопоставлять секретарей Союза писателей Маркова, Сартакова³ и потом вошедшего в эту компанию Бондарева⁴ было смешно. Вот и выбрали «деревенщиков».

В.А.: Альтернативная литература!

Володь, давай поговорим о самом термине — почему «деревенщики», «почвенники», «деревенская» литература? Почему, скажем, Юрий Казаков⁵, который много и хорошо написал о деревне, о России «почвенной», никогда не причислялся к этой обойме? Почему, скажем, ты не причислялся, хотя у тебя есть вещи о деревенской жизни? Да что уж — даже я, такой прожженный «западник», когда-то написал «Затоваренную бочкотару», меня бы тоже можно было пристегнуть к «деревенщикам»,

¹ Некрасов Виктор Платонович (1911—1987) — писатель, диссидент, в 1974 году эмигрировал на Запад.

² Домбровский Юрий Осипович (1909—1978) — прозаик, поэт, неоднократно арестовывался в годы сталинщины, с 1949-го по 1955 год отбывал срок в лагере.

³ Марков Гергий Мокеевич (1911—1991), Сартаков (1908—2005) — писатели, так называемые литературные генералы СП СССР.

⁴ Бондарев Юрий Васильевич (р. 1924) — писатель.

⁵ Казаков Юрий Павлович (1927—1982) — писатель, один из лучших новеллистов своего времени.

но — нет! Или Георгий Семенов¹, который живописует природу и деревенскую жизнь, никогда не причислялся к этой обойме.

В этой связи вспоминается смешной эпизод, случившийся в Центральном доме литераторов. Меня однажды пригласили туда читать, и я читал главу «Автостоп нашей милой Мамани» из своей повести «В поисках жанра». Там речь идет о деревенской бабке, которая совершает путешествие по России автостопом (тоже, кстати говоря, деревенская литература!). Ей нравится играть со словами, и она время от времени начинает причитать и даже напевать. И вот я читаю эти ее причитания: «Зяби, зяби вы мои, зыби, зыби зыбучие засыпанные! — во весь голос тут (благо вокруг все спят и за стенкой в опочивальне утомонились) возопила Мамазя. — Зыби, зоби, зябкие, озябанные, постные, зяби наши пскопские, зыби озерные осиянные!..»

Вдруг вскочил один писатель из числа «деревенщиков», правда, не такой знаменитый, как Василий Белов: «Да как вы смеете! Аксенов, вы оскорбляете душу нашего народа! Чего вы лезете в наши дела, в нашу деревенскую литературу? Сидите со своими стилистами и звездными мальчиками, а к нам не лезьте! «Кричали по деревне недобитые петухи» — да как вы смеете такое писать! Зябь... Да вы хоть раз трогали ее? Ведь по ней проведешь рукой — нежная, как шелк, кольшется...»

Я был совершенно ошарашен, если не ошеломлен. И кто-то из сидевших в зале сказал: «Простите, о какой вы говорите зяби? Это ведь просто вспаханная земля! Вы-то как деревенский писатель должны знать!» И он, побагровев, выскочил из зала. Так что принадлежность к этой группе вовсе не означала близость к почве.

¹ Семенов Георгий Витальевич (1931—1992) — писатель.

В.В.: У меня первая повесть была о деревне, потом рассказ большой о деревне — «Расстояние в полкилометра», значительная часть моего романа о Чонкине происходит в деревне, и некоторые критики называли меня «почвенником».

«Деревенщики» обижаются, когда их так называют, — мол, Лев Толстой тоже писал о деревне, но его же не называют «деревенщиком». Но речь о масштабе осмысления действительности, о взгляде. Я бы не хотел выглядеть самодовольным и смотрящим свысока, но все-таки значение имеет взгляд — замкнутый этой деревней или выходящий за ее пределы. Рассказы Юрия Казакова не были деревенскими, они были более значительными.

В моих словах о замкнутости на деревне нет отрицательного оттенка. Есть такой тип литературы, и там есть значительные фигуры — народные поэты Кольцов, Никитин, прозаик Мамин-Сибиряк... Мы можем сочувствовать героям такой литературы, но наш интерес к ним скорее этнографический, мы знаем, что это не о нас. А вот «Каштанка» — обо мне, и «Хаджи-Мурат» — обо мне...

И кроме того, в произведениях наших «деревенщиков» есть то, чего мы поначалу не заметили — противопоставление их героев другим людям. Эти герои свою мораль, свою нравственность, свой образ жизни противопоставляют городскому образу жизни. В деревне буд-то бы другие законы жизни, более натуральные, и эти люди, в отличие от горожан, более здоровые.

В.А.: Отматывая сегодня события назад, мы можем увидеть, что даже в ранних вещах этой группы писателей есть некоторые элементы манифеста, некоего идеологического направления. У Юрия Казакова не было ни-

какой идеологии, у него была чистая художественность. Возьми рассказ «Трали-вали». Какая там идеология? Просто парень, бакенщик, зажигает и переставляет бакены, пьет водку, бегаёт за девчонкой, и у него рождаются какие-то смутные эмоции, когда он начинает петь и оглашает округу своим поразительно красивым голосом. Может быть, избыток художественности и недостаток идеологического посыла и отделял Юрия Казакова от писателей-«почвенников»?

Для меня эта группа писателей окончательно определилась, когда я услышал то ли по «Свободе», то ли по «Голосу Америки» выступление уже высланного Солженицына, который делал обзор современного состояния русской литературы. Значит, это была середина семидесятых годов. Александр Исаевич тогда сказал, что фактически впервые в русской литературе появилась группа истинно русских писателей. Это прозвучало совершенно несусветно. А кем были Тургенев, Толстой, Пушкин?! Но идея его была в том, что впервые мужики пишут о мужиках, а не кто-то со стороны. С этой точки зрения Бунин как бы не вполне имеет право писать о деревне. Бунин, кстати, писал о мужике без пиетета, подчас его мужик противный, не всегда замечательный мужик. А у наших «деревенщиков» мужик не может быть ни хорошим, ни плохим, он может быть только представителем почвы. И тут уже начиналась идеология, подавлялась художественность.

В.В.: Да, я помню, Солженицын тогда заявил, что они пишут лучше Тургенева и даже лучше Толстого, потому что они сами выросли в деревне и знают ее не со стороны. А потом была статья Бориса Можаева¹ в «Лите-

¹ Можаев Борис Андреевич (1923—1996) — писатель.

ратурной газете», где он, не ссылаясь на Солженицына, повторил его мысль: да, у нас есть писатели, которые пишут о деревне не хуже Тургенева и Толстого, потому что выросли в деревне, да еще и закончили Литературный институт.

В.А.: Это делает честь Борису Можаеву — он процитировал совершенно запрещенного писателя... А я, слушая тогда Солженицына, подумал, что в отделе культуры ЦК КПСС сидели тоже не дворяне, не выпускники Пажеского корпуса, ей-ей! Там сидели люди такого же происхождения, мужики, и тоже соображали, что делать с такой литературой. И они пришли к очень ловкому решению. Они абсолютно отсекли эту группу писателей от Солженицына не жестокими административными мерами, а самыми благотворительными административными мерами — государственными премиями. Ты помнишь, все глаза пораскрывали в растерянности: что происходит? Один за другим смелые борцы за правду начинают получать государственные премии... Но мы с тобой исчерпали лимит времени.

В.В.: Тогда до следующего раза.

Встреча с московскими артистами¹

Сегодня я хочу вам рассказать об одном немного грустном, немного забавном, но в общем-то приятном событии нашей вашингтонской жизни.

Еще в мае в газете «Новое русское слово» было напечатано рекламное объявление о скором приезде в Америку группы артистов советского кино.

Таковыми объявлениями русскую публику в Америке трудно удивить. Недели не проходит без гастролей звезд Восточного блока самой крупной величины: то Алла Пугачева, а то и сама целительница Джуна! Однако вот это именно объявление заставило память несколько прокружиться в пространствах некогда любимых московских сезонов.

В списке артистов значились Зиновий Гердт, Михаил Козаков, Валентин Гафт, Александр Ширвиндт и Михаил Державин. Должен признаться, не замечательные роли этих замечательных исполнителей выплыли из памяти, а картинки быта, моменты московской, внутри Садового кольца, жизни, осветившиеся вдруг мгновения шестидесятых, когда эти артисты были молодыми напористыми

¹ «Голос Америки», октябрь 1989 г.

авангардистами, и семидесятых, когда они стали главными мужчинами столицы, джентльменами и авторами острот. Словом, видения из тех времен, когда мы все были друзьями. Кто близкими друзьями, кто несколько отдаляющимися, кто совсем чуть-чуть, однако всегда, как в Америке говорят, людьми «одной толпы», или, по правилам московского жаргона тех времен, «одной шараги».

Вот Гердт идет, прихрамывая, закругляя свой маршрут вокруг Центрального телеграфа, салютуя тростью: «Не хотите ли, сэр, составить компанию?» И сразу начинает рассказывать нечто такое, от чего начинаешь тихо сползать по стене в беззвучном хохоте.

Вот Козаков бурно врывается в «Современник», где мы все сидим на лестнице: «Ребята, поздравьте, она сдалась, вчера сдалась!» И все начинают его поздравлять, и весь театр сбегается на шум: «Миша, это правда, она сдалась? Поздравляем! Поздравляем!»

Вот из шума капустника вздымается атлетическая фигура Гафта:

Планета, чуешь ли подкожный зуд?
Лауреаты по тебе ползут!¹

Вот, продравшись через толпу ошалелых пьяниц и отшвырнув плечо наглого мздоимца-швейцара, прорываешься в ресторан ВТО, а там в полном спокойствии, будто в английском клубе, употребляют селянку «Зубрик» Ширвиндт и Державин.

Я всегда любил людей театра и кино больше, чем своих братьев-писателей. В них не было мегаломанической раздутости и склонности к легким запродажам,

¹ Неузнаваемо измененный текст одной из самых известных эпиграмм Гафта.

чаще всего оправдываемым необходимостью сберечь для страны свой собственный неповторимый талант.

Словом, прочтя объявление в эмигрантской газете, я предвкусил встречу, массу необязательных воспоминаний, массу непредметной болтовни. Гастроли были запланированы на сентябрь в основных русских центрах Америки — Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Вашингтона в объявлении не было — столица считается малоперспективной, поскольку здесь не так уж много эмигрантов третьей волны, а для первых двух волн, не говоря уже о местном населении, эти славные имена пока что мало что означают. Имелся, однако, Балтимор, где тоже предполагался концерт, ну а до Балтимора от дистрикта Колумбия — какой-нибудь час езды по фривэю¹.

Итак, я собрался на концерт моих старых товарищей, однако с тех пор, как собрался, прошло, почитай, четыре месяца. Несколько перелетов с Восточного побережья на Западное и обратно, поездка в Европу... Словом, дата забылась, а объявление то ли не повторялось, то ли не попадалось на глаза.

Недавно, вернувшись после университетского дня с двумя семинарами, деловым ланчем и заседанием подкомитета по выборам в комитет, я узнал, что звонил Зяма Гердт. Что они в Балтиморе, что сегодня концерт, а после концерта сразу же их увозят в Нью-Йорк. Менеджер турне оставил по телефону то, что американцы называют directions, то есть описание того, как следует добираться до какой-то школы, где будет концерт. Directions были также получены от одного из балти-

¹ Широкая автомобильная трасса.

морских приятелей. Проглотив что-то наспех, я снова плюхнулся за руль.

Катя в потоке машин под полной луной, я думал о том, что сегодняшнего моего километража, вероятно, хватило бы для пересечения какой-нибудь средневропейской страны — Австрии, скажем, или ФРГ в ее талии, не говоря уже о всех трех странах Бенилюкса.

В полученных по телефону directions все было рассказано детально за исключением одной детали — в какую сторону выхода № 18 Балтиморского окружного фривэя надо выходить, на запад или на восток. По многолетнему уже опыту я знал: ошибешься здесь — и окажешься в неведомых краях светящейся бесчисленными вывесками катящей во все стороны и почти безлюдной в этот час американской так называемой постиндустриальной среды обитания.

Так, разумеется, и получилось — я выехал в неправильную сторону. Сзади все время набегали машины, названия улиц ничего мне не говорили, водители, которым что-то кричал во время остановок у светофоров, пожимали плечами. Наконец я решил спросить дорогу на бензозаправке Esxon. Там за стеклом сидела молодая черная толстуха, которая на вопросы не отвечала. Потом появился худой черный старик в эксоновской униформе.

«Какая еще школа? — ворчливо переспросил он. — Все школы сейчас уже закрыты, зачем вам школа в этот час?»

«Но все-таки, не знаете ли вы, где эта чертова школа?» — еще раз спросил я.

«Как я могу знать, где эта школа, если я не знаю, зачем она вам?» — сказал он.

«Ну, там, понимаете ли, концерт сейчас идет, приехали артисты — Гердт, Козаков, Гафт...»

«Гафт?! — рывкнул в ответ эксоновец и махнул рукой на восток. — Езжай туда!»

Я углубился в жилые кварталы, как оказалось, даже не Балтимора, а Балтиморского уезда, то есть в неразбериху темных улиц с бесконечными маленькими домиками. По-прежнему нигде не было ни души. Несколько раз появлялись большие плоские строения с освещенные окнами, с обширными паркингами, заполненными автомобилями. Всякий раз думая, что это как раз искомое, я подъезжал и находил там закрытые двери и полное отсутствие передвигающихся на ногах живых существ.

Прошло часа полтора. Я уже стал звереть и собрался поворачивать обратно несолоно хлебавши, когда увидел очередной большой паркинг возле плоского строения с освещенными окнами. Несколько человек стояли у дверей и курили.

Оставив машину на паркинге, я пошел к ним спросить дорогу. «Да это, кажется, Вася Аксенов идет!» — услышал я голос Гердта. «Он самый!» — воскликнула его жена, как всегда очаровательная Таня. И вскоре я уже обнимался со всей командой.

В защиту Салмана Рушди¹

Гражданства можно лишить только человека, которому оно было дано не по праву рождения, а при адаптации.

Брежнев, однако, совместно со своим секретарем Георгадзе направо и налево лишал гражданства неудобных писателей, в том числе вашего покорного слугу. Впрочем, может быть, этот недалекий партработник никогда и не слышал о такой штуке, как международное право. Однако и нынешние, просвещенные вожди перестройки не торопятся отменить эти варварские декреты...

И все-таки даже Брежнев (может, по природной злобivosti, а может быть, по какому-то подсознательному ощущению христианского стыда) не требовал голов наказанных писателей, и уж тем более не заявлял во всеуслышанье о своем неотъемлемом на это праве.

¹ «Голос Америки», начало 1989 г. Эта радиопередача, первые фразы которой отсутствуют в записи, была откликом на призыв верховного правителя Ирана аятоллы Хомейни убить британского писателя Салмана Рушди за роман «Сатанинские стихи» (1988), в котором прототипом одного из персонажей является пророк Мухаммед. За убийство писателя было назначено денежное вознаграждение в американских долларах, которое с годами увеличивалось.

Любопытна будет еще одна, самая свежая, параллель, которая, к сожалению, имеет отношение к вашему покорному слуге. Я, пожалуй, являюсь единственным писателем, который и во времена гласности и перестройки стал мишенью довольно широкой, тиражированной в три с половиной миллиона, кампании всенародных разоблачений. Читатели журнала «Крокодил», возмущенные отрывком из моей книги «В поисках грустного бэби», который крокодильские разведчики выудили из журнала «Ридерз Дайджест» и крокодильские же офицеры-переводчики бездарно перевели обратно на русский, требовали и для меня определенных наказаний. Один, например, призывал президента Рейгана выбросить меня из Соединенных Штатов, чтобы жители Северодвинска могли судить предателя судом народа. Другой напомнил о красивом обычае привязывать нечестивцев к столбу и плевать им в лицо. Никто, однако, не потребовал немедленной казни и тем более никто не предложил награды за ее осуществление. Все-таки другая фаза цивилизации, как-никак!

Один, правда, крокодилец с блаженным всхлипом вспомнил, как он во время войны таких, как я, душил голыми руками, но это, опять же, было только лишь сладкое воспоминание, а не деловое предложение.

Что же произошло все-таки с Салманом Рушди и можем ли мы ставить его случай в один ряд с прошлыми гонениями на писателей? Что же это все-таки за роман? Говорят, что до вердикта кошмарного Хомейни этот роман не очень-то бойко продавался в книжных магазинах свободного мира — читатели находили его несколько скучноватым. Когда разгорелся скандал, публика, естественно, немедленно пересмотрела свое мнение об этой

книге и ринулась в лавки. Первый принт¹ был раскуплен немедленно. Я и сам, как часть публики, осведомлялся в нескольких местах по соседству и везде получал ответ: «Только что распродан». Короче говоря, шантаж стал действовать даже лучше, чем при угонах самолетов. Милостивые государи, что происходит в мире? Оглянитесь вокруг! Почему же мы никак не можем сказать себе, что нам всем объявлена война? Почему же мы не защищаемся?

Вполне очевидно, что роман, даже и без вердикта зловещего имама, мог оскорбить чувства мусульман в той же мере или в большей, в какой чувства христиан были оскорблены фильмом «Последнее искушение Христа»². Однако не был ли ислам оскорблен и запятнан призывом к убийству автора еще больше, чем самим романом? Естественно, возникают в памяти злодеяния инквизиции, мучившей людей и по меньшим поводам. Однако, говоря о Средневековье, следует вспомнить, что в XVI веке Франсуа Рабле до колик хохотал над официальными святынями Парижа, однако его никто не собирався за это казнить — наоборот, Париж смеялся вместе с автором. Главная беда, свалившаяся на Тегеран, это полное уничтожение чувства юмора.

Что же люди думают обо всем этом в Соединенных Штатах и в других странах мира? Позвольте мне процитировать несколько писем, появившихся недавно в столичной газете «Вашингтон Пост».

Мистер Джей Мэдисон Дейвис из города Северо-Восток в штате Пенсильвания пишет: «Бесноватость до такой степени распространилась нынче в мире, что ее

¹ Тираж.

² Кинофильм американского режиссера Мартина Скорсезе (1988).

больше нет смысла и замечать, однако когда глава государства впадает в это состояние и подстрекает к убийству человека, чья книга не соответствует его представлениям об исламе, необходимо все-таки, если мы еще ценим свободу, вопить о нашем возмущении. Салман Рушди был рожден с теми же правами на выражение самого себя, как любой из нас, и разрешить банде варваров, которые порочат имя своей собственной религии, терроризировать мистера Рушди и его издателя значит игнорировать ценности, которые даже Советский Союз начал признавать как фундаментальные ценности современной цивилизации. Очевидно, еще недостаточно тех фактов, когда живодеры манипулируют нашей внешней политикой посредством похищений и убийств, — теперь они будут диктовать нам, что читать и как думать. Что же мы, нравственные банкроты, чтобы разрешить им делать это?» Так высказывается американец, и этот подход в принципе отражает точку зрения большинства.

Здесь же приводится письмо господина Хасана Гелана, представителя молодых конституционалистов-монархистов Ирана, жителя города Вашингтона. Оппозиция этому роману началась еще пять месяцев назад, во многих арабских странах он был запрещен, однако Исламская Республика Иран по каким-то причинам хранила молчание. В настоящее время Хомейни и его приближенные, по мнению Гелана, просто-напросто искусно используют кампанию против Рушди. Их цель — отвлечь внимание от серьезных политических, экономических и социально-религиозных тупиков. Раньше у клерикального государства не было нужды предлагать взятку за убийство — нашлось бы немало бесплатных энтузиастов. «Теократы опять во имя достижения своих тактических выгод, — продолжает автор письма, — делают иранцев

париями во всем мире, на которых вешают всех собак за преступления, совершенные их угнетателями».

Интересно, что конституционалист-монархист Гелана в своем письме ни разу не осуждает напрямую приговор Рушди. Главная цель его письма — показать, что не все иранцы такие варвары, как засевшие на верхах революционеры-муллы.

Другой мусульманин в своем письме в «Вашингтон Пост» вообще не осуждает никого, кроме Рушди. «Неправда! — восклицает Газала Афак из вирджинского города Рестон. — Неправда, что мусульмане недостаточно цивилизованны, чтобы понимать литературу и искусство! Но, как мы все знаем, существует ограничение свободы письма и публикации. Ни у кого нет права оскорблять чувства миллионов во имя литературы и воображения». Сказано крепко, в хорошем ждановском стиле.

Дискуссия о деле Рушди продолжается по всей стране. Один молодой ориенталист, проведший три года в Пакистане, пишет, что нам нужно прежде всего узнать больше об исламе и научиться его понимать. Писатели повсюду на Западе выражают возмущение кровожадным вердиктом Хомейни. Какое бы у тебя ни было отношение к злополучному роману и даже при отсутствии какого бы то ни было отношения, ты должен протестовать хотя бы из профессиональной солидарности. Председатель американского ПЭН-клуба Сьюзан Зонтаг сказала по телевидению: «Если мы будем молчать о таких случаях, мы вскоре все окажемся заложниками в руках террористов».

Беседа Василия Аксенова с Сергеем Юрьененом¹

Сергей Юрьенен²: Во-первых, рад вас приветствовать в «осином гнезде»³, где вы впервые...

Василий Аксенов (*смеется*): Подходя сюда, я сказал своему сыну: «Представляешь, столько лет занимаюсь радиодиверсиями и первый раз в жизни — в «осином гнезде»».

С.Ю.: Василий Павлович, я прочитал недавно, что в Америке ежегодно выходят в свет более тысячи выпускников разного рода писательских программ...

В.А.: Это было одно из моих очень сильных удивлений в Америке! Мы всегда считали, что писательские институты существуют в двух странах — в СССР и в ГДР (в Лейпциге был такой коммунистический писательский институт). А когда я стал заниматься академической ак-

¹ Радио «Свобода», лето 1991 г.

² Юрьенен Сергей Сергеевич (р. 1948) — ведущий радио «Свобода», прозаик, переводчик.

³ Имеется в виду штаб-квартира радио «Свобода», которая до 1995 года располагалась в Мюнхене.

тивностью в Штатах, был поражен: сотни писательских программ, workshops¹ и так далее, включая университет, где я сейчас работаю, разумеется.

У меня одна группа младших курсов, где я читаю уже третий год подряд основы русского искусства XX века — это знакомство с русским авангардом, этим миром, неведомым американскому юноше, не говоря уже о юноше Ближнего Востока или Индии, которых очень много.

А вторая группа — молодые писатели. Это уже программа творческого письма, здесь у меня сидят 45 гавриков. И я им свои весьма спорные идеи провожу и иллюстрирую их русскими примерами (в переводах). Скажем, сейчас у меня идет второй год программа рассказа (short fiction²). Мы начинаем с Пушкина, идем через Лермонтова, Гоголя, Достоевского ко Льву Николаевичу, выходим на двадцатые годы (Бабель, Зощенко) и вплоть до альманаха «Метрополь» и сборника «Гласность»³.

С.Ю.: Вы не могли бы дать характеристику писательского уровня ваших учеников?

В.А.: Вместо экзаменов они пишут мне рассказы в основном. Я их часто ободряю, чтобы они писали какую-то критику, но большинство пишет рассказы. Я от них прошу рассказы, которые были бы инспирированы материалом, о котором я говорю. Либо сам по себе рассказ как жанр, то есть попытка подойти к совершенству рассказа, ибо рассказ, с моей точки зрения, это всегда

¹ Семинары.

² Короткие рассказы.

³ Независимый неподцензурный общественно-политический журнал «Гласность» был основан Сергеем Григорьянцем в 1987 г.

попытка достичь совершенства, в отличие от романа, который как раз стремится к несовершенству. Либо текст, инспирированный, скажем, Андреем Белым. Вот несколько студентов написали вещи в стиле драматических симфоний Андрея Белого. Очень здорово получилось! Или в стиле Зощенко. Я был уверен, что Зощенко не будет понят, а получилось наоборот.

Как всегда, в любой группе есть несколько интеллектуалов (людей очень одаренных, с авангардным направлением ума), есть средняя масса, а есть те, что вообще ни черта не понимают и пишут по стереотипам, которым их учили до меня. И все они входят в мой класс, который не просто класс русской литературы, а в какой-то степени — класс русского авангарда.

С.Ю.: Есть противоречие (может быть, даже конфликт) между эстетикой американской новеллы и эстетикой рассказа русского, более склонного к очеркистике...

В.А.: Не только к очеркистике! Одна девица у меня написала анализ деталей двух писателей, которые жили в одно и то же время, — американца О'Генри, у которого масса деталей, и деталей Андрея Белого из «Драматической симфонии» 1901 года. Получилось потрясающе — иное представление о деталях, иное использование деталей! В какой степени заземлена проза О'Генри — и в какой степени метафизирована проза Андрея Белого! Вы знаете, что Андрей Белый не просто витал в каких-то сферах — он всегда начинал от поверхности земли. Это начало модернистской, авангардной прозы. Гениальный, совершенно недооцененный писатель! Человек, который на десять лет раньше Джойса написал первый роман XX века!

С.Ю.: В вашем романе «Звездный билет» был молодой писатель по имени Алик, о котором девушка говорит: «Начитался ты, Алик, западной литературы». Я, тогдашний подросток, отождествился с этим персонажем. Мой опыт чтения — сначала подзаборная советская литература, потом в 12 лет я открыл для себя Хемингуэя, и уже от Хемингуэя, поверив его восторгам насчет «Записок охотника» Тургенева и «Севастопольских рассказов» Толстого, пришел к русской классике. Интересно, что вы, апологет западной литературы, как о вас писали в 60-е годы, сейчас преподаете нашу метафизическую классику американцам...

В.А.: Это ведь, Сергей, произошло из уродливости нашего воспитания. Я старше вас на целое поколение, и вы входили, когда что-то более или менее вдруг приотворилось, повеяло свежим ветерком. А я рос в абсолютно затхлой атмосфере, где и Достоевский-то был запрещен, его не было в библиотеках во время моего подросткового периода. Поэтому я сначала прошел все эти школьные «университеты», потом открылась западная литература (тот же Хемингуэй)... Я немножко знал Хемингуэя уже из довоенной «Интернационалки»¹ и так далее... Я помню, в «Стреле» (поезде) познакомился с девушкой, которая мне наизусть прочла рассказ Хэмингуэя «Кошка под дождем»!

А потом вышел двухтомник Хемингуэя, потом Джойс, потом Генри Миллер... И только потом я начал приобщаться к нашему авангарду, нашему забытому и запрещенному наследию. «Петербург» Андрея Белого я прочел, когда мне было под сорок лет! И потом уже я

¹ Журнал «Интернациональная литература», выходивший с 1933-го по 1943 г. на нескольких европейских языках.

понял, что если говорить об авангардизме Хемингуэя, он очень вторичен по отношению к русской литературе, к тому же Достоевскому! У меня недавно был семинар «Современный роман: упругость жанра». Из Достоевского я взял «Игрока», разбирая которого мы вдруг увидели, как он невероятно близок к «Фиесте» Хемингуэя. Это, по сути дела, те же самые персонажи! Полина — это Брэтт, Алексей — это Джейкоб, англичанин — это Кон, боксер... Я даже предложил студентам написать работу «Влияние Хемингуэя на Достоевского!» А потом в чьих-то дневниках я прочел о Хемингуэе, что, когда он осел в Париже, среди трех первых книг, которые он взял в библиотеке, был «Игрок» Достоевского...

В американской литературе не было авангардной традиции, богемной атмосферы... Они убегали из Америки, они не могли жить в Америке! Издатели смотрели на них как на идиотов. Они возвращались в Америку кружным путем. Сейчас, находясь в Америке, я понял, что в какой-то степени я — представитель более высокой культуры...

С.Ю.: Вы знакомы со многими американскими писателями — так сказать, с авангардом. Я вспоминаю ваш перевод романа Доктору «Рэгтайм», опубликованный, кажется, в год вашего отъезда...

В.А.: Это была последняя моя советская публикация, в 1979 году.

С.Ю.: Вы знакомы с Норманом Мейлером...¹

¹ Мейлер Норман (1923—2007) — американский писатель, драматург, журналист, кинорежиссер.

В.А.: Я со многими лично знаком так, по-светски, но дружбы у меня с ними не получилось.

С.Ю.: Вас, шестидесятников журнала «Юность» (Аксенова, Гладилина, Кузнецова), мы воспринимали как аналогов американских «новых левых»...

В.А.: Я даже не слышал о Сьюзен Зонтаг, пока не приехал в Америку... На нас, детей уродливого времени, отражалась не столько литература, сколько их образ жизни. Возьмите V Generation¹, всех этих Гинзбергов², Керуаков³ и прочих. Они повлияли на нас очень здорово, но не в литературном смысле. Это поколение создало не так много запоминающихся текстов. Оно создало исключительно интересный образ жизни, освободившись от ряда кастовых нормативов. Но если глубоко проанализировать, то они были на 45—50 лет позже аналогичной группы, возникшей в России, — футуристов, которые создали великие тексты и колоссальный творческий потенциал: Хлебников, Маяковский, критическая школа футуризма (ОПОЯЗ)... Этого всего не возникло в битниковском поколении, они были больше увлечены показухой на массовую публику. Но в принципе это то же желание, та же «пощечина общественному вкусу», только возникшая 45—50 лет спустя.

С.Ю.: Но мне кажется, что американская бит-генерация продолжает даже до сих пор оказывать не-

¹ Пятое поколение.

² Гинзберг Аллен (1926—1997) — американский поэт, основатель битничества.

³ Керуак Джек (1922—1969) — американский писатель, представитель бит-поколения (к которому относились такие известные писатели, как Джон Апдайк и Джером Д. Сэлинджер).

кое влияние на наши андерграундные круги. Например, Борис Гребенщиков с его восточной, дзен-буддистской ориентацией.

В.А.: Разумеется! Я не хочу их принизить, я просто хочу сказать о странности литературных влияний. Beat Generation¹ поэзия, скажем, возникла вся на традициях Уитмена. А Маяковский, в свою очередь, очень увлекался Уитменом. То есть увлечение Уитменом возникло в России гораздо раньше, чем увлечение Уитменом в Америке. Такие странные вещи происходили... Мы слишком, может быть, были западниками, из протеста против социалистического Востока. Пожилой человек, я, сегодня анализируя свою жизнь, понимаю, что я спонтанно все время протестовал. Например, в молодости почему-то я начал играть в баскетбол. Почему в баскетбол, а не в волейбол? Потому, что баскетбол был западный вид спорта. Он тогда, после войны, только стал входить к нам через Прибалтику, и это было для меня связано с какими-то американскими влияниями.

Почему вдруг джаз так невероятно поразил воображение наших юношей пятидесятых годов? Это тоже было в какой-то степени рождено протестом против бесконечного хора имени Пятницкого, который гремел из всех репродукторов. И так мы ринулись в западную литературу, еще не зная о своей, не зная, что, по сути дела, русская литература — часть западной литературы, а русское искусство — часть и, может быть, в какие-то моменты — авангард западного искусства.

¹ Бит-поколение.

С.Ю.: А каким образом американский культурный контекст, начиная с 1980 года, когда вы приехали на американский континент, повлиял на вашу творческую метаморфозу?

В.А.: Я даже не могу это назвать метаморфозой. Мне кажется, это было продолжение естественного развития, которое уже шло у меня, когда я жил в Союзе. Что касается американской культурной сцены, то я должен признаться, что нахожусь в состоянии глубочайшего разочарования в ней.

С.Ю.: Но вы являетесь частью этой сцены?

В.А.: Отчасти. И, к счастью, я себя не причисляю все-таки к ней. Мне бы никогда не хотелось стать частью одержимой коммерцией сферы. Я не против литературных заработков — наоборот, очень за. Но я считаю, что не писатель должен преследовать успех, а успех должен преследовать писателя (или не преследовать его). Когда писатель садится к столу, уже думая о том, как бы ему влезть в *bestseller list*¹, это, по сути дела, та же цензура социалистического реализма. Он подсознательно диктует своей руке: «Остановись, дальше не пиши, потому что это не понравится моему агенту или моему издателю, то есть в конце концов — покупателю». То, что возникает сейчас в американском книжном мире, уже вызывает колоссальную тревогу американских интеллектуалов. Я регулярно читаю *New Republic* — там развернулась скандальная полемика вокруг того, что происходит в книжном мире.

¹ Список бестселлеров.

С.Ю.: Вы о концентрации власти у нескольких издательских гигантов?

В.А.: Нет, я бы это назвал просто-напросто халтурой. Коммерциализированная наглая одержимая халтура пытается превратить всякую литературную продукцию в предмет продажи, в товар. И уже совершенно не важно, хорошо ли отредактирована эта книга, не важен стиль... Такое понятие, как стиль, уходит из американской литературы. Авангардная традиция там на фиг никому не нужна, ее нет!

Если взглянуть на полки в drugstore¹, где продаются бесчисленные жуткие романы, их можно сравнить только с романами, которые «тискали» блатным в советских лагерях и тюрьмах: «Жили две девушки-проститутки, а на самом деле они были принцессами крови...» Говорят: да, есть такая литература, но есть же и высокобровая (интеллектуальная) литература... Как будто она совершенно отделена от этой сферы! К сожалению, не отделена. Загрязнение бесчисленным количеством этих букв отравляет литературную среду, влияет на писателя, который начинает думать: «Какого черта мне мудрить над моим стилем и экспериментировать, когда какой-то безграмотный хмырь, написав высосанную из пальца историю о подводной лодке, получает миллионы?» Неизбежно возникает внутренняя цензура, возникает коммерческий подход, возникает коммерческое цензурирование. Я цензурный дока, я вижу цензурные швы во многих американских фильмах. Швы цензуры, упаси бог, не идеологической, а коммерческой. Сценаристу говорят: «Ты не туда пошел, тебя не поймет зритель, а

¹ Аптеки в Америке, где продаются и книги.

это значит, что фильм принесет меньше денег. Нужно, чтобы все поняли». И литература направлена на массового читателя.

С.Ю.: Вы говорите неоспоримые вещи, но, хотя есть Том Клэнси¹, который завалил полмира своей продукцией, есть и новая школа американского рассказа, лидер которой, Рэймонд Карвер², к сожалению, умер в 49 лет. Я купил в американском книжном магазине в Мюнхене книжку «Лучшие американские рассказы 1990 года», изданную Ричардом Фордом³, — еще один пример писателя, живущего в тотальной изоляции у себя в Монтане и сопротивляющегося наступлению цензуры любого рода.

В.А.: Разумеется, такие писатели в Америке есть! Если бы не было, было бы не о чем говорить. Но этот круг сужается, съеживается, вот в чем беда. Происходит уже возведенная в культ в университетских кампусах деэлитизация культуры. Тут очень странно смыкаются левая ментальность с ментальностью рынка. Деэлитизация, политкорректность отвечает потребностям рынка! Говорят: «Мы даем людям то, что они хотят». Но то, что они хотят, сформулировано рынком, а не самими людьми. В результате высокобровая литература, элитарная литература, независимая литература, творческая литература (назовите ее как хотите) — ее круг сужается.

Разумеется, есть масса талантливых людей! У меня на семинаре несколько мальчишек — чрезвычайно талантливые люди, которые знают все и хотят экспери-

¹ Клэнси Том (1947—2013) — американский писатель.

² Карвер Рэймонд (1938—1988) — американский поэт и новеллист.

³ Форд Ричард (р. 1944) — американский писатель.

ментировать. Но я уже знаю наперед, что с ними будет. Они пройдут свои несколько кругов и начнут писать сценарии для Голливуда или романы, чтобы заработать деньги.

С.Ю.: Василий Павлович, ваше отличие от большинства американских писателей в том, что вы свою писательскую жизнь ведете не только в американском, но и в русском варианте. Вас издают в Москве, вы там теперь бываете. К вам приходили молодые русские писатели?

В.А.: Приходили, разумеется. Я вообще слежу за тем, что нового появляется в России. Время не очень подходящее для писания прозы. Прозу нужно писать без внутреннего дрожания, а там все время внутри что-то дрожит, словно боишься опоздать куда-то. Я уже испытал это на себе, когда после поездок в Россию пытался записать впечатления. Я написал одну вещь и понял вдруг, что она уже устарела. Так что писать прозу в России сейчас очень сложно. Но существует группа поэтов, промолчавших, разумеется, в восьмидесятые годы, но сейчас активно вышедших — это так называемые метаметафористы. Я их высоко ценю, они создают поэзию другого уровня, у них хлебниковский уровень метафоричности.

И в прозе уже что-то появляется — скажем, «новая женская проза». Так или иначе, что-то возникнет, когда более или менее устоится этот процесс, когда возникнет новая ироническая интонация. Наша прежняя ироническая интонация рухнула вместе с социализмом.

Летящий от России ветер¹

Старый Стокгольм. В России Петра его называли Стекольна. Не исключено, что кроме прямого созвучия роль в русификации городского имени играли и окна — большие стеклянные плоскости на фасадах дворцов и коммерческих зданий, отражающиеся в водах каналов. Русских в те времена очень увлекало стекло, широко распространенное в Европе, но в России еще считавшееся редкостью.

При Петре в Стекольный было послано немало дворянских и купецких сынов — на учебу. Двое из них дефектнули, то есть стали невозвращенцами и написали дневник, в котором объясняли причину отказа от Родины. Есть там ссылка и на стекло: вот, мол, окна — широкие, чистые, все сквозь них видать. Тоже, в общем, современное желание — «все сквозь видать», не правда ли?

Рядом с гармоничной готикой старого русского города поражает размерами и прямоугольными линиями королевский дворец — противоестественная смесь французских и прусских влияний. Офицеры с саблями

¹ «Голос Америки», сентябрь 1989 г. Авторское название.

и в бронзовых шлемах с шишаком производят смену караулов гвардейцев, облаченных в униформу сродни той, что носила американская военная полиция времен Нюрнбергского процесса — белые каски, белые гетры и портупей. Гвардейцы стоят не шелохнувшись, держа на груди мощные полуавтоматы. Иной раз можно видеть, как группка подвыпивших подростков подходит к ним вплотную и начинает задирать. Гвардейцы невозмутимы.

Вооруженные силы этой страны — постоянный объект насмешек со стороны интеллигенции. Одни поэт рассказывал, как он проходил службу во время Карибского кризиса. Как и во Франции, все молодые люди тут обязаны отслужить, но еще меньше, чем во Франции, — не девять месяцев, а полгода. Когда разразился кризис, кадровые военные пришли в радостное возбуждение: ну вот, наконец-то, настоящее дело приближается, повоюем! Поэт возмутился, стал шумно протестовать. В результате его до срока выбросили из армии.

Медленный северный закат соединяет Стокгольм со всей Прибалтикой. Небо Хельсинки, Таллина и Риги распространяется к западу до Копенгагена и Орхуса. В центре Стокгольма швартуются большие паромы и круизные лайнеры. Почему бы в наши времена не восстановить средневековый Ганзейский союз и не включить в него Питер и Новгород? Неплохое было бы подспорье для перестройки!

Я сижу на набережной в китайском ресторане и ем жареную лапшу с креветками. Рядом шумно заседает большая компания молодых актеров. Вдруг все они с аплодисментами поворачиваются к входу. К ним — очевидно, после довольно продолжительного отсутствия — присоединяются члены труппы. Он — высокий норди-

ческий красавец с прямыми волосами, она — такая же высокая и стройная эфиопка, черная, как невиданные здесь южные ночи. В руках у нее только что появившийся на свет божий (может быть, просто вчера прибывший) бэби. В Швеции мужья рожают вместе с женами, то есть присутствуют от начала и до конца при рождении ребенка. У моего гостеприимного хозяина Питера Кормэна жена на последнем месяце. «Мы можем начать рожать каждую минуту!» — говорит он.

В Стокгольме я сразу погружаюсь в международную писательскую жизнь, от которой в последнее время из-за университетских дел отошел довольно далеко. В первый же день — обед Пен-клуба в честь японской делегации. Вокруг дюжины две писателей, дамы в приличных платьях, мужчины в костюмах, а я как был в кожаночке, так и хожу, поскольку багаж все еще где-то странствует. Пришлось объяснять всем присутствующим: пожалуйста, не думайте, господа, что у меня нет костюменции — есть что-то в этом роде, только вот багаж не доставили. Один японский писатель, пожимая мне руку, сказал:

— У вас фамилия такая же, как у одного романиста, Василия Аксенова.

— Да это я и есть, — обрадовался, я, — только вот багаж у меня пропал, и потому — без костюмчика.

На следующий день багаж пришел, и я уже с большим достоинством направился на встречу с турецкими писателями, один из которых, человек в прекрасном белом костюме, господин Узлу, оказался таким же, как я, высланным и разжалованным из турецкого гражданства. Я им сказал, что знавал еще Назыма Хикмета, что произвело на них более-менее приятное впечатление. А другой писатель, турецкий парижанин, он же шведский крымчанин, чудесный старый энтузиаст Лусфи, сказал,

что встречал Хикмета в Париже в составе советской делегации: «Я сфотографировал его и на следующий день подарил ему карточку. Хикмет осторожно оглянулся по сторонам и быстро спрятал карточку в карман».

Еще через день по приглашению директора Андреаса Рибберга я отправился познакомиться с библиотекой Нобелевского комитета. На всех современных писателей, милостивые государи, там собираются досье для того, чтобы не попасть впросак, если тот или другой вдруг окажется лауреатом. В том же здании, как оказалось, находится и зал, где происходит вручение наград. Андреас реостатом даже включил люстры. Я представил себе Бродского, шествующего во фраке по этому залу, и постарался сохранить серьезное выражение лица. Кажется, удалось.

Раз уж зашла речь о классике, пусть и сомнительного калибра, перенесемся через неширокую бухту в национальный Музей искусств. Там ожидались Рембрандт, Кранах и несколько залов бесценных русских икон, и там все это было, но наибольшее впечатление на меня произвели те, кто по невежеству не ожидался, — шведские портретисты XVIII века. Свежести красок на этих двухсотпятидесятилетних работах, свежести и милости изображенных лиц, тончайшей выработке всех деталей одежды, и прежде всего бархатных камзолов, можно было изумиться. Какой бархат производили тогда, господа, нынче уж не производят такого бархата! И как его умели изображать маслом на холстах, нынче уж так не умеют!

В одном из залов национального искусства я остановился у длинного, во всю высоту стены, портрета молодого человека в полный рост. Он был тоже облачен во французский бархат, но на бедре у него висела

длиннейшая шпага. Узкоплечий и длиннорукий, он, должно быть, обладал сокрушающим ударом. В лице у него тоже было что-то от шпаги — металлический свет в глазах. Это был последний скандинавский викинг, король-авантюрист, столь сильно насаливший тогдашним российским перестройщикам, — Его Величество Карл Двенадцатый¹.

Потоптавшись перед портретом Карла Двенадцатого в национальной галерее, я не мог, конечно, не вспомнить как пушкинской, так и реальной, то есть украинской, Полтавы, тем более что в этом году веду семинар «Гоголиана», посвященный полтавскому гражданину Николаю Васильевичу Гоголю-Яновскому.

Согласно книге Игоря Золотусского², в гоголевские времена в Полтаве очень живо еще сохранялась память о побоище, в котором сии птенцы гнезда Петрова расклевали шведского орла. В наши времена память о тех радостных боях стала — увы! — слабеть. Еще в застойный период шведская журналистка отправилась как-то в Полтаву с целью найти там какие-нибудь следы судьбоносной для северной страны южной битвы — не нашла ничего. «Какая там еще битва? — говорили полтавчане. — У нас вон мяса нет который год». Помня гоголевское описание Сорочинской ярмарки, усомнившись шведка зашла в мясной отдел главного гастронома. Там кое-что все-таки было, а именно — копыта, большой завал почерневших от разных причин копыт. «Может быть, это как раз и были последние следы Полтавской битвы?» — предположил кто-то из коварных молодых литераторов застойного периода.

¹ Противостоял Петру I во время Полтавской битвы.

² Золотусский Игорь Петрович (р. 1930) — литературовед, писатель.

На четвертый день пребывания в трехкоронном королевстве я отправился на остров Готланд. Остров этот давно уж меня интриговал. В семидесятых несколько летних сезонов подряд я провел на Куршской косе, в Ниде. Часто, сидя на дюнах и глядя на польхающее под солнцем море, мы говорили друг другу одно и то же: «Вот, отсюда по прямой, на север, через каких-нибудь сто километров, будет остров Готланд. Он принадлежит не нам, а Швеции». Все прекрасно уже знали это, но никто не возражал против повторения: вот, подумайте, мол, какая досада — какой-то остров в ста километрах, а принадлежит не нам, вот ведь как получается!

Словом, за все годы после выдворения я не приближался еще так основательно к границам одной шестой части земной суши. Идея поехать на Готланд этим летом принадлежала, собственно, не мне, а моему коллеге по университету, профессору социологии Тому Бернсу, который проводит там летнее время со своей шведской женой и полушведской дочерью. Он-то и сагитировал меня, жену Майю и нашего щенка Ушика сбежать на несколько недель из вашингтонской парилки на Готланд. Вдруг вся идея оказалась под угрозой. Оказалось, что Швеция при всей ее демократии, либеральной по отношению к эмиграции и политике, свирепо ограничивает въезд собак. Каждый иностранный четвероногий друг обязан здесь пройти четырехмесячный карантин. Даже кино-звезду Лайзу Миннелли завернули назад с ее собачонкой, что вызвало брожение умов среди собаководов по обеим сторонам Атлантики. Пришлось проявить умеренный эгоизм — оставить основную часть семьи (то есть жену и Ушика) в Париже и отправиться на Готланд одному.

И вот я на Готланде. Встретили меня старые московские друзья — Ингрид и Ханс Бьоркигрэн, который в

отдаленные времена перевел на шведский мою «Затоваренную бочкотару». Мы не виделись шестнадцать лет, а потому первый вопрос был характерен для людей нашего возраста: «Ну что, еще можно узнать?» Так как мы уже узнали друг друга, вопрос можно было понимать как напрашивание на комплимент.

Оказалось, что остров Готланд — это излюбленное место отдыха шведского творческого народа (писателей, художников, музыкантов, киношников), своего рода огромный шведский Коктебель. Говорю «огромный», потому что меня удивили размеры и негустая заселенность этого до чрезвычайности плоского и зеленого, с отдельными только по краям вспученностями скальных пород, острова. То тут, то там торчит среди полей или мерцает сквозь хвою хутор — это обязательно приют какого-нибудь работника изящных искусств. Так можно ненароком натолкнуться и на режиссера Ингмара Бергмана, и на писателя Лундквиста¹, или на композитора Гунара Бухта. Лет двадцать назад художники стали покупать здесь по дешевке заброшенные хутора — теперь они, как и вся мировая недвижимость, за исключением тюрем Китайской Народной Республики, резко поднялись в цене.

Своеобразным культовым местом для творческой интеллигенции стал на Готланде мыс с прилегающей к нему равниной, где Андрей Тарковский снимал свою последнюю картину «Жертвоприношение». В первый же день мы поехали туда с Хансом и Ингрид. Ничего уже здесь не осталось, в этом заповедном месте, от съемок; дом, специально построенный для «Жертвоприношения», как и полагается жертвоприношению, сгорел

¹ Лундквист Артур (1906—1991) — шведский писатель, поэт.

дотла. Обширная желтая и почему-то напоминающая африканскую саванну (может быть, из-за разбросанных зонтикообразных можжевельников) равнина лежала перед нами. За ней начинался мыс, облюбованный морскими птицами. На прибрежном холме стояла единственная существенная вертикальность этого места — башня маяка. Семья, обитающая здесь, охотно рассказывает, как работал русский режиссер-беженец. Однажды (не помню, по какому делу) Андрей позвонил мне откуда в Вашингтон. «Звоню с острова, — сказал он. — Нашел место, отвечающее моему внутреннему состоянию». Бродя вдоль отмелей, где слышались только крики птиц и подвывание летящего от России ветра, я вспоминал эти слова, и мне казалось, что я теперь лучше понимаю, почему он избрал именно это место, чтобы отыграть свой последний концерт.

Готланд известен своими древними, почти не посещаемыми, но тщательно поддерживаемыми церквями, в которых сейчас, под слоями краски, находят рунические письмена и первые из всех известных изображения викингов. Именно этот остров, очевидно, и был началом пути из варяг в греки.

Нынче почти ничто не напоминает времена древних викингов.

Подводные лодки неопределенной державы в последнее время перестали блуждать по окрестностям. Лишь иногда что-то мелькнет, но чаще всего это оказывается не подводная лодка, а всего лишь тень подводной лодки. «Таллин вскоре может стать Гонконгом Балтийского моря», — говорят островитяне.

Воспоминания о выборах¹

Не только советская, но и вообще российская история (если не вспомнить новгородское вече) не способствовала накоплению выборного опыта. Помню, когда я работал над романом «Любовь к электричеству», посвященном революции 1905 года, и вникал в доступные архивные документы, пришлось мне натолкнуться в одной газете на описание первых после царского манифеста выборов в многопартийную Государственную думу. Группа крестьян пришла на избирательный участок и спрашивает учетчиков: «А за кого нам голосовать, господа хорошие?» Учетчики терпеливо стали им объяснять, что в том-то все и дело, что именно сами они должны решить, за кого голосовать, без подсказки. Вот списки кандидатов, вот программы разных партий, которые они представляют: конституционалисты-демократы, трудовики, социал-революционеры, социал-демократы, а вы сами должны решать, кто вам больше по душе. «Э, нет! — сказали крестьяне. — Это уж вы, будьте любезны, скажите нам, за кого голосовать. Это ваше дело — нам говорить, раз вы здесь посажены».

¹ «Голос Америки», апрель 1989 г. Авторское название.

С тех пор прошло 84 года, и нынешнее население России, конечно, существенно отличается от тех наивных неграмотных крестьян. И отличается оно не только образованностью, а также тем, что за плечами тех не было никакого опыта, а за плечами у этих — опыт огромного обмана. Кто, кроме совсем еще зеленых юношей, может так запросто избавиться от воспоминаний о медоточивых так называемых «всенародных праздниках», как называла пресса безвыборные выборы кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Обязательные ветераны, занимающие затемно очереди на избирательные участки, чтобы раньше всех и с наибольшим трепетом выполнить свой гражданский долг. Сонмы агитаторов, рыщущих по квартирам в поисках лежебок и непроспавшихся товарищей, чтобы раньше других участков выполнить свои положенные 99,99 процента. Проголосовавшие граждане, наконец-то с подлинным энтузиазмом осаждающие праздничные буфеты, куда чего-то по этому случаю подбросили. Танцы в фойе — шерочка с машерочкой. Духовые оркестры с их космическими маршами... О, эта неизбывная бездна унижений!

В последний раз я принимал в этом позорище участие (подлинное участие, то есть не запятнанное сомнениями) еще в средней школе города Магадана, по соседству с колючей проволокой и сторожевыми вышками. Ничто не смущало юные сердца: выборы как выборы, такими и должны быть выборы — какими же еще? Потом уже всякий раз старался сачкануть: то просил ребят из общежития бросить за меня бюллетень, а то и самих агитаторов — ну что, мол, вам трудно, что ли, галочку поставить?

В 1956 году вдруг вспыхнуло в ленинградской молодой компании: «Да что они нас за имбецилов, что ли,

считают? Оставьте, говорят, одного кандидата и зачеркните остальных. А остальных-то и нет, в списке только один. Что это за дичь, что это за абсурд?!» С тех пор я перестал вообще являться на избирательные участки, что, впрочем, не означает, что мой голос не входил в славные 99,99 — агитаторы наверняка бросали в урны бюллетени за всех неявившихся.

Однажды, впрочем, я сопровождал одного приятеля, знаменитого актера, на избирательный участок в гостинице, где мы оба стояли. Взяв бюллетень, кинозвезда уединился в кабинке, самый вход в которую считался признаком дурного тона. Он долго там сидел в странной задумчивости, пока не услышал шипящий голос агитатора: «Что вы там так долго делаете?» — «Думаю», — вздохнул в ответ актер и вышел наружу, где заявил, что ему попался неправильный бюллетень. «Судите сами, — сказал он учетчикам. — Здесь сказано: «Оставьте одного, зачеркните остальных». А в наличии только один! Как это понять-то?» Воцарилось замешательство — актер был известен всем присутствовавшим. Миловидная учетчица, покраснев, прошептала: «Зачем вы нас мучаете? Ведь мы думаем так же, как вы».

Однажды, уже в конце семидесятых, пришлось мне беседовать с одним высокопоставленным депутатом Верховного Совета — даже, кажется, членом Президиума.

— Ну, скажите, — сказал я ему, — почему бы вам не выставлять хотя бы по два кандидата от одной партии на каждое место? Все-таки будет хоть какой-то выбор. Вообразите: один кандидат кудряв, а другой прихрамывает. Все-таки это даст публике хоть какой-то шанс проявить свои вкусы.

— Мы об этом думали, — сказал важный человек, — и пришли к выводу, что это нецелесообразно — а вдруг публика выберет плохого человека?

Все это, слава богу, уже почти позади, и хотя выборы по нынешней запутанной системе все еще напоминают выбор между кудрявым и прихрамывающим, все-таки это уже шаг к подлинным выборам. Даже если взрыв массовых симпатий к обиженному Ельцину был не совсем спонтанным и являлся чем-то вроде управляемого эксперимента, это все же был эксперимент в правильном направлении.

Комментатор телевизионной компании Эн-би-си Джон Челсуорт, говоря о выборах, сказал: «Советский народ наглядно показал мне, что он не является толпой легко контролируемых невежд. Он является собранием хорошо образованных и жаждущих демократии личностей».

Остров Личность¹

Написав заголовок данного эссе и вспомнив заголовок одного из предыдущих — «Остров Природа», я подумал, что я что-то становлюсь докой по островам. Должен признаться, что издавна (может быть, с детства) питаю слабость к частям суши, окруженным водой. Может быть, это началось еще со староказанского школьного филателизма, когда марки дальних островов нас всех, послевоенных подростков, приводили в порядочный экстаз?

Оторвавшись же в солидном возрасте от одной шестой части земной суши, я стал себе позволять коллекционирование своего собственного архипелага, то есть путешествия по островам. Набралось уже немало за годы западной жизни: Оаху, Мауи, Корсика, Майорка, Корфу, Крит, Санторин, Микенас, Сан-Мартен, Родос, Зеландия, Готланд, Порто-Рико... А прошлой зимой высадился на Гваделупе, за марку которой, помнится, дрался с таким же, как я сам, казанским островитянином. И все-таки самым главным из всех этих частей суши оказался тот, который частично сам и изобрел, — остров Крым.

¹ «Свобода», июнь 1992 г. Авторское название.

Изобретая его, то есть пища в конце семидесятых годов роман под этим названием, я меньше всего думал, что это фантастическое понятие станет через двенадцать лет политической актуальностью. Не проходит и недели без иронического или полуиронического, полусерьезного или вполне серьезного упоминания острова Крыма в печати. Американские газеты не устают подчеркивать, что Крым — это не остров, а полуостров. Но в то же время телевизионная программа «Взгляд» называет свое специальное двухчасовое шоу «Остров Крым», выпускает к рампе автора и завершает так, как я когда-то хотел начать свой несостоявшийся голливудский фильм — демонстрацией карты, на которой Крым отделяется от материка и отплывает к середине Черного моря.

Не далее же чем вчера, открыв на сон грядущий газету «Новое русское слово», я увидел огромную, на всю полосу, статью под тем же названием — «Остров Крым», в которой автор анализирует украинско-русский спор вокруг Крыма и вокруг флота, а в конце концов, опять же полуиронически-полусерьезно, предлагает согнать на Перекоп побольше бульдозеров и отделить полуостров от материка, то есть привести Крым к подлинному, си-речь литературному, знаменателю. Эта статья, собственно говоря, и побудила меня утром взяться за перо или, говоря современным языком, ударить по клавишам. Надо все-таки постараться хоть частично разобраться во всем нынешнем сумбуре вместо музыки, который гремит сейчас над Крымом. «Хоть ты и не политик, — сказал я сам себе, — но попробуй все же прикинуть, что к чему. Ведь в романе все-таки тоже была довольно сложная ситуация».

Как-то раз в вашингтонском центре Кеннеди в перерыве концерта Ростроповича и композитора Вячеслава Артемова ко мне подошел человек и спросил: «Ну, что будем делать с Крымом?» — «Оставьте его в покое! — я почему-то сразу заволновался. — Лучшее, что мы можем сделать для Крыма, это оставить его в покое!» Только потом я сообразил, что со мной говорит американский украинец и что ему хочется поспорить о приоритете.

Совершенно не собираясь спорить, я начал спорить. Мой собеседник с горячностью, быть может, даже излишней для убежденного человека, утверждал, что Крым — это исконно украинская земля и что флот должен отойти к Украине, поскольку Украина испокон веков дружила с морем, воевала моря и заморские земли, прибила щит на ворота Царьграда, ну а что касается Гангутской битвы, то ее выиграли запорожские казаки. В конце концов он пошел на некоторые уступки и сказал, что готов удовлетвориться тридцатью пятью процентами черноморского флота. «Черт побери, почему же все-таки тридцатью пятью процентами? — возмутился я. — Что вам, недостаточно просто тридцати процентов?! Почему еще пять?» Тут прозвучал третий звонок, и мы разошлись, каждый со своими пятью процентами эсминцев и подводных лодок. К счастью, заиграл оркестр и утихомирил атональными гармониями взбаламученное околокрымское пространство.

Вспоминая потом этот курьезный спор, я поймал себя на том, что проявил себя в нем довольно шовинистически. Это меня поразило. Даже уж и я, космополит, перекаати-поле, оказался защитником российских ценностей и даже носителем некоторой исторической

имперской горделивости. Чего же ждать от людей, что поколениями живут на этих берегах, плавают на этих кораблях, говорят и читают на этом языке и вот сейчас оказываются перед угрозой таких колоссальных изменений во всем своем укладе?

Флот еще можно разделить, но не нужно растаскивать по кускам историю. Пресловутые эти щиты на воротах Царьграда, кажись, вместе прибывали Олеговой дружиной или какой-либо другой все эти поляне, ильмене, радимичи, кривичи... Да и Олег-то сам, первый Киевский князь, княжил сперва в Новгороде, а потом в Киеве. Другое дело, что украинская культура, конечно, ближе к Киевской Руси, чем российская, как и украинский язык очевидно ближе к говору той дружины, чем московская скороговорка. Совершенно очевидно также, что запорожские десантники участвовали в битве при Гангуте, да и вообще куда нам деться без этих запорожцев, не переписывать же акрилом парсуну Репина?

Я очень рад, что Украина наконец стала независимым государством. Великолепно быть свидетелем того, как восстанавливается подавлявшаяся столько веков уникальность. Молюсь Богу, свечки ставлю, чтобы никогда русский и украинец не стали друг другу глотки рвать ни за Крым, ни за флот, чтобы не повторилась югославская вакханалия. Единственная сфера, в которой двум славянским государствам следует соревноваться, это развитие демократии и цивилизованности. В этом контексте крымская проблема, мне кажется, может быть решена безболезненно. Не нужно цепляться за стереотипы, можно найти устраивающую все три стороны новую формулу крымской ограниченной государственности. Ну предположим, пусть это называется

Независимая Республика Крым под эгидой Украины и России.

При современной технологии превращение полуострова в остров выглядит вполне реально. Прошлым летом в Крыму не раз мне приходилось слышать от местных жителей, что, мол, неплохо было бы отделиться от северян, как это в книжке написано. Собеседники мои, разумеется, не догадывались, что говорят как раз с автором той книжки.

Вообразим теперь, что три дружественных страны — Россия, Украина и Крым — объединенными усилиями создают миловидный, шириной метров двести, канал, соединяющий Каркинитский залив Черного моря с Сивашским заливом и Геническим проливом Азовского моря. При всей как бы вздорной, сугубо беллетристической подоплеке этого проекта он, как ни странно, предлагает большие практические выгоды по части грузового судоходства. Путь из Одессы в Ильичевск и до Таганрога и Мариуполя сокращается едва ли не в пять раз! Таким образом, разъединяющая сепаратистская идея внезапно превращается в идею объединяющую, интернациональную.

Тем не менее идея канала остается сепаратистской, ибо она удовлетворяет островную психологию крымчан, в существовании которой я не сомневаюсь ни минуты. В общем и целом островная ментальность — это то, что сейчас доминирует (уж не говоря о Крыме) на всей территории бывшего советского монолита. Даже уж и сугубо материковые и сугубо русские, то есть без этнических претензий, регионы вроде, скажем, Ярославля нет-нет да и высказывают идеи сепаратного существования.

Осмелюсь высказать парадоксальную идею, что в стихийном и всеобъемлющем сепаратизме может быть

больше конструктивного, чем деструктивного начала. Коммунистический монолит подавлял в людях чувство своего дома. Недаром тогда пели: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз». Нынешняя эпоха хорошо характеризуется высвобождением личности из тенет так называемого коллектива. Личность становится своего рода островом, и в то же время различные территориальные и этнические единицы на волне этого всеобщего освобождения стараются обрести лица необщее выражение, то есть тоже стать как бы личностями, островами.

Сепаратизм не обязательно означает враждебность. Он может знаменовать рождение нового мира личностей, соединенных здравым смыслом, историей, стремлением к свободе и взаимоуважением. Такие грандиозные процессы на такой грандиозной территории, разумеется, безболезненно не проходят, но все-таки всякий раз людей доброй воли не оставляет надежда, что удастся прервать порочный круг слепого националистического ража, когда только что обретшие независимость страны начинают немедленно давить свои собственные меньшинства. А ведь добровольное неподдаваемое разъединение вызовет к жизни беспрецедентное чувство доверия, на базе которого в будущем будет создаваться уже какое-то иное, нестереотипное, благотворное и творческое объединение.

В этой связи некая геополитическая данность, именуемая Независимой Республикой Крым под эгидой Украины и России, может преподать на своих 25 000 квадратных километрах урок подлинной доброй воли всем своим соседям, и в первую очередь — тираническому Ираку. Страна, само существование которой станет возможным только благодаря доброй воле

стран-покровителей, должна изнутри у себя проявлять добрую волю по отношению к тем группам, которые захотят выразить свое право на свой собственный остров внутри острова. Крымско-татарскому народу, например, должны быть предоставлены все права для его развития и территориального устройства вокруг исторической столицы — Бахчисарая. Долг русского и украинского населения острова должен состоять в том, чтобы всеми мерами загладить психологическую травму, нанесенную татарам коммунистическими правителями. Крымско-татарский язык должен стать равным рядом с двумя другими государственными языками республики. Полнейшее уважение должно оказываться меджлису, который мог бы полным составом войти в законодательное собрание страны. Можно без труда представить, какой огромный вклад внесет талантливый татарин в микро- и макрокультуру новой страны и как он будет способствовать ее связям с мусульманскими странами Средиземноморья.

Средиземноморье — это одно из важнейших направлений Крыма. При сохранении эгиды северных славянских стран Крым, конечно, будет стремиться к тому, чтобы стать частью Средиземноморья, чтобы открыться не только к Северу, но и к Югу, к такой ситуации, когда для того, чтобы прилететь из Афин в Севастополь, не надо было бы пользоваться Шереметьевским аэропортом.

Мы уже не удивляемся, когда рушатся надежды, когда на месте неких хлипких гармоний вдруг воцаряется воющий хаос. Однако наше время настолько парадоксально, что нам никто не мешает вообразить, как остров Крым из камня преткновения вдруг превращается в дружеский стол для всех населяющих его и живущих поблизости народов.

Когда я писал роман «Остров Крым», я старался отгонять любые сюрреалистические соблазны. Сама романная ситуация была настолько сюрреалистической, что для противовеса требовалась традиционная вымышленная реальность. Сейчас, фантазируя на тему, каким мог бы быть свободный Крым, я ловлю себя на том, что пытаюсь создать очередную утопию. Дело, однако, в том, что у этой утопии, похоже, нет альтернативы. Призрак антиутопии настолько страшен, что не помещается в роман.

Человеческий фактор¹

Самое удивительное, что я нахожу для себя как для писателя в антибольшевистской революции, — это ее человеческий фактор, все эти бесконечные комбинации старой фразеологии и новой ментальности и, наоборот, новой фразеологии и старой ментальности.

«Есть мнение, товарищи!» — так звучала ритуальная фраза, подводящая черту в совещаниях партийных бюро и Советов по всей территории бывшего Советского Союза. «Есть мнение, товарищи!» Этой фразой Леонид Ильич Брежнев обычно завершал заседания Политбюро. Этой же фразой подводили черту и секретарь обкома, и директор завода, и командир корабля. «Есть мнение» увеличить промышленную продукцию, или наказать диссидента, или улучшить марксистско-ленинское обучение масс, или бросить вызов империалистам в Африке. «Есть мнение» было неотъемлемой частью коммунистической фразеологии.

Борис Николаевич Ельцин незадолго до вступления на пост Президента России сказал группе своих друзей, среди которых были и мои друзья: «Есть мне-

¹ «Свобода», май 1992 г. Авторское название.

ние, чтобы я произнес клятву, держа руку на Библии. Лично мне эта идея нравится, однако боюсь, это будет немного преждевременно». Клятву он произносил, держа руку на сердце, в то время как спорный объект, то есть святая Библия, скромно лежал на столе прямо перед ним.

В этом эпизоде, мне кажется, отразился поразительный парадокс нашего времени: старая фразеология и ошеломляющее новое содержание, или наоборот — очень старое содержание и сравнительно новая, но уже стгнившая фразеология.

Развал коммунистического мира дал нам примеры высшей драмы, продемонстрировал немислимые повороты человеческих судеб. История отобрала совершенно неожиданных индивидуумов для того, чтобы возглавить процесс: Лех Валенса, Вацлав Гавел и, наконец, Борис Ельцин. И все-таки очень строгая логика может быть найдена в этих вроде бы случайных отборах — логика разрушающейся утопической мифологии.

Валенса был истинным представителем рабочего класса, восставшего против своей столь широко заявленной диктатуры. Гавел оказался воплощением сопротивляющихся художников и интеллектуалов, то есть той группы людей, которую даже не уважили словом «класс», именуя «прослойкой», символом тех людей, чье упорство всегда недооценивалось владыками. Что же касается Бориса Ельцина, то он поднялся к своей нынешней славной позиции из смрадных пучин высшей партийной иерархии, представляя таким образом окончательную коррозию утопического мира — восстание самих владык против своего владычества.

Лица этих трех людей, их походки, жесты, внутренняя артикуляция все еще говорят об их прошлом,

и в то же время они принадлежат новому миру. Нынче многие внутри бывшего Советского Союза и за его пределами выражают свое неудовлетворение тем, что в составе нового правительства можно увидеть немало представителей старых бюрократических структур. Одну минуточку! А как могло быть иначе в процессе исторически беспрецедентного переворота, едва ли не тектонического сдвига, переворота, происшедшего фактически бескровным путем, продемонстрировавшего в высшей степени фантастический, может быть, даже мистический рисунок истинной духовной эволюции?

Всю нашу жизнь, если мы когда-нибудь мечтали о крушении коммунизма, всегда подразумевалось, что он никогда не сдаст своих позиций без ужасающей борьбы, страшного количества жертв, выжженных городов и тому подобного. И вдруг странные невысказанные мечты нашего поколения осуществились. Прошел идиотский путч, этот их «последний и решительный бой», коммунистическая партия развалилась, унеся с собой всего лишь три жизни, жизни молодых героев, но всего лишь три! Россия провиденциально получила шанс решить свою самую страшную проблему мирным путем, как будто Провидение решило: хватит с них.

Компартия пожрала сама себя изнутри. Прежде всего она переросла все логические пропорции. Для того чтобы действовать соответственно, коммунистические и фашистские партии должны знать свои численные пределы. Они должны соответствовать слову «фацеста», что означает плотно связанный пучок гибких и хлестких веток. Восхваляя партию, Владимир Маяковский однажды прогремел: «Партия — рука миллионопалая, сжатая в один громящий кулак». Миллион пальцев —

это, возможно, и был предел. Имея 25 миллионов пальцев, то есть 10 процентов всего населения, партия волей-неволей превратилась во множество рук, хапающих во всех направлениях, то есть своего рода клуб карьеристов. Фацеста на деле приняла черты банного веника.

Никакой существенной карьеры нельзя было сделать без партбилета. Как сказал когда-то другой поэт революции, Евтушенко: «Партбилеты ведут пароходы, партбилеты ведут поезда».

Однажды вскоре после того, как я был принят в члены Союза писателей, мне предложили следующее «продвижение по службе» — членство в партии. Я вежливо отверг это предложение, сказав, что я не подхожу для этой чести, поскольку не атеист. «Поскольку не... кто?» — важная персона, предложившая свои рекомендации, была озадачена. «Поскольку не... кто?» — «Но ведь научный коммунизм — это одно из главных требований для вступления в партию, не так ли?» — спросил я. На меня посмотрели как на безумца — о чем этот молодой дурак говорит?

Так или иначе, следует признать, что всякий, кто хотел карабкаться вверх по лестнице, то есть самая активная часть населения, должен был обзавестись партбилетами. Одни это делали с полным цинизмом, другие воспринимали как должное. Существовала горсть диссидентов, открыто бросавших вызов системе, существовали вокруг миллионы и миллионы членов партии, и их сердца год за годом пропитывались недовольством, разочарованием, горечью, отчаянием. Семена уникальной революции предположительных владык против собственного владычества были посеяны и возвращены именно в этих сердцах. Вот почему

они так легко, даже с чувством великого освобождения отдавали свои партбилеты, избавляясь от фальши, отравлявшей их жизни. Как может страна обойтись без этих миллионов, без всех этих худруков, редакторов, капитанов, ученых, инженеров, майоров и полковников? Имя им легион. Поколение, свободное от той фальши, еще не подросло.

Огромнейшее благо для страны, может быть, состоит в том, что народ не хочет посчитаться с коммунистами. Тот простой факт, что большинство населения было коммунистами и их родственниками, спасло великую нацию от кровавой мстительности, придало новой русской революции ее уникальный самоосвободительный характер. У каждого было чувство вины, сознательное или подсознательное, и это принесло пользу.

Говоря о смещении новой ментальности и старой фразеологии и наоборот, не перестаю удивляться на Михаила Сергеевича Горбачева. Ну что его заставило в его фултонской речи прибегать к заезженной коммунистической дезинформации? Запад, оказывается, сам опустил железный занавес после Второй мировой войны! Он же, неверный лживый Запад, начал холодную войну, навязал трепещущему Сталину гонку вооружений... Куда же пропали тогда наглый захват Восточной Европы, блокада Берлина, нападение на Южную Корею, подрывные работы по всему миру? Неужели это всерьез? Неужели человек, больше всех сделавший для развала коммунизма, все еще обижается на Запад за то, что тот противостоял большевистскому нахрапу? А если не всерьез, то на кого это рассчитано, кому адресовано?

Со странной логикой этих горбачевских утверждений мне уже приходилось сталкиваться в статье Евту-

шенко, где он говорил, что Запад, обостряя международную ситуацию, способствовал идеологической реакции внутри Советского Союза.

Нельзя не заметить некоторых тревожных сигналов и чувства горечи, поступающих сейчас из бывшего Советского Союза. Говорят, что все те же коммунистические деятели становятся все более заметными в новых демократических структурах. Прежние красные лизоблюды перекрашиваются в три цвета. Они перетряхивают свой привычный словарь, чтобы казаться демократами, а на деле всеми силами пытаются восстановить систему привилегий и вездесущность ГБ.

На подхалимов всегда был большой спрос в России, и в этой области предложение никогда не отставало от спроса. Надо отдать должное ельцинскому правительству за то, что оно при всех сбоях все-таки продолжает отбирать для своих рангов людей нового мышления, да и просто нового поколения. Москва до сих пор является непререкаемым чемпионом демократии среди других правительств Содружества, и это, на мой взгляд, является решающим фактором в выходе из кризиса. И все-таки даже у этого правительства нет гарантий против проникновения циничных аппаратчиков или национал-фашистов под различными масками и соусами мимикрии. «Кадры решают все!» — сказал товарищ Сталин, и в этом был прав лингвист. Все должно учитываться в деле отбора кадров: интеллект, опыт, прошлая деятельность, но прежде всего — моральные стандарты. В том смысле, что удалось ли человеку (и в какой степени удалось) сохранить некоторые извечные ценности, не вызывает ли отвращения.

Политика в любой стране — далеко не безукоризненный бизнес. Россия после 74 лет самой аморальной

власти, естественно, переживает нехватку старых ценностей. При этих обстоятельствах, мне кажется, люди должны открыто обсуждать уровень моральных стандартов, уровень честности, как и уровень бесчестия, уровень ценностей, которые тому или иному человеку удалось сберечь или пришлось предать.

Немалую роль в этой шкале играют весьма простые вещи, ну, например, то, что американцы называют «тайминг». Можно вспомнить, например, когда один президент бросил вызов КПСС и покинул ее стальные ряды, и когда это сделал какой-нибудь другой президент. Новое поколение еще не скоро заменит тех, кто был до той или иной степени втянут в паутину сексотов КГБ или службу дезинформации, поэтому и степень этой втянутости должна учитываться. В России одни люди призывают к полному и всеобщему покаянию, другие предостерегают, что общество покаявшихся разобьется на враждующие лагеря, третьи благоразумно хранят молчание по данному вопросу.

Так или иначе, смешно и стыдно смотреть, как бывшие профессиональные агенты дезинформации рядятся теперь в демократические тоги и печатают свои мемуары в США. Ведь мы-то здесь помним, что они несли с американских экранов в первой половине 80-х. Тот, кто думает, что все забывается, не прав, никто не забыт и ничто не забыто. Речь, конечно, не идет ни о какой мстительности, но кто у нас отнимет право на брезгливость?

В стране со свободной прессой (а российская пресса сейчас, осмелюсь сказать, может быть, самая свободная в мире) все будет постепенно обнаружено, все в конечном счете будет сказано. Этот процесс уже идет. То и дело мы узнаем все больше постыдных фактов то о высших иерархах Православной церкви, то об иных лите-

ратурных знаменитостях, что работали за границей по ориентировке КГБ... Может быть, для некоторых людей и в самом деле было бы более продуктивно не ждать разоблачений, а раскаяться и постараться переоценить свою жизнь.

Я испытываю определенное уважение к большим шишкам прошлого, которые нашли в себе мужество отказать от него, то есть от прошлого, и приспособиться к быстро меняющимся условиям. Недавно, например, я натолкнулся на сообщение о бывшем главкоме Черноморского флота адмирале Хронопуло. После августовского путча его отправили в отставку, однако он не только не впал в отчаяние, но начал производство пива в своем родном Севастополе. Очевидно, он сказал сам себе: «Есть мнение, товарищи, что пивоваренное дело должно быть увеличено». Адмирал Хронопуло по происхождению грек. Кроме того, его имя имеет отношение к понятию времени: Хронос. Эти очевидные факты буквально швырнули меня к полке с гарвардскими классиками. Я открыл наобум аристофановских «Лягушек» и потом уже не мог оторвать глаз от следующих строк:

Очень часто нам казалось, что Афины горожан —
И хороших, и негодных — всех оценивают так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Граждан тех, кто, как известно, благородны и умны,
И воспитаны в Палестре, и сильны в искусстве муз —
Тех мы гоним, а других-то, медных, рыжих и чужих,
И худых из самых худших — всюду мы пускаем в ход.
Задержитесь же, безумцы, измените свой уклад,
В ход пускайте благородных — и дела пойдут на лад.
А постигнет неудача — верно, скажут мудрецы:
«Что ж, на дереве хорошем и повеситься не жаль!»

Злободневный писатель этот Аристофан!

Василий Аксёнов
на «Эхе Москвы»

В этот раздел входит восемь выступлений-интервью Василия Аксенова на радиостанции «Эхо Москвы». Первая датируется 10 августа 2000 года, последняя — 23 сентября 2007 года, за несколько месяцев до несчастья, случившегося с писателем 15 января 2008 года. Во время первых передач Аксенов еще не окончательно расстался с Америкой, хотя уже приобрел (в 2001 году) дом на атлантическом побережье Франции, в Биаррице. Но в каждый приезд в Москву, а они становились все более частыми, он старался включиться в общественную жизнь столицы, встретиться с читателями, поучаствовать в общественных мероприятиях, в уличных демократических маршах, в работе жюри фонда «Триумф» или в жюри «Русского Букера». С 2005 года Аксенов попеременно живет то в Москве, то в Биаррице, и его присутствие в культурной и общественной жизни Москвы становится постоянным, о чем свидетельствуют тексты последних из публикуемых здесь радиовыступлений.

«Эхо Москвы», 10 августа 2000 года

Ведущие: Майя Пешкова, Владимир Варфоломеев

<...>

В. Варфоломеев: Вот вы три месяца находитесь в Москве, оставили на некоторое время преподавательскую работу в одном из американских университетов. Но вот после тех событий, которые произошли в Москве 2 дня назад¹, не появилось такого резкого желания оставить эту сумасшедшую страну, где происходят чудовищные вещи, и вернуться обратно, в спокойную Америку? Может быть, наша страна, Россия, дошла сейчас до такого состояния, когда ничего сделать нельзя, вот просто разводишь руками и видишь, что изменить почти ничего невозможно. Наверное, и пытаться тогда не стоит? Лучше бросить все и, что называется, от греха подальше отсюда уехать.

В. Аксенов: Как раз наоборот. Это трагическое событие вызвало во мне желание каким угодно способом показать, что мы все-таки еще живы, все вместе — и

¹ Имеется в виду теракт в Москве в подземном переходе у станции метро «Пушкинская» 8 августа 2000 года.

русские, и американцы, и французы, и немцы, и израильтяне — все, кто стоит против этого тротилового безумия, чудовищного, античеловеческого терроризма, против этих исчадий ада. Особенно мне больно за Москву, и мне, наоборот, только хочется быть все время здесь, с москвичами. Я помню, как я улетел из Москвы 18 августа 1991 года и в Париже узнал на следующее утро, что в Москве произошел переворот. Я катался просто от отчаянья по полу в квартире — почему я так улетел, так случайно, в этот страшный момент? У меня не вызывает отторжения трагизм, который здесь разворачивается, и меня есть желание быть вместе со всеми.

В. Варфоломеев: Если вспоминать 1991 год, тогда москвичи выходили на улицы, строили баррикады, защищали тот дом, который, может быть, был для них символом последней надежды. Тогда была возможность что-то реально сделать, своими руками, своими телами. Сейчас ситуация, как мне кажется, иная.

М. Пешкова: И мы — другие.

В. Аксенов: Разумеется, мы другие, мы за это время хоть чего-то добились очень многого, хотя, в общем-то, масса непонятных вещей, шизофренических моментов в жизни общества. Но тем не менее мы добились очень многого за эти почти 10 лет развития.

М. Пешкова: А что вы считаете самым большим нашим завоеванием за последние годы?

В. Аксенов: Демократия, свобода, ощущение независимости появилось у очень многих людей. Хотя бы существование радиостанции «Эхо Москвы». Вообразите себе 15 лет назад существование такой радиостанции. Она не могла бы существовать ни в каких смыслах, может быть, только в виде передачи для детей. И многое другое. Границы стали открыты, люди путешествуют по

всему миру, видят, как живут другие. И как ни странно, вот я скажу сейчас вещь, которая, может быть, возмутит многих, мне кажется, люди стали лучше жить просто. Я проехал Россию по Волге до Астрахани и обратно до Петербурга, пароход останавливался в крошечных городишках, где я бывал раньше, в прежние времена. И я видел, что люди, несмотря на то, что они бедны, они все-таки живут лучше, чем при красных.

В. Варфоломеев: Вы перечислили некоторые достижения, которые приобрела наша страна за эти годы, но сейчас, судя по тому, что подписали вот это известное письмо группы общественных политических деятелей, вы считаете, что сейчас эти завоевания находятся под угрозой? Что Россия может все это потерять?

В. Аксенов: К сожалению, возникают иногда такие предположения. Не всегда, может быть, преждевременно сейчас говорить об этом, но раз возникают такие ощущения, не только у меня, как вы понимаете, а они базируются на том, что висит в воздухе. Но воздух еще не пахнет грозой, как пелось в песне знаменитой, но все-таки уже чем-то таким нехорошим потягивает, какой-то гарью. И лучше раньше начать бить тревогу, чем опоздать. Вот этим и вызвано это обращение. Но в принципе оно вызвано даже не таким моментом тактического свойства, и даже не стратегическим моментом, пожалуй, больше всего — историко-философским таким моментом. Это обращение мотивировано было долгими и очень серьезными дискуссиями между мною, другими подписавшими и Березовским, который, в общем, сдвинул дело в мертвой точки. И речь идет о возрождении российского либерализма. Либерализм у нас, к

сожалению, почти и не жил в этой стране. Он только возник в 1905 году в виде партии конституционалистов-демократов, труднопроизносимое название, она больше была известна как кадеты. Это была партия интеллигенции российской, партия очень, как говорят американцы, высокобровых людей, как Милюков, старший Набоков. Они предлагали верхам свою модель, которая единственная, на мой взгляд, и могла спасти Россию от приближающейся катастрофы 1917 года. Правительство отвергло эти инициативы, оно периодически сажало в Петропавловскую крепость старшего Набокова и других деятелей КД. Оно делало ставку на монархистов, на черную сотню. С другой стороны, оно не придавало значения только ультралевым большевикам, для того чтобы их скрутить в бараний рог. Ничего не получалось, все разваливалось. 30-летний террор — ведь революция началась не в 1917 году, а в 1881 году убийством Александра Второго. В течение 30 лет экстремисты терроризировали власти предрержащие. И в конце концов они были деморализованы, они уже ни черта не могли сделать.

В. Варфоломеев: А вы видите аналогии того, что сейчас происходит в России, и событий начала века?

В. Аксенов: Нет, я не вижу, но это может как-то вдруг вот так и покатиться. Если, предположим, не появится какая-то сдерживающая сила благоразумия, цивилизованных манер, желание вести диалог и с правительством, и с левыми, и с правыми, то есть быть на высоте вот этого исторического опыта. Возьмите, скажем, другой отрезок нашей истории — 20-е годы. Что произошло? Партия начала развивать новую экономическую политику при полном отсутствии граждан-

ских реформ. Они обещали нам — это будет всерьез и надолго, как Ленин сказал. Это получилось всего на семь лет, потому что не было никаких противовесов, ни одной оппозиционной газеты, ни одного возгласа против. Просто когда захотели, тогда и свернули весь этот джаз, весь этот карнавал. Мгновенно он исчез, и все покатило в коллективизацию, в ГУЛАГ, в террор 1937 года и прочее.

В. Варфоломеев: Но нынешняя попытка создать оппозицию, тем более конструктивную, в этой стране в ее новейшей истории, в общем-то, не первая. Слушатели спрашивают, о каком обращении идет речь? Напомню, это тот документ, который был опубликован накануне в «Известиях», называется «Обращение к обществу». Среди тех, кто его подписал, — наш сегодняшний гость, Березовский, Бодров, Говорухин, Лацис, Любимов, Меньшиков, Шабдурасулов, Яковлев. Вопрос, который поступил на наш пейджер, вопрос достаточно резкий: «Как вы могли связаться с Березовским, одно имя которого сразу дискредитирует ваше общественное движение!» — вы Бориса Абрамовича, насколько я знаю, сами знаете не первый день?

В. Аксенов: Да, я знаком с ним давно, по крайней мере семь лет. Он создал фонд «Триумф» в 1992 году, в самом тяжелом году постсоветского развития. И не преувеличу, если скажу, что этот фонд помог очень многим деятелям искусств выжить в том году. И это благодаря Березовскому. С 1992 года каждый год пять представителей разных форм искусства получают премии, существенные премии, которые увеличиваются. И это им дает возможность жить. С другой стороны, вообще

создается обстановка того, о чем мы и говорим, — либерализма, плюрализма. И я никогда не замечал, чтобы Борис Абрамович как-то диктовал свою волю. Он просто дает толчок. Мне кажется, что в обществе существует очень серьезное предубеждение против него, основанное на таких стереотипах укоренившихся — олигарх, олигархия, они ограбили, они нахапали и т.д. Это слишком упрощенный подход ко всему этому делу. Конечно, в начале всего этого развития, когда общество понятия не имело, что такое капитализм, как его развивать, бог знает что творилось, куча-мала какая-то. Никто не понимал, что такое налогообложение, и т.д. Все рвались вперед, ваучеры там, в общем, это была совершенно хаотическая жизнь. Сейчас это начинает более-менее входить в колею, приобретать солидность, серьезность, и что мы видим? Среди этих людей, которые за это время успели сделать значительное состояние, Борис Абрамович Березовский является наиболее ярким представителем благотворительности, скажем так, развития культуры. Это человек, который, на мой взгляд, очень часто бросает колоссальное количество своего времени, а у бизнесмена, вы знаете, час стоит очень больших денег, в общем-то.

В. Варфоломеев: Но вот сейчас речь идет о новом политическом проекте. Борис Березовский в политике либерал?

В. Аксенов: Не просто либерал, а либерал, я бы так сказал, именно такого конституционалистского толка. Мы все, кто об этом говорит, примерно стоим на позиции того, что можно было бы назвать таким парадоксальным термином «консервативный либерализм».

И в общем принцип такой — это движение не против Путина и не за Путина, не против кого-то и не за кого-то. У этого движения кроме тактических целей, о которых мы говорили только что, есть историко-философская цель — возрождение российского либерализма, возрождение цивилизованных методов политики, цивилизованных методов жизни. Среди наших дискуссий было даже предложение вообще озаглавить все движение одним словом «Цивилизация». Но это еще под вопросом.

В. Варфоломеев: Вот вы сказали о тех направлениях, о либерализме. Но может быть, вы не видите, долгое время проводите в США, что, наверное, общие настроения-то российского общества сейчас совсем иные и они идут в другую сторону. Совершенно противоположную, кстати.

В. Аксенов: Возможно, общие настроения, если проводить плебисцит, но мне кажется, очень большое количество политически активных граждан разделяют мнение людей, подписавших это обращение. И среди этих людей, заметьте, очень разные персоналии. Есть один из патриархов реформаторского движения как Яковлев, есть старый сочинитель как Аксенов, есть самый молодой, кумир нынешней публики Бодров-младший, «Брат», который там с пистолетом по экрану прогуливается.

В. Варфоломеев: Вот как раз его герой там совсем другой.

В. Аксенов: А на самом-то деле он очень интеллигентный парень, Сережа Бодров. Есть Меньшиков, Говорухин.

М. Пешкова: А женщин что-то не видно в вашем движении.

В. Аксенов: Женщины будут, это самое начало. Вот мы вас, Майя, приглашаем, присоединяйтесь!

М. Пешкова: Спасибо! Но у меня совершенно другой вопрос: не был, не состоял, не участвовал — так, наверное, можно сказать анкетно о вашем участии в разных партиях и общественных движениях. Для ваших читателей и для меня вы — тот автор, который буквально сидит в башне из слоновой кости, я имею в виду ваш вашингтонский дом, рядом с которым бегают зайцы. Вы сочиняете, преподаете. Как случилось, что вы — сочинитель, маэстро, вы классик прижизненный, и вдруг — общественное движение и вы в нем? Вот этого я не понимаю.

В. Аксенов: Если бы вы сказали, что я сижу в башне из слоновой кости в 1979 году ЦК КПСС, вам бы не поверили. Они вообще меня считали жутким таким политическим врагом. И тогда был своего рода манифест либерального консерватизма, называемый «Альманах Метрополь». Это была чисто литературная, но в тех условиях — абсолютно политическая акция.

М. Пешкова: То есть дух протеста сидит в вас?

В. Аксенов: Я для себя поставил так: я, как писатель, абсолютно независим, я — анархист, я могу куда угодно, куда меня понесет перо, туда я и поплыву, не обращая ни на кого внимания. Но как гражданин я считаю себя обязанным принимать участие в политической

жизни, хотя бы отчасти. Вот, например, в 1996 году никто меня не звал сюда, ни с кем я никаких договоров не заключал, а сам приехал, чтобы участвовать в борьбе против блока левых сил, против избрания Зюганова президентом. И никто меня совершенно не тянул, и, пользуясь своим доступом к телевидению и к радио, я все-таки бурно проводил именно эту политику. Что касается нынешнего обращения — я примкнул к нему, и играю в нем активную роль, и собираюсь играть все более активную, именно с этой позиции. Но кроме того, как ни странно, я могу вам признаться, в этом есть что-то для меня сродни романостроительству, своего рода «Остров Крым». Но это уже сугубо личное ощущение.

В. Варфоломеев: Кто главный герой в этом романе?

В. Аксенов: Главный герой — движение.

В. Варфоломеев: Не народ, который, как говорят иногда, безмолвствует?

В. Аксенов: Я должен сказать, народ от нашего движения не пострадает ни на йоту. Это уж абсолютно ясно с самого начала. А может быть, даже и выиграет что-то.

В. Варфоломеев: Вопрос от слушателя: «Как вступить в ваше движение? Дайте координаты какие-нибудь».

В. Аксенов: Это приятное очень послание. Вы знаете, дело в том, что это все еще находится в стадии самой начальной. И впоследствии, вероятно, через пару недель, появится более пространственный манифест с большим количеством подписей. И тогда будет ясно. Пока

что существует интернетовский сайт, если у вас есть доступ к Интернету, мы приглашаем вас зайти туда и заявить о своем желании присоединиться.

В. Варфоломеев: Кстати, среди сообщений на наш пейджер в течение беседы было все-таки больше сообщений критических, чем тех, кто поддерживает вас и это движение.

В. Аксенов: Я понимаю, мы к этому готовы.

В. Варфоломеев: Большое вам спасибо!

«Эхо Москвы», 23 января 2002 года

Ведущая: Нателла Болтынская

<...>

Н. Болтынская: Чем порадуете нас сегодня? Хотелось бы начать с чего-нибудь жизнеутверждающего, но ситуация кругом не особо располагает к веселью.

В. Аксенов: Ну вот жизнеутверждающий все-таки есть один момент, что мы тут собираемся в конце января праздновать десятилетие «Триумфа». Уникальное общество, благотворительное, поддерживающее искусство, а теперь и науку, и, в общем, это, конечно, событие немаловажное.

Н. Болтынская: А что для вас «Триумф»?

В. Аксенов: В принципе, если заглянуть в самое начало, 92-й год — это какая-то альтернатива распаду, который тогда начался. И тогда люди потеряли какую бы то ни было надежду, и, в общем, шел такой густо нарастающий маразм в искусстве. И вдруг по-

явился этот человек, Борис Абрамович Березовский, который к этому времени сделал хорошее состояние, но он был, по-моему, единственным, кто решил не просто сидеть на этих мешках с долларами, а решил отсыпать из них тем, кому это нужно, а особенно тогда нуждались в этом деятели искусства. Я помню эти первые вручения, когда люди, совсем погасшие уже, как-то приходили и вдруг воспаряли. Даже не от количества этих денег, хотя, в общем-то, для них это играло жизненно важную роль, многие просто погибли без денег тогда. Но сам факт, что вас отметили, что вы поднялись куда-то, вы больше уже не падаете, не скользите вниз в некую прорву, но вдруг начали подъем. Тогда, я помню, Аверинцев говорил, что для меня такой подъем (он был одним из первой пятерки) это есть спуск на самом деле, но это уже интеллектуальная изощренность некоторая. В общем, в тот момент это было серьезное очень поощрение новому витку российского искусства в разных сферах, в разных жанрах, и с тех пор это пошло, каждый год премия нарастала, и теперь она представляет из себя солидную сумму, и она, в общем, дает возможность художнику развиваться.

Н. Болтянская: Коль скоро мы заговорили о поддержке культуры, то нельзя не пройти мимо акции дарения книг, организованной движением «Идущие вместе», и о том самом списке, если хотите, неудобных писателей.

В. Аксенов: Я об этом ничего не знал. Я приехал сравнительно недавно, и мне вдруг позвонили из газеты одной и стали задавать по этому поводу вопросы.

А я никогда об этом ничего не слышал. Только сейчас я вхожу в курс дела. По-моему, довольно идиотская акция.

Н. Болтянская: Знаете список писателей, которые оказались персонами нон грата? Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев, Пелевин и Карл Маркс.

В. Аксенов: А я так понял, что их меняют на Карла Маркса, а Карла Маркса, наоборот, меняют на Бориса Васильева, в общем, я абсолютно запутался.

Н. Болтянская: Но на ваш взгляд, это тенденция или такая «реникса», которая произошла?

В. Аксенов: Это какой-то технологический трюк, который, как все технологические трюки последнего времени, поражает своей неуклюжестью. Были такие моменты возврата книг в истории литературы, например, возврат книг Кнута Гамсуна, который оказался просто нацистским коллаборантом, Квислингом. И его читатели, его поклонники в Норвегии подъезжали, приходили к его дому и швыряли его книги через забор обратно. Это понятно, это спонтанно, и это возникло из глубины оскорбленных сердец. А вот то, что здесь происходит, я не понял даже механики всего этого дела. Они покупают, что ли, книги? Они покупают, а потом их обменивают на книги Васильева? Почему Васильева, что такое, с какой стати?

Н. Болтянская: Вот и вопрос, почему именно так.

В. Аксенов: И меня спросила журналистка из этой газеты, а вы бы хотели, чтобы обменивали на ваши кни-

ги? Я спросил кого? Васильева, или «вредных», или Карла Маркса? С моей точки зрения, Карл Маркс вообще близок к Сорокину, оба представляют жанр такой дистопической графомании, я бы сказал.

Н. Болтянская: Много вопросов пришло в ваш адрес по Интернету, отвечать на них придется уже после новостей. Один из них я позволю себе процитировать прямо сейчас. Это вопрос из Ханты-Мансийска. «Не пора ли уже описывать остров Россия? Местных царьков — хоть завались, каннибалы, готовые съесть неудобных писателей и журналистов, присутствуют, народ безмолвствует. Как вы думаете?»

<...>

Н. Болтянская: Итак, вопрос был вам задан до новостей.

В. Аксенов: Насчет острова Россия? Да я, собственно говоря, только и описывал этот остров, Россию: остров Крым — это часть острова Россия. Меня как-то летом представляли съезду библиотекарей в Судаче в Крыму и сказали, что это представитель США, а я сказал: «Извините, я представитель острова Крым, а не США». Так что это моя тема, и я ее держусь. Те, кто не читал моего недавнего романа «Кесарево свечение»: там как раз архипелаг Кукушкины острова, который является некоей аллегорией Кавказа.

Н. Болтянская: Но вас тот же Интернет обвиняет именно в отношении «Кесарева свечения» в некоей односторонности в подаче Америки и СССР. То есть Америка, грубо говоря, это хорошо, а совок — страна, наполненная маразмом.

В. Аксенов: А что там особенно хорошего описано? Там просто одинокий человек ходит по Америке и что-то сочиняет, вот и все, ничего особенного.

Н. Болтянская: Еще один вопрос из Москвы. «Не считаете ли вы то, что творится с ТВ-6, ничем не завуалированное добивание единственного независимого канала в России, опять сигналом, мол, пора уезжать, иначе может наступить дежавю?»

В. Аксенов: Да, кстати говоря, то, что происходит с ТВ-6, это вопиющее свинство, я бы сказал. И оно колоссальным образом, как мне кажется, влияет на тот образ новой России, который складывается сейчас в умах Запада. Возникает некоторое ощущение двуликости, когда президент говорит за границей о либеральных ценностях, а внутри страны способствует тому, что эти ценности как раз и становятся первой жертвой нарастающего хамства.

Н. Болтянская: Пейджер присылает вопросы по поводу того, не изменилось ли ваше отношение к военным действиям в Чечне.

В. Аксенов: Да нет, в принципе, мне кажется, что после 11 сентября почти всем во всяком случае стало ясно, что чеченские бандформирования это просто один из эшелонов глобальной террористической войны. И я вижу даже сходство в методах действия, вообще во всем этом рисунке действий с Кашмиром, с Филиппинами, с Аль-Каидой со всей. Это часть Аль-Каиды, в этом нет никакого сомнения для меня. Другое дело, что у меня изменилось отношение вообще к этой ситуации. Мне

кажется, что надо искать какой-то выход, разумеется. И надо, быть может, предлагать Чечне плебисцит. Если она не хочет оставаться в Российской Федерации, надо сказать — скатертью дорога, уходите, пожалуйста. Но сопроводить это определенными условиями, потому что нельзя оставить ее просто так, этих людей. Потому что под угрозой будет поставлен весь юг России, Кавказ, могут стать жертвами этих безумных ваххабитов и миллионы людей славянского происхождения, и мусульмане, и все, кто там живет, и прежде всего сам чеченский народ.

Н. Болтянская: Вопрос, связанный с терроризмом. Как, на ваш взгляд, существуют ли реальные способы борьбы с террористическими актами сегодня?

В. Аксенов: Они только что нам продемонстрировали реальные способы борьбы. Только таким образом можно с ними бороться, вот только так. Их раздавили, и это самое радикальное средство.

Н. Болтянская: Хорошее сообщение на пейджер, где глубокоуважаемого мною гостя называют всякой конторой. Я не знаю, воспримете ли вы это как комплимент?

В. Аксенов: Меня? Да, действительно, я знаю об этом. Потому что когда я смотрю здесь телевизор и начинаются эти дискуссионные ток-шоу, я то и дело вижу людей, знакомых мне по прежним временам Советского Союза. Я вижу, например, одного человека, который просто ходил за мной по пятам.

Н. Болтянская: Сейчас продолжает?

В. Аксенов: Он продолжает активно действовать, в каких-то чинах поднявшийся, и он говорит от лица демократической России. А это человек, который просто устанавливал подслушивающие устройства.

Н. Болтянская: В одном из ваших интервью, если я не ошибаюсь, это был «Караван историй» журнал, и там, я так поняла, что в известной степени, когда были у вас трения с советской властью, что не только они вас ставили в известной степени в безвыходное положение, но и вы их тоже.

В. Аксенов: Мне кажется, я тогда не очень отчетливо это все представлял. Я только дал себе зарок такой: если против меня более резкие движения будут применяться, то и я буду отвечать более резкими движениями. И, в общем, дело шло к какому-то тупику, я бы сказал, и в конце концов выход был найден.

Н. Болтянская: Выход в прямом и переносном смысле этого слова. Многие критики «Кесарева свечения», многие рецензенты упоминали, что в известной степени это неизвестный Аксенов. Это так, с вашей точки зрения?

В. Аксенов: «Кесарево свечение» для меня был то ли этапным, то ли вообще заключительным романом. И я там пытался подвести итог XXI века, а также итог своей литературной работы, поэтому там такое многообразие жанров, которые слились в один роман. Я вообще, честно говоря, думал завязать на этом.

Н. Болтянская: Вообще?

В. Аксенов: Вообще. Прекратить враждебную деятельность.

Н. Болтянская: Враждебную или литературную?

В. Аксенов: Это одно и то же. Но потом, видимо, кровь все-таки отравлена, и уже от этого не излечиться, начал новый роман.

Н. Болтянская: Как один известный старик от банки не мог оторваться, помните, была такая книжка? То есть вы ответили на незадаанный мною вопрос о том, кто же оперирует писательской жилкой. То есть вы сами и оперируете: захотели и перекрыли кран. Так?

В. Аксенов: Ну да, но в общем такой роман забирает колоссальную энергию внутреннюю, и всякий раз после большого романа я чувствую себя не в своей тарелке довольно долго. А тут я просто подумал, что это уже конец, я вообще всем надоел. Сколько можно торчать у всех на глазах — с 60-х годов! Шестидесятников тут, видите ли, ненавидят, оказывается.

Н. Болтянская: Кто вам сказал?

В. Аксенов: Да вот я вчера смотрел дискуссию, три господина таких сидели, ночная дискуссия о книгах, о литературе вообще. Тема была смерть автора. И вот трое говорили, один молодой, другой старый, а третий между. И они на эту тему говорили, все время упоминание постмодернизм, причем, как мне показалось, ни один из них не понимал, что это такое на самом деле.

И вот молодой все время нападал на шестидесятников: такая примитивнейшая патерофагия. Знаете, что это такое?

Н. Болтянская: Не очень.

В. Аксенов: Пожирание отцов.

Н. Болтянская: Хорошее слово.

В. Аксенов: Почему-то на Окуджаву нападал. А старый почему-то на меня нападал, тоже говорил, что я рубил корни русской литературы, что я имитациями занимался Запада.

Н. Болтянская: То есть вы обиделись и решили завязать?

В. Аксенов: Нет, это просто пример враждебности. Я эту враждебность ощущаю постоянно. С другой стороны, я ощущаю постоянно и любовь. От людей, у которых нет доступа к средствам массовой информации. Они подходят на улице, они покупают книги, довольно много покупают книг, и «Кесарево свечение» хорошо продается в России, как ни странно. А в Америке его завернули, вот так.

Н. Болтянская: Как вы считаете, с чем это связано?

В. Аксенов: Это связано с общим кризисом романа. Роман, которым я занимаюсь в течение всей жизни, то есть роман самовыражения, он находится в состоянии крайнего кризиса сейчас. Он просто прошел свой пик

и быстро стал падать к своей сути, к базарному товару. Вообще роман возник как базарная вещь, он возник на базаре. Когда кричали «Novell! Novell!» (это по-английски роман), это означало «новенькое, покупайте!».

Н. Болтянская: Но если говорить о кризисе романа как жанра, существует еще один жанр, к которому принадлежит мой любимый рассказ «Жаль, что вас не было с нами». Знаете такой роман?

В. Аксенов: Да, но это то же самое. Это роман на самом деле, маленький роман. Это самовыражение, в этом все дело. Роман-байронит как бы кончился, вместо этого опять нам навязывают вместо романа рассказывание всяких историй и историек. Вот в этом колоссальный кризис. Байронический роман умирает, роман-самовыражение умирает, вместо него — кондовая литературка с рассказыванием историй тех или других, понятная всем, являющаяся рыночным продуктом.

Н. Болтянская: И все?

В. Аксенов: Да. Это не значит, что этому конец, но это уже особая тема. Я на эту тему очень много сейчас думаю, и мне кажется, что именно в этом причина. Я никогда не приносил больших доходов издателю, но они всегда меня печатали. Потому что они позволяли себе печатать таких авторов, которые не приносят дохода. Они делали главный доход на поваренных книгах, а печатали романистов, самовыраженцев для поддержания своего престижа. Теперь на этот престиж можно махнуть рукой, можно их не печатать, и они об этом говорят открыто, говорят, что нам не нужны. Ваш роман,

было мне сказано, похож на ваш предыдущий роман, «Новый сладостный стиль», и поэтому мы его не будем издавать.

Н. Болтянская: У Сомерсета Моэма был рассказ о том, что делать в том случае, если возникают проблемы с издателями по части жанра. Он рекомендовал устами мужа своей героини заняться ей писанием детективов. И ее великолепным языком.

В. Аксенов: Но моя жена вместо этого читает детективы, она читает и не может оторваться от них, читает причем совершенно, по-моему, даже не сильно вдаваясь в интригу.

Н. Болтянская: Последний вопрос. Спрашивают вас, как вы относитесь к упомянутым Пелевину, Сорокину и Ерофееву.

В. Аксенов: По-разному ко всем. Нельзя объединять этих людей в одну маленькую кучку. Пелевин мне нравится, Сорокин не нравится, и я последнюю его вещь читал, «Голубое сало». Начало даже меня заинтриговало, но потом, когда началось, как Сталин Гитлера, Хрущев Жданова, эти — дочку и так далее. И это уже до такого, и не может человек остановиться, как будто жернова тяжелые вращаются, и мне это не нравится. Витя Ерофеев тоже как-то себе придумал эти «флер ди маль», «цветы зла», и он как-то гонит все на это дело, мало спонтанности. Но все-таки у него есть талант и есть какой-то взгляд на литературу. То есть совершенно их невозможно объединить. Их только можно по возрастному принципу объединить, да и то это Пелевин,

по-моему, гораздо моложе Ерофеева. Я не знаю, как их объединить. Почему их объединили-то вместе, непонятно.

Н. Болтянская: Очень просит наш пейджер вас не завязывать. Спасибо.

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был писатель Василий Аксенов.

«Эхо Москвы», 23 ноября 2002 года

Ведущая: Ксения Ларина

<...>

К. Ларина: Я бы хотела начать наш разговор именно с ваших ощущений французских, вашего ощущения этой страны, этого места, этого нового дома. Что это такое для вас сейчас?

В. Аксенов: Я как-то не чувствую того, что я меняю Америку на Францию и что я уехал во Францию. Потому что, в принципе, я уехал не во Францию, а именно в Биарриц. Это место мой новый дом, и то еще не постоянный. Я думаю, что со временем я уже там окончательно адаптируюсь.

К. Ларина: А чем привлекло именно это место? Чего вам хотелось? У вас были какие-то эмоциональные мечты: «Мне бы хотелось жить так и так»?

В. Аксенов: Это, вообще, совершенно случайно получилось. Я был в Тулузе на русско-французском фестивале «Волга Гаронна». Меня пригласили туда как гостя,

и я там выступал. Потом смотрю, у меня образовалось несколько дней свободных. Я взял машину, думал куда-то к морю поехать, как обычно ездят в Ниццу. Потом подумал, что я там много раз был, надо бы куда-то в другое место поехать. И вспомнил про Биарриц, где не был никогда. А Биарриц это все-таки литературный российский миф. Там Набоков детство провел, «Золотое детство», отражено во многих его вещах. И Стравинский там жил, и Чехов там некоторое время жил, видимо, искал воздух для своих умирающих легких. И вообще это место было очень популярным перед Первой мировой войной среди русских, среди российской интеллигенции и аристократии. Они туда направлялись. Там было в это время очень много русских. Даже было российское консульство в этом маленьком местечке.

К. Ларина: Намоленное место?

В. Аксенов: Намоленное. Кстати, в самом центре Биаррица стоит большой русский собор, прямо возле Гранпляж. Его видно отовсюду. И там до сих пор идет служба. Я проехал вдоль Пиренейского хребта на машине, потрясающие виды, маленькие городки, в том числе Лурд, где было явление Богоматери. И приехал в переполненный бурный южный курорт, это было в июле. Потрясающее место. На самом деле Биарриц очень шикарный. И там толпа отличается от обычной туристской толпы. И мне там очень понравилось. И когда я стал разрабатывать идею отставки из университета, пенсионный период, я подумал, что надо, очевидно, сменить декорации именно на эти. Кое-что мне там напоминает Коктебель. Я часто даже, разговаривая о Биаррице, сбиваюсь и говорю «Коктебель»:

«А когда обратно в Коктебель...» В частности, из моего дома я вижу предгорье Пиренеев, и там гора очень похожа на Сьюрю-Кая¹, по очертаниям своим. И рядом океан бурный. Там какой-то очень свежий воздух. Воздух удивительный.

К. Ларина: А пишется как?

В. Аксенов: И пишется хорошо. Благодаря еще одиночеству. Я там, в принципе, один совсем.

К. Ларина: А собака?

В. Аксенов: А собака уехала в Америку сейчас.

К. Ларина: И жалеет страшно? Как в том анекдоте.

В. Аксенов: Очень жалеет. Он там очень здорово освоился. Там же огромное количество собачонок. Он не любит очень больших собак, а маленьких обожает, потому что сам маленький. И у него там была масса друзей, он там выходил на бульвар над океаном каждый раз, в ажиотаже бегал, встречался со всеми, весь под ветром распушался, глазенки горели.

К. Ларина: Вас не тяготит одиночество? Наверное, есть разница между уединением и одиночеством?

В. Аксенов: Правильно. Но я так решил, что когда мне надоеет одиночество, я буду уезжать в Москву. И тут уж я до того забалтываюсь, что язык на плече.

¹ Гора в Коктебеле.

А потом обратно туда и отдыхать от разговорного жанра, переходить на письменный. Я этим и занимаюсь, собственно говоря.

К. Ларина: Когда случилось 20 августа в этом году, то все говорили, что у Аксенова сегодня юбилей, но его сейчас нет, он придет где-то в ноябре и тогда он там устроит такое, и все будут его поздравлять. И я себе рисовала такие картины в кремлевских кабинетах, как вы заходите туда, там вам дарят какие-нибудь именные часы, потом какой-нибудь вечер в России. Ничего этого не будет?

В. Аксенов: Ничего это не будет. Вообще-то, меня поздравил президент телеграммой 20-го.

К. Ларина: Серьезно?

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Это дорогого стоит. Что написал?

В. Аксенов: Написал очень мило, достойно, несколько фраз. Я сейчас не помню. Так что мне пришлось его тоже поздравлять с юбилеем. То есть не пришлось, но, в общем, это нормально.

К. Ларина: У него же тоже в этом году юбилей.

В. Аксенов: Да, у него был через несколько недель юбилей, и я ответил.

К. Ларина: Скажите, цифры для вас имеют значение, Василий Палыч? Как вы сказали, острая дата.

В. Аксенов: Уже нет. Но, в принципе, имели всегда, начиная с 30-летия. 30-летие какой-то рубеж. Вы не испытывали еще 30-летие?

К. Ларина: Вы мне льстите. Я уже скоро другой буду испытывать. Но все как раз говорят про 40-летие, что это тяжелый рубеж.

В. Аксенов: 40-летие это классно.

К. Ларина: Серьезно?

В. Аксенов: Я говорю, что 30-летие очень неприятный момент. А потом, на следующий день после 30-летия ты думаешь: «Это чепуха, все впереди, все здорово». 40-летие тоже неплохое.

К. Ларина: А когда лично вы впервые задумались о старости, что уже совсем другой человек живет на этой земле?

В. Аксенов: Я этого пока не чувствую. Внутреннего ощущения у меня нет. И я понимаю, что если я буду думать об этих цифрах, то это будет какое-то абсурдное состояние. В общем-то, я вижу, что я старею, как все люди моего возраста, сверстники. Но пока, слава богу, я работаю, спортом занимаюсь.

К. Ларина: А молодежь не раздражает вас? Как говорят обычно, «вот в наше время...».

В. Аксенов: Нет, молодежь меня не раздражает, потому что я с ней почти не общаюсь. Но, в общем, когда

я смотрю вокруг, кстати, в Биаррице удивительная молодежь. Это город стариков, их там очень много. Когда сезон кончается, выходят все старики на поверхность. А сезон это время немыслимой молодежи. Это те, кто занимается серфингом. Со всей Европы съезжаются пацаны, совершенно сумасшедшие, глаза у них полны только океаном. И день за днем, невзирая на погоду, катаются на этих волнах на досках. Это особый тип молодежи. И они, надо сказать, ничего, кроме позитивного, не вызывают в душе. Мы же все-таки все вместе живем. Все дети это наши дети.

К. Ларина: Во второй части нашей встречи мы обязательно несколько телефонных звонков послушаем, и пейджер тоже работает. Когда я сегодня анонсировала нашу встречу, сказала, что у нас абсолютно свободный и вольный разговор и темы могут быть абсолютно разные. Тем более что слишком много, как всегда, констатируем мы с сожалением, с горечью, печальных и неприятных событий случилось за это время. Я помню, что последний наш с вами разговор по времени был после 11 сентября.

В. Аксенов: Да. Но мы с вами говорили еще после «Норд-Оста».

К. Ларина: По телефону.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Про «Норд-Ост» я бы хотела обязательно поговорить, поскольку сейчас время уже прошло, хотя до сих пор очень много вопросов остается, огромное количество.

В. Аксенов: Это, кстати, было время, когда я почувствовал горечь оттого, что я не в Москве.

К. Ларина: А что бы вы могли изменить в этой ситуации?

В. Аксенов: Ничего я не мог бы изменить, но мне просто самому хотелось быть в это время. Так же, как 19 августа, я за день до этого уехал.

К. Ларина: В 91-м году?

В. Аксенов: Да. И на следующий день в Париже узнал, что произошло, и от отчаяния катался там по полу. Но в этот раз мне все это напоминало август, то, что произошло на Дубровке. И дождь, и люди вокруг, с ощущением приближающейся страшной катастрофы. То же самое было тогда, в принципе. У меня дом очень близко к морю, 500 метров, все время слышен океан. Вообще, постоянный шум океана очень странное свойство имеет. Если у тебя на душе хорошо, он спокоен и шум как будто спокойный. Если начинаешь беситься от чего-то, он просто ревет как бешеный. А тут у меня было ощущение такого бесконечного товарного состава, какого-то страшного, идущего мимо. И очень поздно заснул, мы все время с кем-то перезванивались на больших расстояниях. Утром проснулся, все кончено. Детали еще не были известны, кончилось уничтожением банды. И тогда я об этом писал в «Московских новостях», что в 91-м году мы молились, а я молился тогда непосредственно Богородице. У меня такое ощущение, что Богородица была там, присутствовала в этот момент. И молился, чтобы эта «Альфа» не выдвинулась в августе 91-го года.

А в этот раз я как раз молился, чтобы она выдвинулась. И она выдвинулась. И, при всем ужасе потерь, спасено 800 человек. Это, конечно, грандиозный момент.

<...>

К. Ларина: Вопросов очень много к нашему гостю, Василию Аксенову. Василий Палыч, вопросы очень разные. И мне кажется, что есть вещи, заслуживающие внимания. Например: «Почему литературное братство не вступится за Эдуарда Лимонова? Почему он сидит в демократической тюрьме уже несколько лет?» — спрашивает Галина. Не несколько лет, конечно. По-моему, около года где-то у него, даже меньше. Не важно, сам факт. Итак, Эдуард Лимонов.

В. Аксенов: А что, собственно говоря? Я не знаю еще сути дела, что там произошло. Если речь идет действительно о какой-то вооруженной группе, то как тут можно вступить за писателя? Кем бы он ни был — писателем, певцом или кузнецом. Если этот человек таким образом нарушает закон, что тут можно поделаться, в данном случае? Были писатели, которые участвовали в политике вооруженным путем. Например, Габриэль Д'Анунцио даже возглавлял марш чернорубашечников на Рим. Я не думаю, что писатели всего мира должны были поддерживать Габриэля Д'Анунцио в его фашистских устремлениях. Я абсолютно не поддерживаю Лимонова в его фашистских и большевистских устремлениях. Когда я вижу их флаг, копию нацистского, только вместо свастики серп и молот на белом фоне, красном флаге, то у меня это ничего не вызывает, кроме отвращения.

К. Ларина: А вы с ним когда-нибудь были дружны?

В. Аксенов: Нет, никогда. Я вообще вряд ли с ним встречался. Может быть, пару раз на несколько минут. И вся его политическая ахинея мне глубоко омерзительна. Что касается его книг, он, вообще, способный человек. Но это еще не индульгенция, в общем-то. Литературный талант не является индульгенцией для всего, чего хочешь. Во всяком случае, его политическая активность говорит о колоссальном ущербе во вкусовом отношении к жизни, в чувстве меры и такта. Это попытка привлечь к себе внимание таким довольно мелким и противным способом.

К. Ларина: Вновь о политике. «Дорогой, уважаемый Василий Палыч, вы, кажется, становитесь конформистом. В России многие полагают, что первым делом было уничтожение террористов, а спасение заложников потом. Андрей».

В. Аксенов: Нет, может быть, многие так думают. Я думаю, что главным было освобождение, спасение заложников, и без уничтожения террористов этого невозможно было сделать. Дело в том, что очень многие люди из состава нашей интеллигенции как-то вбомбили себе в голову, что надо быть обязательно против правительства. Я совершенно не за правительство и никогда не буду за правительство. Я оставляю за собой право быть свободным, как от правительства, так и от политической корректности в западном понимании этого слова, так и от политической корректности в российском понимании этого слова. Я считаю, что в данном случае ничего лучшего нельзя было сделать, чем было сделано спецчастями России. Другое дело, что, конечно, если бы подготовились лучше, было бы меньше жертв, а может быть, их не было совсем. Но именно тогда, когда все это висело на

волоске, уверяю вас, что огромное число людей только и думали, что какой-нибудь бы газ пустили, «неужели у них газа никакого нет». Все об этом всегда в таких случаях говорят: что же, неужели нет какого-то газа, чтобы усыпить и вытащить людей из такой ловушки?

К. Ларина: Поэзия Бродского. «Василий Пальгч, в одном из интервью вы говорили, что не любите поэзию Бродского. В данный момент изменили свое отношение к нему или нет? Сергей».

В. Аксенов: С Бродским у меня очень сложные отношения были. Он был моим другом когда-то. Я к его поэзии относился очень хорошо и сейчас отношусь к его ранним стихам очень хорошо. Считаю его чрезвычайно талантливым человеком. Но когда он оказался на Западе, он был увлечен построением своей, как сейчас говорят, структуры. Он строил вокруг себя структуру обожания и подчинения себе. Я в эту структуру не вошел, потому что он мне уже нагадил, знаете. И он человек в этом смысле, в смысле интриг внутрилитературных, был малоприятный. Это, к сожалению, бывает так, сочетается большой талант и мистическое отношение к жизни, ощущение метафизики жизни, у него это все есть, и наряду с этим мелочное желание быть во главе всех. Так что я не соединяю эти его черты, его качества с его стихами. Это совершенно разные сферы. В стихах он был одним, а в телефонных разговорах другим.

К. Ларина: Нам все время, конечно же, хочется все это совмещать, чтобы все это было в одном флаконе, — талант, данный Богом и родителями, и исключительная кристалльность души.

В. Аксенов: Конечно.

К. Ларина: Бывает, наверное, но очень редко. Хотя я не могу тут ничего сказать про Иосифа Бродского. Я его знаю только как поэта, которого я читаю на бумаге, и мне безумно нравится то, что он сделал в своей жизни.

В. Аксенов: Его захвалили все. Его с молодых ногтей стали так все хвалить, что башка закружилась, мегаломанические импульсы его тревожили безумно. Я помню, как я был на его 30-летию, в Питере еще, и там было огромное количество гостей, в основном американцев. И его папа там хлопотал. Я говорю: «Александр Иванович, что, трудно быть отцом гения?» Так, с юмором спросил просто. А он говорит: «Вы даже себе не представляете как!» Это было очень мило.

К. Ларина: А у вас такого не было в жизни, вы не чувствовали, что что-то с вами происходит, какие-то необратимые процессы?

В. Аксенов: В мегаломаническом смысле?

К. Ларина: Да. Не было ни разу?

В. Аксенов: Никогда.

К. Ларина: То есть с юмором к себе относились?

В. Аксенов: Я до сих пор стараюсь с юмором относиться к себе.

К. Ларина: «Как у вас обстоят дела с иностранными языками? Французский вы хорошо знаете?» — спрашивает Анна.

В. Аксенов: Французский очень плохо знаю, но улучшаюсь. Я, вообще, английский никогда не учил, но освоил, бегло говорю и работаю на английском языке. А французский сначала я думал, что тоже так, на шермачка, наблатькаться, что называется. И в общем так это у меня неплохо шло. Но потом мне порекомендовали все-таки грамматику более автоматическую построить. И я сейчас начал с учительницей заниматься.

К. Ларина: Серьезно?

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Это подвиг.

В. Аксенов: Раз в неделю час, это можно.

К. Ларина: Опять о политике. Еще одна история случилась тут за время вашего отсутствия. Почему-то вдруг, я так до сих пор и не поняла почему, опять стал героем нашего времени Феликс Эдмундович Дзержинский. Вы помните, что у нас эту тему горячо обсуждали, вернуть, не вернуть. На полном серьезе представители СПС пытались провести даже референдум на эту тему, вернуть ли Железного Феликса на Лубянскую площадь. Здесь у нас много писем по этому поводу от наших слушателей. В том числе они вспоминают выступление Андрея Кончаловского по телевидению, который относился к этому весьма спокойно и даже был на стороне тех,

кто предлагает этот памятник вновь вернуть на место. Конечно же, люди хотят знать ваше отношение к этому, ставить, не ставить.

В. Аксенов: Я помню, как Валерия Новодворская очень хорошо на эту тему высказалась. Она сказала: «Да, конечно, надо поставить обратно и даже сделать вокруг фонтан». И в фонтан еще, как монстров водяных делают, и Ягоду, и Ежова, и всех прочих министров КГБ поставить, и сделать так, чтобы струи фонтана были ярко-красного цвета, то есть кровью.

К. Ларина: Красиво получилось бы, да.

В. Аксенов: Это ее идея была, можно поаплодировать. А вообще, что касается этого монумента, я помню один удивительный момент. Валентин Петрович Катаев, который был верноподданным писателем все-таки, в одной из своих последних повестей, где есть потрясающие, ошеломляющие страницы, описывал проезды по Москве, когда всякий раз герой не мог выпутаться из лабиринта и всякий раз его экипаж возвращался к козлобородому палачу в длинной кавалерийской шинели. Этого тогда никто не прочел, не расшифровал. А это было описание памятника Дзержинскому на Лубянской площади. Желание вернуть его — это один из сильнейших симптомов шизофрении, которая существует в нашем обществе.

К. Ларина: А вы знаете, что большинство за?

В. Аксенов: Это и есть шизофрения.

К. Ларина: Как вы это объясните? Когда про референдум говорили, я подумала, что Борис Ефимович Немцов должен понимать, в какой стране он живет, что, если провести референдум, мы увидим страшные цифры. Если по Москве большинство за...

В. Аксенов: Это шизофрения. Я плавал несколько раз на пароходе по Волге. И в маленьком городке Свирьстрой я вышел, жалкий такой занюханный городишко, стоит огромный Ленин. И там мужичок какой-то местный. Я ему говорю: «А зачем вам это?» Он говорит: «А на всякий случай». По-моему, тут присутствует это «на всякий случай».

К. Ларина: А отчего это?

В. Аксенов: И поразительна еще одна вещь. В Биарлице я смотрю канал «Наше кино».

К. Ларина: «НТВ+»?

В. Аксенов: Да. И там все время показывают старые советские фильмы. Это поразительно. На фоне всего того, что произошло, мы видим каждую третью ночь Владимира Ильича с Надеждой Константиновной.

К. Ларина: Иосифа Виссарионовича. Даже «Падение Берлина» показывали.

В. Аксенов: Да, в бой за Родину, за Сталина. Дзержинский в изумительном исполнении Миши Козакова. Кстати, этот сериал потрясающий, о революции, ноябрь 17-го года. И уничтожение эсеровской оппози-

ции. И там замечательно: и эсеры, и Савинков, и все прочие. И здорово там все сыграно, и сделано великолепно, хотя абсолютно лживая картина, совершенно. Уже хотя бы потому, что изображена революция без Троцкого. Ни малейшего упоминания Троцкого нет. И это тоже. Почему они все время крутят эти советские фильмы?

К. Ларина: А потому что это востребовано.

В. Аксенов: Потому что это востребовано.

К. Ларина: Потому что это такой процесс, как песни, которые у нас...

В. Аксенов: Главные песни.

К. Ларина: Старые песни.

В. Аксенов: Старые песни о главном. Это и есть эти старые песни о главном. И, как ни странно, я тоже ощущаю какую-то смутную ностальгию, когда смотрю эту мерзость. Но среди этой мерзости есть что-то такое, что просто напоминает о том времени, о молодости.

К. Ларина: В этом же пакете показывают и «Коллеги», между прочим, и «Мой младший брат».

В. Аксенов: Да, мой мраморный дом, мой детский фильм об эвакуации, в городке каком-то дети играют. Также очень неплохой. Это та же самая старая песня о главном почему-то в башках у людей. Но среди этого есть, например, какой-то фильм, сделанный

в 52-м году, то есть еще в сталинское время, совершенно безыдейный, абсолютно, с Касаткиной, с Кадочниковым.

К. Ларина: «Укротительница тигров».

В. Аксенов: Да, очень мило, очень неплохо.

К. Ларина: Посмотрите, какая милота уже в нашем разговоре. Мы уже вспоминаем с улыбкой, какие прелестные были фильмы.

В. Аксенов: Об этом всем надо говорить. Посадили бы человека, который бы как-то поставил вопросы перед ними. А то ведь люди просто смотрят, без всяких вопросов, с умилением.

К. Ларина: Давайте несколько звонков выведем в эфир.

Слушатель Алексей: Расскажите, пожалуйста, о вашей дружбе с Высоцким.

К. Ларина: По порядку, или что-то вас конкретное интересует?

Слушатель Алексей: Вообще, об этом человеке меня интересует все.

В. Аксенов: У нас вряд ли есть время об этом всем говорить. Но я часто его до сих пор вспоминаю, Володю Высоцкого. И даже сейчас мы делаем фильм по мотивам моего романа.

К. Ларина: «Московская сага»?

В. Аксенов: Нет, другой. «Новый сладостный стиль».

К. Ларина: Где делают такой фильм?

В. Аксенов: Это здесь собираются сделать. И там прототип героя — это в какой-то степени Высоцкий. Не только Высоцкий, но Тарковский, Любимов.

К. Ларина: Да и вы сами.

В. Аксенов: Но, в общем-то, в какой-то степени это, разумеется, трибьют по Высоцкому. Это бард. Немыслимой популярности бард, которого выпшвыривают за границу. И, кстати говоря, Высоцкий мог оказаться в этой роли в любой момент, если бы дальше жил. Атмосфера вокруг него очень сильно сгущалась. И он последние наши встречи все время говорил о том, что, может быть, придется уехать на Запад.

Слушатель Максим: Василий Палыч, на днях по телеканалу «Культура» был фильм «Председатель», в главной роли Ульянов, по сценарию Нагибина. И вчера «Частная жизнь», тоже с Ульяновым. Вы бы эти фильмы тоже зачислили в разряд мерзости или нет? Спасибо большое.

В. Аксенов: Я их не очень хорошо... нет, «Председатель» я помню. Нет, это не то.

К. Ларина: Актер-то выдающийся. Что там говорить.

В. Аксенов: Актер замечательный. Это актер столь многоплановый. Он играл и председателя колхоза, и почти в то же самое время, я помню его телевизионный фильм, где он играл Хемингуэя, «Острова в океане». Это такие разные характеры, удивительно просто. С одной стороны, он был членом контрольной комиссии ЦК КПСС, а с другой стороны, он был и есть человек московской богемы, дай бог ему еще.

К. Ларина: Тогда уж и поздравьте Михаила Александровича Ульянова, он как раз на днях тоже отпраздновал юбилей.

В. Аксенов: Присоединяюсь ко всем поздравлениям и желаю. Это наша гордость, конечно.

Слушательница Ирина: Василий Палыч частый гость на вашей студии. Может быть, он когда-то отвечал на этот вопрос. Читаю сейчас книгу Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа». Каково мнение вашего замечательного гостя по поводу нашего замечательного писателя?

В. Аксенов: Какого из них?

Слушательница Ирина: И того, и другого. На чьей стороне?

К. Ларина: Спасибо большое, Ирина, хороший вопрос. Я тоже хотела спросить ваше мнение об этой книжке, «Портрет на фоне мифа». Напомню слушателям, эта книга Войновича посвящена Александру Исаевичу Солженицыну, как писателю и как человеку.

В. Аксенов: Как вы понимаете, мне уже задавали этот вопрос, но не на «Эхо Москвы», в других местах. И я отвечаю обычно строкой из Козьмы Прутоква: «Мне нравятся очень обои», — сказал он и выбежал вон».

К. Ларина: Все, больше ничего не будем говорить. Спасибо.

Слушательница Наталья: Я очень уважаю вас и хочу вам задать один вопрос. Вы жили в Америке. Вернее, живете там как бы?

В. Аксенов: Как бы живу.

Слушательница Наталья: Мы все как бы в этом мире. Что для России конкретно вы можете сейчас посоветовать или сделать?

В. Аксенов: Сейчас очень тревожный момент для России и для всего мира. Единственный положительный фактор, возникший в результате этой страшной конфронтации, которая сейчас происходит в мире, — это неумолимое и неотвратимое сближение России с Западом, с Америкой, с Европой. Потому что просто другого пути нет. Вы уже понимаете, наверное, особенно после недавних событий¹, что, если мы останемся в одиночестве, нас очень быстро уничтожат.

К. Ларина: Так вообще безопасных мест на земле не осталось?

¹ Имеется в виду теракт на Дубровке в октябре 2002 г.

В. Аксенов: Не осталось. Поэтому надо всем цепляться друг за друга. Это очень важный момент. Это даже важнее, чем экономическая ситуация, курс доллара и евро.

К. Ларина: Как к нам сейчас относятся люди, которые читают газеты, слушают радио, смотрят телевизор?

В. Аксенов: Я общался во Франции с самыми обычными людьми, с рабочими, с людьми совсем обычного положения в обществе. Они относятся к русским положительно и с интересом, как ни странно. «Вы откуда?» — они мне говорят. Я могу сказать: «Из Америки». И тогда будет реакция: «Ну, ладно». А если говоришь: «Из России» — «О, интересно!», и с большей симпатией почему-то относятся. Наряду с этим существует группа интеллигенции, которая очень односторонне смотрит на нынешнюю ситуацию, а именно на войну в Чечне, даже на захват «Норд-Оста». У них как-то установился уже стереотип, что Россия всех подавляет, жаждет всех покорить и это единственная тенденция, которая существует в стране. К сожалению, это есть. Но я не думаю, что это отражает настроение масс во Франции. В Скандинавии, моей любимой кстати говоря (я очень люблю Скандинавию и скандинавские страны), это ощущение еще более сильное. И даже трудно сказать, почему там нет никакого сочувствия к жертвам, а только сочувствие к палачам. Скажем, недавно, когда боевик убил двух маленьких мальчиков в кибуце и их мать и на следующее утро танки вошли в ту деревню, откуда он был родом, и вышли скандинавские люди и сказали: «Мы перед танками встанем грудью защищать». Как к этому относиться, я не понимаю. Никто не сказал ни слова об убитых детях.

В. Аксенов: Я представляю себе эту картину.

<...>

К. Ларина: Спасибо. Я не сказала о том, что вышла новая книжка Василия Аксенова со старыми рассказами в издательстве «Эксмо» в серии «Антология российской сатиры и российского юмора». Я думаю, что следующая наша встреча будет посвящена этому периоду жизни нашего уважаемого гостя.

В. Аксенов: Спасибо, Ксения.

К. Ларина: Мы вас любим.

В. Аксенов: Счастлив.

«Эхо Москвы», 19 сентября 2004 года

Ведущие: Ксения Ларина, Майя Пепкова

<...>

К. Ларина: Здравствуйте. Василий Павлович Аксенов сегодня, конечно же, в первую очередь представит свою новую книжку, которая уже вышла, есть в продаже, «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Мы уже сегодня с Мариной Королевой в программе «Говорим по-русски» перекинулись несколькими словами по поводу языка, который изобретен в этой книжке, такое смешение всяких языковых веков, скажем так, наверное.

В. Аксенов: Да, это верно, да.

К. Ларина: Но там все правда? Так говорили, так писали, Василий Павлович?

В. Аксенов: В общем-то, близко все-таки, это была главная моя трудность, на каком языке писать. Я долгое время мучился, даже в какой-то момент я хотел все бросить. А потом вдруг что-то такое пошло, я понял, что я нашел.

К. Ларина: Но это какая-то подготовка должна была быть очень серьезная, да?

В. Аксенов: Три года, да.

К. Ларина: Чтобы копаться во всех архивах, в источниках. Вы пользовались этим?

В. Аксенов: Колоссально, да, три года, я собрал несколько полок книг, там главная книга была такая, американская, «Век Вольтера». Авторы — супруги Дюран, они написали эту книгу несколько лет назад, даже, пожалуй, лет 10 назад, и она была одно время весьма популярная там. Такой большущий том «Век Вольтера». Без нее я бы, наверное, не смог написать, потому что там не только о Вольтере, вообще обо всем, как жили тогда, как выглядел, скажем, салон знаменитых парижских дам.

К. Ларина: То есть вся бытовуха тоже должна быть, да?

В. Аксенов: Да-да, и вещи, какие вещи, как, например, почта работала тогда, как доставлялись письма, каким образом, какие там были кареты или что-то, в общем, массу деталей я оттуда почерпнул.

<...>

К. Ларина: Кстати, про Америку, давайте немножко отойдем от «Вольтерьянцев», я знаю, что готовится к печати еще книга ваших очерков, радиоочерков, чем, конечно, эта книга интересна для нас, прежде всего для работников радио. Это действительно то, что на «Свободе» вы делали?

В. Аксенов: Вообще удивительно, Ксения и Майя, у меня в этот период времени три книги почти одновременно выходят. «Вольтерьянцы», потом «Десятилетие клеветы», это о работе на радио, не только на «Свободе», но «Голос» и все вообще.

К. Ларина: Почему так назвали?

В. Аксенов: «Десятилетие клеветы», потому что нас тогда называли клеветниками.

К. Ларина: То есть работали клеветником?

В. Аксенов: Да, на самом деле, я был жертвой клеветы все время в течение этого десятилетия. И еще одна книга в издательстве НЛО, которая называется «Американская кириллица». О ней, если хотите, я могу рассказать. Есть такая в Америке премия «Либерти» за сотрудничество в деле сближения двух культур, американской и российской. Я получил эту премию года два, кажется, назад. Она мне была вручена в «Линкольн центре», эта премия интересна тем, что там только три постоянных члена жюри, это Соломон Волков, Брускин, художник.

К. Ларина: И писатель.

В. Аксенов: И писатель Генис.

К. Ларина: Нет, я говорю Брускин — и писатель тоже.

В. Аксенов: И писатель, да, конечно.

К. Ларина: То есть такая тройка?

В. Аксенов: Тройка, да, эти три достойных очень человека, интеллектуалы колоссальные, художники, и они дают эту премию. Спустя год, по-моему, получила эту же премию Ирина Прохорова, глава издательства НЛО, «Новое литературное обозрение» или «Неопознанный летающий объект», как известно. И в этом году отмечается пятилетие премии, она предложила мне, она предложила всем лауреатам этой премии какой-то внести вклад в этот юбилей, скромный юбилей. И мне написать, составить какую-то книгу, я согласился и сделал «Американскую кириллицу», в которую наряду с новыми текстами входят многие куски, в общем, это все о моей американской теме, моей собственной американской теме, как она мне служила в качестве строительного материала для романов, для повестей, для чего-то еще. В общем, такая вещь.

К. Ларина: То есть получается, три книжки почти одновременно появятся?

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Мы пока только «Вольтерьянцев» имеем. Скажите, пожалуйста, Василий Павлович, вы свои старые тексты как-то правите, которые вновь подлежат публикации, по той или иной причине?

В. Аксенов: Я правлю, когда мне кажется нужным с литературной точки зрения. Но в смысле политического...

К. Ларина: То есть оценки там не меняете?

В. Аксенов: Нет, не меняю.

К. Ларина: «Ненавижу» на «люблю» не исправляете?

В. Аксенов: Нет, это Бог уберег от таких вещей.

М. Пешкова: Василий Павлович, а то, что за последнее время выходит ваши три книги, это что, стало больше времени для творчества с приездом в Европу? Или как это все стыкуется?

В. Аксенов: Еще пока нет, я это все сделал, пока я еще работал в университете. Но сейчас я ушел в отставку, я надеюсь, что у меня будет больше времени, конечно, на работу. А так я, в принципе, последние годы в университете для того, чтобы больше писать, я брал отпуск на один семестр без сохранения содержания.

М. Пешкова: А как вас отпустили?

В. Аксенов: Отпустили торжественно, был большой такой акт университетский, с президентом, с провостом¹, все произносили трогательные речи, мне подарили большую лампу.

К. Ларина: То есть такую картину рисуете из советского прошлого, на пенсию так провожали, дарили большую лампу обычно.

¹ Второе лицо после президента, соответствует нашему «проректор».

В. Аксенов: Так оно и есть, но я произнес такую немножко скандальную речь там, где я расхвалил университет и топтал издательство «Рэндом Хаус».

К. Ларина: Вообще, Василий Павлович — известный хулиган, хочу обратить внимание, а то как-то все забыли, дорогие товарищи. Мне тут замечание делают наши слушательницы, речь идет о временах Вольтера, а вы произносите такое слово, бытовуха, как вам не стыдно.

В. Аксенов: Вот так?

К. Ларина: Да, то есть давайте мы развеем все-таки мифологию, Василий Павлович, если говорить все-таки о жанре, это же, наверное, не о том, как было прекрасно и хорошо. Или есть такой момент? Вот были люди, не то, что мы?

М. Пешкова: И какие яства ели.

В. Аксенов: Нет, я просто хотел сделать такие живые карнавальные образы, это, в общем-то, карнавальная книга, хотя там трагическое звучание в конце начинает появляться.

К. Ларина: Но хулиганства там есть? Там же шутили и хулиганили, и прелюбодействовали во все времена.

В. Аксенов: Боже мой, сколько, и прелюбодействовали непрерывно, может быть, больше, чем сейчас даже.

К. Ларина: А продолжение не будете писать?

В. Аксенов: Да нет.

К. Ларина: К героям как-то так привыкаешь. Я сразу скажу нашим слушателям, что я начала эту книгу читать, поэтому не могу какую-то рецензию представить на ваш суд, но понимаю прекрасно, что если заявились герои, то они и будут героями до конца, до последней страницы.

В. Аксенов: Но там он у меня в эпилоге, мой главный вымышленный персонаж, Миша, Мишель Земсков, он же Мишель де Террано, он секретный агент, поэтому у него есть еще второе имя, в конце он уже в отставке, он стал каким-то невероятным доктором, целителем, сидит в своем поместье. Он доходит до своего исчезновения, то есть не исчезновения, а просто его убивают там, он переходит в другое состояние, не жизни, где встречается с Вольтером, со своим любимым Вольтером, который шумит своими ветвями в виде не дерева познания, но дерева воображения.

М. Пешкова: Простите, а герои этого произведения не требуют того же, что и герои «Московской саги»? Когда вы мне рассказывали, что в течение семи лет вы ложились и просыпались только с одной мыслью, что же делает герой завтра, что он будет делать сегодня.

К. Ларина: Да, я помню, когда Василий Павлович столько рассказывал нам с тобой про то, как он начал писать роман про Францию.

М. Пешкова: Роман вел вас, что называется, герои вели вас, вы не могли освободиться от их участия?

В. Аксенов: И это, на самом деле, когда я начал роман писать, я вообще не знал, кто там будет, кроме Вольтера и Екатерины. Главная-то идея была — встреча Вольтера и Екатерины, которой никогда не было на самом деле. Правдивая история, которой никогда не было, это такой жанр есть, в мире существует. Но потом, когда вдруг появились на самой первой странице два юнца таких, их тогда называли эстафеты, их посылают на конях, курьеры, они мчатся быстрее всех.

К. Ларина: Уноши.

В. Аксенов: Уноши, да, Мишель и Николя, два полубрата незаконных. В общем, там масса всего накручено, и вот я от них, от них появился некий генерал-аншеф Ксенофонт Петропавлович Овсиомский, он же слегка графоман, сочиняет какую-то утопию о царствовании великодушной правительницы и т.д. Потом появилась семья одного из многочисленных курфюрстов германских, и один за другим, я всегда, когда пишу, не знаю, по сути дела, что будет через десять страниц. Иначе бы и не писал вообще.

К. Ларина: Я возвращаюсь к «Вольтерьянцам», Василий Павлович, а письма-то настоящие?

В. Аксенов: Письма в эпилоге там настоящие.

К. Ларина: Из переписки Вольтера и императрицы?

В. Аксенов: Да, я купил в Москве книгу за большие деньги, кстати говоря, издания 1802 г., то есть через

несколько лет после смерти императрицы. Переписка императрицы с Вольтером, все письма там были. Оттуда я взял.

К. Ларина: Но поскольку вы так внедрили уже в глубины истории, наверняка печальные мысли приходили по поводу дня сегодняшнего, потому что любой исторический момент, который мы переживаем в сегодняшней жизни, он, так или иначе, находит отклик в прошлом.

В. Аксенов: Вы знаете, это неизбежно, потому что, в принципе, там говорят именно о том, о чем говорят сейчас, о построении гражданского общества.

К. Ларина: То есть и тогда были такие проблемы?

В. Аксенов: Вот именно.

К. Ларина: И какие рецепты предлагают наши предки?

В. Аксенов: Екатерина, главная идея этой встречи, это был 1764 год, два года спустя ее революции победоносной, захвата власти, она, в принципе, готовила освобождение крестьян, она думала об этом. И вокруг нее какая-то группа молодых деятелей была готова пойти. Это был главный вопрос, который она задает Вольтеру, на что он говорит — ни в коем случае, не сразу, для того, чтобы подойти к этому, необходимо медленное развитие. В частности, либерализация правящего класса, кстати, как ни странно. Он говорил, что ни в коем случае нельзя отвергать эту латифундистскую аристо-

кратию, иначе будет кровавая баня, он вообще очень боялся крови после своих побед над церковниками. Они как раз в это время, только в 60-е гг. ощутили, что они могут одержать победу над католической церковью, энциклопедисты. И уже тогда они и Дидро, но больше всё Вольтер, они думали о том, к каким последствиям это может привести, что, в общем, то, к чему это и привело, к Французской революции кровавой.

К. Ларина: То есть кровопролития боялся?

В. Аксенов: Боялся кровопролития и анархии полнейшей, в России если бы это, как ни странно, он боялся, что крестьяне будут против отмены крепостного права, они почувствуют себя брошенными, что это ощущение, что никто еще не привык к этому понятию свободы.

К. Ларина: Как не вспомнить Фирса из «Вишневого сада».

В. Аксенов: Ну да.

К. Ларина: А это давно было, еще когда, как же он говорил-то — а потом волю дали, зачем?

В. Аксенов: Зачем, да. Очень многие, это было постоянно, такое ощущение все-таки надежности, что кто-то о нас печется, жестокий барин, но все-таки без него-то мы куда же, пропадем.

К. Ларина: Но как вы думаете, это все-таки то, что мы называем менталитетом, до сих пор сидит в нас?

В. Аксенов: В каком-то смысле 70 лет советской власти, полнейшего беззакония, по сути дела, под маской такого непреложного закона, конечно, привело к формированию такой, в общем, ментальности. И то, что уже забыто, скажем, молодым поколением в России, но это забыто-то забыто, но нового ничего пока что не появилось.

К. Ларина: А что же тогда внутренняя свобода? Мы привыкли вас всегда ассоциировать с этим термином, что, если говорить о человеке внутренне свободном, например Василий Аксенов, в ту пору, когда он еще был советским писателем.

В. Аксенов: Это, в общем, внутренняя свобода, можно сказать, и была, но все-таки это и было выкарабкивание из-под глыб, я и мои друзья, мы же понимали, что мы окружены, чем мы окружены и чем мы рискуем вообще на самом деле. Это было сопротивление такое, довольно активное сопротивление. Но положительной программы у нас не сложилось, никто, в общем же, удачным таким государственным деятелем не стал.

К. Ларина: Почему?

В. Аксенов: Видимо, потому, что внезапный слом, то есть мало времени прошло, просто прошло мало времени. Я думаю, что, в принципе, перестройка должна была произойти на 30 лет раньше, чем она произошла.

К. Ларина: Конечно, как раз в ту пору оттепели.

В. Аксенов: В 50-е годы.

К. Ларина: Даже раньше.

В. Аксенов: И, кстати говоря, перестройка задумывалась еще Лаврентием Павловичем Берия, его программа, по сути, была программой перестройки Горбачева. Его тогда задавили. Но он был, конечно, мерзавец полнейший, но не был большевиком, знаете, он это задумывал. И Хрущев тоже думал об этом. Но у него самого этого как-то, до конца он не мог пойти. И никто, в общем, из них не решился на активные действия. И снова то, что мы называем сейчас застоём, снова все погрузилось в этот, это очень точное слово, застой. А если бы произошло это на 30 лет раньше, то мое поколение было бы готово уже к этому. Вместо этого оно погрузилось в мрачную меланхолию, в общем, в похмельное состояние и не смогло выдвинуть великих идей, великих умов и характеров для политического управления.

К. Ларина: То есть можно сказать, и сегодня мы пожинаем плоды такой инертности?

В. Аксенов: Конечно, это результаты всего этого развития революции 17-го года и Гражданской войны, террора, непрерывного государственного террора, террора еще, я бы сказал, что террора, начавшегося с убийства государя императора Александра II, 40 лет непрерывного террора эсеровской партии деморализовали российскую администрацию абсолютно. Только благодаря этому террору 40-летнему революция произошла в 17-м году, без этого никакие не марксистские теории виноваты, а именно 40-летний террор.

<...>

В. Аксенов: Это интересный генезис. Началось с того, что я был в 67-м году в Лондоне, в Англии. И посмотрел там один из фильмов Джеймса Бонда, который назывался «You only live twice», «Живешь только дважды». Вернувшись, я своим друзьям, Горчакову Овидию и Поженяну, рассказал этот фильм. И Горчаков, сам бывший разведчик ГРУ между прочим, в какой-то степени прототип Бориса Четвертого из «Московской саги», между прочим, он сказал — а почему бы нам не написать книгу, свою книгу о таком каком-то супершпионе? И так, собственно говоря, и возникла эта идея. Он был большой знаток американской темы, колоссальный носитель английского языка, он обложился книгами Британской энциклопедии и стал выдавать колоссальное количество текстов. А мы сидели вокруг вместе с некоторым количеством напитков и фантазировали в Ялте¹.

К. Ларина: То есть это такая была мистификация литературная?

В. Аксенов: Да, зимой в Ялте, в общем, это так здорово было. Так это и возникло, в общем, такое игровое начало имела эта вещь.

<...>

В. Аксенов: Вообще, знаете, Ксения и Майя, у меня в таком беспорядке все эти находятся мои тезисы, заметки, в общем-то, мои уроки почти всегда как-то спонтанно велись. Я начинал разговаривать, у меня были какие-то,

¹ Ответ на вопрос слушательницы о детективном романе «Джин Грин — неприкасаемый», написанном Аксеновым в содружестве с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном.

короче говоря, для того, чтобы это все писать, надо пере-лопатить массу каких-то безобразных клочков бумажек, папок и т.д. А есть еще какие-то замыслы творческого сочинения, поэтому, по сути дела, и времени-то на это нет. Если уж когда-нибудь я совсем ослабею, тогда¹.

К. Ларина: Подождите, а очерки из «Свободы» вы каким образом фиксировали, они на бумаге у вас есть, в компьютере были?

В. Аксенов: Они были на компьютере.

К. Ларина: Зафиксированы все, да?

В. Аксенов: Конечно, и на компьютере или листки бумаги, это было гораздо легче, чем мой преподавательский материал. Поднять преподавательский безумно сложно.

К. Ларина: То есть там текста как такового не было?

В. Аксенов: Не было совершенно.

К. Ларина: Надо было вам какого-нибудь Левия Матвея завести.

В. Аксенов: Вот именно. Или хотя бы я часто начинал на магнитофон это все записывать, но и пленочки эти пропали куда-то, такая неорганизованная жизнь.

¹ Ответ на вопрос слушательницы о возможности издания его профессорских лекций в американских университетах наподобие «Лекций по русской литературе» Владимира Набокова.

<...>

В. Аксенов: Дело в том, что я на эту тему уже давно пишу в своей публицистике. Я писал одно время довольно регулярно в «Московских новостях», я писал об этом, что к этому именно и идет. На меня тогда даже многие ополчились, против меня, называли реакционером и т.д., но меня не оставляла мысль, что это приведет к очень плохим вещам, на самом деле. Специально я никогда не буду писать на эту тему в смысле художественном, если только вдруг случайно не подойдет, а так, так сказать, хватаясь за актуальность писать, это не дело для сочинителя романов. Это если уж так возникнет что-то, но в публицистическом плане я буду выступать еще по этим делам. И как-то так или иначе не убежать от этой темы¹.

К. Ларина: Я бы хотела тоже эту тему все-таки продолжить, поскольку мы с вами, так уж получается, каждый раз, когда встречаемся, обсуждаем последствия каких-то страшных событий в России либо в другой стране.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Помню, конечно, все вспоминают, что после 11 сентября стала уже расхожей фраза, общим местом, что мир стал другим. Он действительно после этого стал другим, вы это почувствовали?

В. Аксенов: Очень почувствовал, это чувствуется везде, особенно в аэропортах колоссально. Я сейчас

¹ Ответ на вопрос слушательницы о том, будет ли Аксенов писать на тему мирового терроризма.

проводил жену, она в Америку поехала с дочерью по-видаться, на «Шарль де Голль». Я массу раз был на этом «Шарль де Голль», я никогда не видел такой неприятной суеты, суматохи, огромных толп людей. Дошло до того, что как-то они там все в целях безопасности удалили, даже буфеты и кафе из этих огромных залов, там негде купить бутылку воды. Какие-то люди сталкиваются, появляется полиция с автоматами, это ощущение опасности, оно присутствует повсюду в мире, далеко не только в России. Но Россия сейчас выходит на авансцену этих событий, к сожалению. Но, в общем-то, после 11 сентября, я был в это время там, через два дня я должен был улететь с лекцией в Цинциннати, я вошел в самолет и невольно стал смотреть, где эти ребята. А эти ребята, кстати говоря, очень были похожи на моих студентов, в моем классе всегда было примерно треть с Ближнего Востока студентов. И наконец я понял, что я не могу в каждом из них видеть этих людей, понимаете? В общем, так или иначе, это все идет именно в таком ключе.

К. Ларина: Да, потому что этот страх расплзается, как радиация такая покрывает уже земной шар.

В. Аксенов: Да, это страшное дело, я не зря сказал сейчас о революционном терроре в России, он так не мытьем, так катаньем, год за годом, вселяет какое-то ощущение безнадежности и какое-то колоссального маразма вообще общества, это главный его результат, маразматические явления в обществе. С этим надо бороться. Надо жить так, как живешь, и все. Жить, невзирая на это.

К. Ларина: Это тоже понятно, Василий Павлович, это мы каждый раз к этому приходим после дней траура, что все равно надо как-то все-таки взять себя в руки и продолжить свою жизнь и свою работу. Но мир от этого не меняется, тот мир, который за пределом человеческого сознания находится, тот, который пытается стать главным здесь. Ничего же с ними не происходит от этого.

В. Аксенов: Ксения, когда шел полный развал России, Гражданская война, мы тоже думали, что никогда не вернется ни к чему лучшему, на самом деле это была фаза сумасшествия русских. Сейчас идет фаза сумасшествия арабов. Она пройдет, я надеюсь.

<...>

В. Аксенов: Ширянова я вообще не читал, Сорокина я кое-что читал. Я бы сказал, что нет там глубокой такой... философское отчаяние какое-то присутствует в его книгах, но, к сожалению, как-то на одном и том же, на холостых оборотах стал все это крутить, бесконечный повтор идет. И очень часто может возникнуть такое ощущение, что писатель просто не хочет терять свой бренд, как говорится¹.

К. Ларина: Вы знаете, сейчас вышел новый роман Владимира Сорокина, «Путь Бро» он называется, я просто хочу вспомнить его роман, который мне очень понравился, я не знаю, читали вы или нет, «Лед» читали?

В. Аксенов: Нет.

¹ Ответ на вопрос слушателя об отношении Аксенова к творчеству писателей Баяна Ширянова и Владимира Сорокина.

К. Ларина: Прочтите, я, конечно, понимаю, что вам некогда, хотя вы сейчас свободны, вы уже все написали, Василий Павлович.

В. Аксенов: Как не стыдно.

К. Ларина: Я имею в виду, что просто закончили.

В. Аксенов: Я затеял новый роман.

М. Пешкова: Тоже исторический?

В. Аксенов: Нет, совсем не исторический.

К. Ларина: Тогда давайте раскрывайте карты, если возможно.

В. Аксенов: Нет, не буду.

К. Ларина: Про что? Про любовь?

В. Аксенов: И любовь там есть тоже.

К. Ларина: Скажите, где действие происходит?

В. Аксенов: В Биаррице¹.

К. Ларина: Понятно, наблюдаете из окна.

В. Аксенов: Да, специально приехал.

¹ Имеется в виду роман «Редкие земли», который вышел в 2007 году.

К. Ларина: Мы вынуждены заканчивать, конечно, я понимаю, что, Василий Павлович, вы поняли, что я пошутила, я не это имела в виду, я имела в виду, что у вас перерыв.

В. Аксенов: Я на вас не обижаюсь.

К. Ларина: Сейчас перерыв, можно отдохнуть, расслабиться и почитать что-нибудь для души.

В. Аксенов: Хорошо.

К. Ларина: Еще раз скажем, что роман называется «Вольтерьянцы и вольтерьянки», который только что вышел. Книга продается. Еще раз скажем, что ждите в книжных магазинах книгу «Американская кириллица» и книгу, опять забыла, которая про свободу.

В. Аксенов: «Десятилетие клеветы».

К. Ларина: Действительно, такое название, как же его забыть, «Десятилетие клеветы». Спасибо вам большое, Василий Павлович, всегда рады, приходите.

В. Аксенов: Спасибо за приглашение, очень рад всегда.

К. Ларина: И заканчиваем мы нашу передачу еще одним фрагментом из фильма, который вы пока еще не видели и я тоже, фильм называется «Московская сага», ждем его появления на телевидении в октябре месяце.

«Эхо Москвы»,
11 декабря 2004 года

Ведущая: Ксения Ларина.

К. Ларина: 13 часов 15 минут. Приглашаю вас принять участие в разговоре в прямом эфире с классиком отечественной литературы Василием Павловичем Аксеновым. Здравствуйте, Василий Павлович.

В. Аксенов: Здравствуйте, Ксенечка.

К. Ларина: Я не иронизирую. Поскольку вы теперь обладатель «Букера» — то все уже, вошли в историю.

В. Аксенов: Да уж, теперь все. Да.

К. Ларина: Меня совершенно потрясло...

В. Аксенов: Хотя я собираюсь отколоться.

К. Ларина: Собираетесь? Меня совершенно потрясло ваше признание, что это, оказывается, ваша первая литературная премия на родине. Действительно?

В. Аксенов: Да, это верно. Я сам удивлялся, чего это мне не дает никто премии. И все уже друзья все давно лауреаты.

К. Ларина: А как-то все думали, что вы уже увешаны лаврами.

В. Аксенов: А про меня думают, что я богач какой-то невероятный, удачник такой немислимый. Так что, ну, чего ему давать, когда у него и так всего полно.

К. Ларина: И так все есть.

В. Аксенов: И так всего полно, да. Он живет на всем готовом, за границей, как говорят у нас. Открытый счет, как про Симонова говорили когда-то. Но вообще-то у меня было, довольно много недругов имеется. Мне даже сказала на церемонии вот букеровской, это же такой ужин, такое свободное перемещение людей, одна подошла критикесса и говорит: «Ты бы знал, сколько у тебя недругов».

К. Ларина: Много, много. Зависть, Василий Павлович.

В. Аксенов: Да. Но в данном случае друзья перетянули. Да.

К. Ларина: Ну, у вас там была хорошая компания в этом списке, там приличные были авторы все.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Трудно было выбрать. Поэтому просто искренне вас поздравляю. Но мы-то уже даже здесь сделали, не знаю, может быть, вам передавали, мы тут даже вам аплодировали, все собрались, нас тут была кучка...

В. Аксенов: Нет, я не видел.

К. Ларина: ...кучка этих самых, отщепенцев, которые поздравляли Аксенова с присуждением «Букера». Так что примите поздравления.

В. Аксенов: А, спасибо.

К. Ларина: Я хочу напомнить нашим слушателям, что вы имеете возможность принять участие в нашем разговоре по телефону 203—19—22 и по пейджеру 974—22—22 для абонента «Эхо Москвы». Я думаю, что мы не будем ограничивать круг тем. Все, что вы хотите спросить у Василия Аксенова, вы можете это сделать. Но еще у меня есть даже для вас подарки, дорогие слушатели. Если вы чего сегодня что не услышите от Василия Павловича, вы можете прийти на его творческий вечер в большой зал Центрального дома литераторов 22 декабря и задать те самые вопросы, которые сегодня не задали. Еще раз напомню, 22-го числа вечером, поскольку это вечер, в 8 часов начало, Большой зал ЦДЛ. У меня есть три пары билетов на этот вечер, которые мы вам отдадим. Я, кстати, даже попрошу Василия Павловича здесь автограф свой поставить. Это будет красиво. Да? Вы присылаете вопросы или мы будем вопросы ваши принимать по телефону. Так что если вопрос зададите интересный, то и получите пару билетов на творческий вечер Василия Аксенова. Давайте, вот что я хотела вас

спросить, первый мой вопрос, Василий Павлович, вообще, если говорить о поколениях, вы делите на поколения?

В. Аксенов: Ну, это не...

К. Ларина: Людей, окружение.

В. Аксенов: А как еще их не делить? Одна волна уходит, другая приходит.

К. Ларина: Вот есть какие-то поколенческие приметы? Вы себя к кому причисляете? По идее, должен быть какой-то шестидесятник абстрактный.

В. Аксенов: Я, вообще, хронологически я шестидесятник, но вообще к тому понятию, которое существует под этой маркой, я себя не очень отношу. Это не мои такие люди, о которых говорят, вот шестидесятник — вот это вот такой-то, который сидит все время на кухне, обсуждает проблемы. Зануда такой, знаете? А мои шестидесятники вокруг всегда были — это богема в общем-то. Я и сам такой. В это десятилетие я был жутким богемщиком, между прочим.

К. Ларина: То есть там, тусовки, ночные посиделки, клубы, презентации?

В. Аксенов: Побег на остров Крым, на архипелаг Кавказ.

К. Ларина: Ну а если серьезно, что вы в это понятие вкладываете и что вас не устраивает в шестидесятниках?

В. Аксенов: Ну, это мы все, собственно говоря, тогда — шестидесятники. Скажем, те, кто, ну, сидели по кухням, обсуждали текущие политические проблемы, я им аплодирую. Я и сам много раз бывал на таких кухнях и сидел. Или правозащитники, правозащитники, которым я тоже аплодирую от всей души, но никогда сам не был таковым. Не почему-либо, а потому, что просто чувствовал себя другого назначения персоной. И в то же время, скажем, очень много людей в ЦК... Я не знаю насчет людей в КГБ, это все же закрытый орган был, а вот в ЦК было немало таких людей, которых можно причислить к шестидесятникам.

К. Ларина: «Меня к себе зовут большие люди, чтоб я им пел «Охоту на волков»...

В. Аксенов: «Охоту на волков» — вот такие вот. Кстати говоря, в этом смысле и в органах были такие люди, которые его обожали, вот этого певца. И это тоже отражает что-то. Скажем, это люди, которые близки к тому, что я написал в «Острове Крыме». Там Марлен Кузенков такой есть. Вот типичный шестидесятник. Правда, это уже какие-то 80-е или бог знает какие, но, в общем, в глубине души ненавидящий тоталитаризм человек. И таких было немало. Они как-то все понимали, они были циничны в достаточной такой степени, писали, спичрайтерами были для этого бровеносца¹ и других там всяких деятелей. А сами приходили там, скажем, к Эрнсту Неизвестному в студию и там высказывались очень часто. Они вокруг Зиновьева тогда кучковались. В общем, это вот такие, это нельзя так все

¹ Леонид Брежнев.

одним цветом мазать — шестидесятники. Ну, сразу появляется шаблон такой, какая-то говорящая фигура. Это совсем не так.

К. Ларина: Если говорить вот о переломе в вашей жизни, когда вы из советского писателя превратились в антисоветского — это «Метрополь» был? Или раньше?

В. Аксенов: Нет, я думаю раньше, гораздо раньше. Я, в общем-то, советским писателем был, по-моему, только с моей первой книгой.

К. Ларина: «Звездный билет»?

В. Аксенов: Нет, «Коллеги». Эта книга была написана по ранжирам социалистического реализма. А «Звездный билет» это уже был дерзновенный вызов этому обществу. И они это сразу как-то расчухали. Там ежедневно выходили статьи с громящими названиями: «Фальшивый билет» там, «Билет в никуда» и так далее.

К. Ларина: Но кино-то сняли все-таки?

В. Аксенов: Кино сняли и даже разрешили, потому что климат менялся. Кино, конечно, очень сильно смягчило все. Я вот уже, кстати, привык к таким критикам, как сейчас после «Московской саги». После «Звездного билета» мы привезли картину смотреть в клуб гуманитарных факультетов МГУ, и когда кончилось, был чуть ли не бунт. Кричали мне: «Аксенов, как ты посмел отдать им наш роман?» Вот так вот. Это говорилось не о «Московской саге», а о «Звездном билете». «Как ты посмел отдать им наш роман?» Вот так.

К. Ларина: Вот если уж вы сами произнесли это название — «Московская сага», скажите, пожалуйста, вас не удивило, что в принципе вдруг ни с того ни с сего во время показа и после показа сериала — не будем уже говорить о достоинствах и недостатках, не в этом суть — вдруг возникла эта тема, в кавычки беру, «осквернение советского периода истории». Что во многих газетах, во многих выступлениях вдруг вновь засквозила эта тема, которая, казалось бы, давно должна уже умереть, и вдруг она опять возникла благодаря...

В. Аксенов: В «Литературной газете» особенно.

К. Ларина: В «Литературной газете». Вы читали эту статью?

В. Аксенов: Я читал уже после. Я ведь уехал после восьмой серии, я уехал за...

К. Ларина: Хороший у вас календарь — я уехал после восьмой серии.

В. Аксенов: Тем не менее именно так и было. Я уехал в Биарриц, там у меня была срочная работа. Я там сидел, работал и ничего этого не видел. И никаких статей этих не видел. Потом мне привезли их все, и вот я читал — совершенно совковая статья — в «Литературной газете».

К. Ларина: В «Литературке»...

В. Аксенов: Не знаю, кто автор, потому что это все было из Интернета как-то...

К. Ларина: Чехонадский¹ — фамилия этого человека, ничего мне не говорит. Но вот я запомнила.

В. Аксенов: Вот я не знаю. Но это абсолютно... Кстати, единственное, что мне понравилось, он же в основном бомбил там роман.

К. Ларина: Роман! Мне даже показалось, что он и не смотрел кино, потому что это был бы повод воспользоваться этим поводом.

В. Аксенов: Нет, он смотрел. Он говорил, вот, создатели фильма смягчили гнусные такие темы романа и так далее. И он там приводил цитаты. И одна другой лучше, кстати. Что и вот меня ободрило несколько.

К. Ларина: Но, вообще, для вас это было удивительно, что вновь эта тема возникла?

В. Аксенов: Удивительно то, что эта тема — это меня, кстати, спрашивали и журналисты западные несколько раз уже, а как вы объясняете это, что это одно за другим...

К. Ларина: Вот вы как это объясняете?

В. Аксенов: ...антисталинские, и на Первом канале и все, к такой аудитории колоссальной обращаются, как вы это расцениваете, что это значит? Это все ведь как-то управляется как бы? Ну, я не знаю, это до какой степени управляется и кто решает.

¹ Чехонадский Юрий Николаевич (1946—2007) — поэт, литературный критик, постоянный автор «Литературной газеты».

К. Ларина: Я, честно говоря, об этом не думала, как это, что это антисталинское. Это не антисталинское, это жизнь такая, вот такая наша история. Потому что к сериалам, к экранизациям, к фильмам — вот к «Детям Арбата», к «Московской саге» можно прибавить еще огромное количество документальных фильмов, которые об этой эпохе.

В. Аксенов: Конечно, конечно. Нет, это они называли — вот это антисталинское. А по их представлению, журналистов западных, это уже сталинисты там сидят, в администрации. Я им говорю: «Они могут быть чекисты, но не обязательно сталинисты». И, может быть, в этом есть какой-то смысл, что они так вот поощряют возврат, вроде бы ностальгический возврат... А потом эти журналисты говорили: «А, значит, наверное, они хотят совсем снизить компартию, чтобы развалить коалицию?»

К. Ларина: Боже, как глубоко копают.

В. Аксенов: Да, да, да. Чтобы развалить коалицию левых и правых сил. Вот такие вещи.

К. Ларина: А вы тоже думаете, что это какая-то мировая закулиса?

В. Аксенов: Нет, я не думаю. Я думаю, что просто Константин Эрнст — толковый человек, решил, вот давайте, ребята. У нас есть в обществе — может быть, у них какие-то аналитики таких процессов каких-то общественных — есть интерес. Значит, это может стать каким-то... изделием.

К. Ларина: Товаром.

В. Аксенов: Товаром, да.

К. Ларина: Который будут покупать.

В. Аксенов: Который будут покупать, да. Это с таким коммерческим направлением ума и было сделано, мне кажется, с некоторыми смягчениями весьма существенного характера. Смягчения там есть. Скажем, в романе очень большое место занимают польские события. И Борис Четвертый находится, по сути дела, в карательном отряде, участвует в подавлении Армии крайовой. Ничего этого нет, ни слова об этих делах.

К. Ларина: Да там с самого начала. Там и Кронштадта нет, по сути.

В. Аксенов: Кронштадта нет. Конечно, это можно объяснить недостатком бюджета.

К. Ларина: Вы знаете, что? Если уж мы про это говорим — мы же про это с вами говорили, только не в эфире.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Когда вот первые материалы вы смотрели и когда вы посещали вот... во время съемочного периода приезжали сюда, и вы тогда уже расстроились и уже пережили все свои расстройтва.

В. Аксенов: Ну да. Но вообще я хотел бы видеть такого писателя, который не будет расстроен после экранизации его романа. Это всегда так бывает.

К. Ларина: Ну как? Здесь все-таки... Нет, когда речь идет о сюжетных коллизиях, да и бог бы с ними — и законы другие телевизора, кино и литературы. Но когда речь идет об акцентах исторических и авторских, как мне кажется, — это существенная вещь.

В. Аксенов: Это существенно, да, это существенно. Но в то же время там есть...

К. Ларина: Там нет возмездия. Там нет темы возмездия, которая есть в вашем романе. Если говорить о каждом персонаже.

В. Аксенов: Да, хотя там дан был страстный монолог на эту тему Чуриковой, которая произносит это во время ареста неуместно совершенно. В общем... там много всякого. Там, кстати, есть и неплохие места, Ксения, там есть совсем неплохие места в художественном смысле. Там, например, есть трансформация, переход документального такого изображения в поставленное под документальное. Вот несколько мест таких очень неплохих. Там есть такие вдруг настроенческие, импрессионные такие моменты, когда в момент гибели маршала проходит ветер, например, через сирень. Или когда он выходит, этот опозорившийся доктор, и там восьмерка гребцов гребет. Вот такие вещи неплохие есть.

К. Ларина: Большое спасибо авторам «Московской саги» за то, что такой был эффект произведен Гарри

Поттера, когда вдруг стала переиздаваться огромными тиражами «Московская сага», все стали ее читать. Сейчас то же самое происходит с «Детьми Арбата». И за это, ей-богу, большое спасибо.

В. Аксенов: Я сам читаю сейчас.

К. Ларина: «Дети Арбата»?

В. Аксенов: Нет, «Московскую сагу». А я «Дети Арбата» буду читать.

К. Ларина: Прочтите.

В. Аксенов: Я видел две серии.

К. Ларина: Ну, что. Я бы не хотела, чтобы мы сегодня опять упирались в наше рецензирование просмотренного кинофильма, есть о чем поговорить еще с Василием Аксеновым. И я надеюсь, что наши слушатели разнообразят несколько темы нашего разговора. Поэтому после новостей мы будем принимать и ваши звонки, и смотреть на те вопросы, которые вы присылаете на наш эфирный пейджер 974—22—22 для абонента «Эхо Москвы».

<...>

К. Ларина: ...мы продолжаем разговор с Василием Аксеновым. Я вот смотрела на вопросы, пока шли новости и реклама. Здесь много интересных вопросов, вопросов разных, и философских в том числе. Вот, например, Самуил из Петербурга спрашивает вас, Василий Павлович: «Почему при тоталитарных режимах всегда расцветает культура?»

В. Аксенов: Расцветает культура? Ну, это как понимать слово «культура», мне кажется. «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет», — это кто сказал?

К. Ларина: Товарищ Геббельс.

В. Аксенов: Ну вот. Но вообще культура — это часто вовсе не произведения какого-то гуманитарного искусства или эстетики. А культура, говоря «культура», подразумевают все, включая армию, сапоги солдат, автоматы, закусовые, систему раздачи пищи, бог знает что, это все считается культурой.

К. Ларина: Ну а если говорить опять же о нашей истории, то посмотрите — театр: Эфрос, Любимов, ну, вообще все, что было лучшее создано в театре, «Современник» — это все было при советском тоталитарном строе. Литература, кино.

В. Аксенов: Но ведь, Ксения, это ведь уже разложение тоталитарного строя. Это уже...

К. Ларина: То есть период оттепели?

В. Аксенов: Это период развала, это начало конца. Это именно вот это самое лучшее — период перед революцией. Стендаль сказал: «Не счастлив тот, кто не жил перед революцией».

К. Ларина: Еще вопрос следующий, который я вам сейчас задам. Спрашивают еще раз, как книга называется, за которую получили «Букера», — «Воль-

терьянцы и вольтерьянки». Но еще хочу добавить, что в последнее время вышли еще книжки Василия Аксенова.

В. Аксенов: Три книжки почти одновременно вышли.

К. Ларина: Да, «Американская кириллица» — это все, что связано с Америкой, и «Десятилетие клеветы». Вот по поводу клеветы здесь есть тоже вопросы: «Вас заставляли работать на радио «Свобода»? Это были условия вашей жизни или вы добровольно согласились?» — спрашивает Игорь.

В. Аксенов: Это добровольно согласился подработать немного денег. Никто не заставлял подрабатывать денег. Это очень часто здесь у нас. Вот, кстати, отголоски тоталитарщины. Меня часто спрашивали на встрече с читателями вдруг, да просто молодые люди говорят — а вот американские спецорганы за вами, расскажите, как они за вами следили, как они вас принуждали, там, и так далее? Я их и не видел вообще, совсем, в помине их не было вокруг все 24 года жизни в Америке.

К. Ларина: А здешних видели?

В. Аксенов: Здешних, советских, то есть там, в Америке?

К. Ларина: Нет, здесь.

В. Аксенов: А здесь на меня было давление вот в последние годы перед высылкой, естественно, было серьезное давление очень. И они появлялись то и дело.

К. Ларина: Появлялись как? Случайно или вызывали? А вызывали?

В. Аксенов: Появлялись так. Звонили, скажем, по поводу «Ожога», звонок — и говорят: «Здравствуйте, Василий Павлович. С вами говорят из Комитета госбезопасности». «Здравствуйте! — я кричу. — Здравствуйте, здравствуйте. Наконец-то». Серьезно, вот так говорил. «Ну, мы бы хотели, чтобы вы пришли к нам поговорить». — «Нет, — я говорю, — я к вам не приду. А если хотите говорить, приходите ко мне». — «Ну, как? Может быть, выбрать другой вариант? В гостинице, скажем». — «Нет, — я говорю, — по гостиницам я не хожу. Приходите ко мне». Вот тогда они приходили.

К. Ларина: Приходили домой?

В. Аксенов: Приходили домой, да. И говорили, что, если вы напечатаете «Ожог», нам придется с вами попрощаться. Вот это была такая вещь.

К. Ларина: Прощаться...

В. Аксенов: Не уточняя.

К. Ларина: То есть думай что хочешь.

В. Аксенов: Думай что хочешь, да.

К. Ларина: А потом — встречались вы с ними там, когда вы туда уже уехали? Там они вас не доставали?

В. Аксенов: В Америке?

К. Ларина: В Америке.

В. Аксенов: Они сами-то не выходили, но, мне кажется, порученцы появлялись.

К. Ларина: Чего хотели?

В. Аксенов: Ну, вот один раз мне очень серьезно говорили: «Ты слишком забалтываешься, ты слишком много шутишь».

К. Ларина: По поводу «Свободы» как раз, по поводу радио, да?

В. Аксенов: И это, и еще по поводу книг, там, таких иронических в адрес властей предрержащих в Советском Союзе и в адрес органов. Вот такие вещи и говорили.

К. Ларина: Сегодня опасаются говорить какие-то вещи, как вы думаете, или нет еще?

В. Аксенов: В обществе?

К. Ларина: Вообще, насколько сегодня свободно общество именно на ваш взгляд, Василий Павлович?

В. Аксенов: По-моему, говорить о каком-то резком повороте пока что рано. И я вообще не думаю, что произойдет. Но если только все-таки не произойдет какой-то... такой заговор не осуществится. Если он существует вообще, этот заговор. Мне кажется, этого не будет. Но авторитаризм постепенно пускает корни и, конечно, меня-

ет атмосферу в обществе, но дойти до советского уровня, по-моему, он не сможет, даже в самом мягком варианте. Ну, вот возьмите хотя бы этот самый нэп, о котором мы всегда мечтали, а ведь нэп был ничто по сравнению с тем, что сейчас. Не было ни одной неуправляемой газеты, не было ни одной партии отличной — все, что было, было в подполье или в тюрьме уже. ГПУ безумствовал на самом деле. Разрешался только очень маленький сегмент частной торговли, вот и все. А сейчас — это же неслыханный размах, это просто другое общество совсем. Я думаю, что совладать с ним — это надо устраивать какой-то немислимый кровавый шабаш такой.

К. Ларина: Опять?

В. Аксенов: Да. Да.

К. Ларина: Как вам Украина?

В. Аксенов: Украина, с одной стороны, вдохновляет, с другой стороны — совершенно обескураживает вообще. Но то, что вот они вдруг вышли на улицу в огромном числе, это для меня это абсолютное повторение августа 1991 года московского. С той только разницей, что тем не угрожали танки впрямую, не было угрозы убийств. А там были люди... пошли.

К. Ларина: Время другое, слава богу.

В. Аксенов: Да, да, да. И это проявление вообще, на мой взгляд, проявление духовной революции колоссальной. Говорят, нельзя, чтобы политические вопросы решались на улице. А почему же нельзя-то? Что, в каби-

нетиках ваших только всегда решать, только с подмигиваниями такими? А если вот публика, раз, вышла и все предотвратила, предотвратила такую покорность, вдруг показала, что она не быдло, что это собрание людей гордых каких-то хотя бы. Если не думающих, то гордых, не согласных отдать свое достоинство. Вот так я это и расцениваю. Не знаю, что из этого выйдет, там, похоже, идет как раз к развалу, к развалу федеративному, а может быть, и вообще... Это все-таки разные культуры, разные...

К. Ларина: Вы знаете, любой ценой сохранять государство — я не знаю. Вон, Чехословакия стала Чехией и Словакией.

В. Аксенов: Ну, конечно, конечно. Особенно в условиях объединяющейся Европы, чего особенного? Я даже вот думаю, я же там живу довольно часто, в этой Басконии. И думаю, ну чего они, баски-то? Ну, дайте им независимость — они тут же войдут в единую Европу.

К. Ларина: Конечно.

В. Аксенов: Какая разница? Шенгенское соглашение будет. Они будут только выпрашивать больше субсидий. Вот и все. И так же и с Украиной можно сделать.

К. Ларина: Чем вы объясните такую апатию сегодняшнюю в российском обществе? Она же ощущается.

В. Аксенов: Я думаю, что это даже, может быть, не апатия, а такое успокоение. Вот наконец-то и дома, и пожарать что есть, и спорт ожил, и музыка, и бордель-

чики есть, куда сходить. И все такое, и славно как-то, все-таки можно. Вот это такое настроение, катастрофа отступила — вот это настроение. И пока надо держаться вот этого, не дай бог, все еще так шатко вообще. Но под эту марку может действительно возникнуть такая... ожиревшая такая свинья с отрыжкой. Да.

К. Ларина: По поводу публичной политики я вспомнила фразу сакраментальную нашего спикера Бориса Грызлова: «Парламент — это не место для политических дискуссий».

(Смеются.)

В. Аксенов: Это он сказал так?

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: Классно.

К. Ларина: Понимаете, видите, вот этим все и сказано.

В. Аксенов: А мне очень понравилось, как Немцов рассказал московский анекдот о Януковиче. Не знаете?

К. Ларина: Нет.

В. Аксенов: Что его назначили президентом условно-досрочно. Это смешно.

К. Ларина: Тогда я вам расскажу еще один анекдот — что президент Российской Федерации очередной

раз поздравил Януковича с победой, а заодно высказал уверенность в скорейшем выздоровлении Ясира Арафата. Вот видите, какие анекдоты пошли?

В. Аксенов: Это в точку. Это показывает что-то, одно время вообще не было никаких.

<...>

В. Аксенов: Это реплика, да. Уже вы сами ответили на ваш собственный вопрос. Но я могу сказать, что... я могу сказать, что уже они определили как-то своих врагов вот в лице арестованных олигархов, бизнесменов, вообще в этом накате на большой бизнес, что является колоссальной ошибкой с их стороны. И я не думаю, что будет какая-то уж повальная охота на ведьм. Но вот что там происходит, как мне кажется, это потеря контакта с действительностью. В этом я почти уверен. Они потеряли ощущение того, что на самом деле происходит. И у нас, и рядом с нами¹.

К. Ларина: И в мире.

В. Аксенов: И в мире.

К. Ларина: От этого столько позору.

В. Аксенов: Да, да.

<...>

В. Аксенов: Я только что уже... На этот вопрос я отвечал в течение последних 10 минут. Вот то,

¹ Ответ на реплику слушательницы по поводу того, что «власть набрала слишком большую силу».

что я сказал. Развитие политической обстановки непредсказуемо, но и не катастрофически, мне так кажется¹.

К. Ларина: Непредсказуемо все-таки, вы считаете?

В. Аксенов: Оно вообще непредсказуемо нигде. Все-таки внезапные какие-то развития наступают. Кто мог предсказать два года назад, что Киев весь выйдет на улицу?

К. Ларина: Никто.

В. Аксенов: Никто.

К. Ларина: Хотя была уже «Кучма, гэть», уже была такая история.

В. Аксенов: Все-таки мы всегда думали, что мы, москвичи, далеко впереди в смысле выражения наших свободных мнений. А оказалось, что Киев все-таки встал.

К. Ларина: Тогда перед тем, как следующий звонок принять, все-таки задам следующий свой вопрос, тоже не литературный. На ваш взгляд, провал правых партий, ну, либералов, скажем так, на выборах в парламент — это закономерность была?

В. Аксенов: Я думаю, это была закономерность, вызванная колоссальными ошибками, которые они совершили в создании своего образа, в проведении своих

¹ Ответ на вопрос слушателя о развитии политической ситуации в России.

реформ, в недостаточных усилиях по контакту с публикой, кстати говоря. Даже хотя бы потому, что они назвали себя правыми силами. В нашей публике отношение к правым силам всегда отрицательное у нас.

К. Ларина: Как и к левым.

В. Аксенов: Как и к левым, да. Но к левым все-таки это ближе. И так называть себя, скажем, правыми силами и искать поддержки у либералов на Западе, это, предположим, очень сложно. Это не правые силы на самом деле, это силы либеральные. Другое дело, что слово «либеральные» украдено Жириновским, но тем не менее надо было все-таки держаться. Я так иногда думаю, что если бы они просто назвали себя «либералы — сторонники Запада», и то было бы гораздо больше последователей у них, чем просто правые, Союз правых сил. Потому что народ это сбивает с толку — что это значит, правые силы?

К. Ларина: Ну, я не думаю, все равно все прекрасно понимали, кто это. Кто «Яблоко», кто СПС, можно еще там назвать парочку более мелких партий.

В. Аксенов: Да нет, голосующие массы не понимали.

К. Ларина: Да?

В. Аксенов: Нет, нет. Это понимало крошечное число интеллигенции.

К. Ларина: Хотя да. Если говорить там про крупные города...

В. Аксенов: Надо говорить, вот они там начали уже перед самыми выборами — вот вы хотите жить как...

К. Ларина: ...в Швейцарии.

В. Аксенов: ...во Франции, как в Швейцарии, как в Швеции и так далее, тогда голосуйте за нас. Но это не доходчиво, это не убедительно, это в общем... Как-то потеряли момент, потеряли момент, потеряли вдруг красноречие. И продули.

К. Ларина: А сегодня, на ваш взгляд, есть какая-то реальная демократическая жизнь в стране?

В. Аксенов: Демократическая жизнь, разумеется, есть. И доказательство тому — наш с вами диалог, Ксения. Такие диалоги происходят повсюду.

К. Ларина: В телевизоре нет уже.

В. Аксенов: Да и в телевидении даже есть.

К. Ларина: Да?

В. Аксенов: В телевидении я видел «К барьеру», где Новодворская и...

К. Ларина: Анпилов, да?

В. Аксенов: Нет, нет.

К. Ларина: А с кем?

В. Аксенов: Новодворская против...

К. Ларина: По-моему, Анпилов там был.

В. Аксенов: Нет, не Анпилов, а Хинштейн.

К. Ларина: А, Хинштейн.

В. Аксенов: Ну, это такое столкновение было невероятное, такое даже трудно себе представить.

К. Ларина: А вот сейчас был, мы с Ириной Петровской обсуждали, последняя программа Немцов и Леонтьев. Тоже два мира, две позиции.

В. Аксенов: Вот, вот вам, пожалуйста, да. Два мира — два Шапиро. Так получается.

<...>

В. Аксенов: Да, меня, кстати, это не очень заботит. Я не очень стремлюсь к расширению своего читательского круга, а, напротив, к сужению¹.

К. Ларина: Почему?

В. Аксенов: Да потому что действительно в этом вопросе кроется понимание того, что уже такие привычные жанры, как серьезный роман самовыраженческий, он идет вниз. В этом нет сомнения. А идет такое коммерческого типа сочинение под названием роман. Вот его

¹ Ответ на сожаление слушательницы в связи с тем, что у серьезной литературы мало читателей.

и читают. Ну и ради бога, слава богу. Это не значит, что надо отказываться от неожиданных успехов, как вроде вот в моем случае. Но вообще, если меня будет читать небольшое количество вместо большого количества, я буду этому только рад.

К. Ларина: «Трепите, зверюшки, трепите, — пишет нам Николай. — Скоро закончится ваше времечко, скоро загоним вас на очистительный мороз. Выжгем, — хм-хм, — каленым железом всю вашу гниль».

В. Аксенов: Не выжжем, а выжгем?

К. Ларина: «Выжгем» написал.

В. Аксенов: Ты сначала среднюю школу окончи, Николай, а потом уже выходи в эфир.

К. Ларина: Александр к вам претензии имеет по поводу образа Блюхера. «Считаете его героем, а он был отпетым мерзавцем», — считает Александр.

В. Аксенов: И я так же считаю. И это, кстати, в романе, если... вы прочтите роман в дополнение к вашим сериалам, и тогда увидите, что там сказано.

К. Ларина: Читаю все подряд, Василий Павлович: «Мы вам покажем успокоение на Бутовском полигоне НКВД», — пишет нам Олег из Москвы. «Современник» не напрасно привез в Киев спектакль «Бесы», а вы здесь восторгаетесь оранжевой бесовщиной», — пишет Анатолий Федорович.

В. Аксенов: Да? Много у вас, оказывается...

К. Ларина: ...поклонников...

В. Аксенов: Поклонников, да, да.

К. Ларина: Вот вопрос простой и мирный. Наташа спрашивает: «Когда вы вынуждены были уехать за границу, вы уже знали иностранные языки?»

В. Аксенов: Я знал английский, в общем, прилично и немецкий немножко. Французского не знал.

К. Ларина: «Сколько сейчас паразитов, — пишет нам Ахмат из Уфы. — Сейчас репрессии нужны как очистительный воздух. Придут к власти сильные, ответственные люди, они восстановят СССР и спасут нашу культуру».

В. Аксенов: Вы знаете, раньше у вас, Ксения, не было таких слушателей.

К. Ларина: Я просто раньше не читала. На самом деле, вы правы, градус повысился.

В. Аксенов: Это, по-моему, какая-то кампания... какая-то, направленная...

К. Ларина: Нет-нет-нет, это просто я читаю специально, чтобы...

В. Аксенов: ...специально против «Эха Москвы».

К. Ларина: ...чтобы вы понимали, что нас много слушает людей, огромное количество.

В. Аксенов: Я знаю, да.

К. Ларина: Сейчас, во время событий на Украине, говорю вам как очевидец, здесь вот работающий на «Эхе», поскольку у нас огромное количество опросов интерактивных проходит в прямом эфире. Задаем вопросы, а люди нам звонят. Во-первых, огромное количество людей — то, что касается Украины. Все, что касается Украины, — 9 тысяч, 8 тысяч людей. Это цифры наших опросов в прямом эфире. Но абсолютно пополам расколото общество как украинское, так и российское.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: И слушают и те, и другие, но все «Рикошеты», все опросы — половина наполовину. Поэтому я читаю все подряд, некогда выбирать.

В. Аксенов: Вы знаете, я хочу сказать этим злобным дуракам, что то, чего они жаждут — вот массовых репрессий, — убьет и их всех, что и они тоже станут, может быть, самыми первыми жертвами своей мечты.

К. Ларина: Вот почему-то никогда об этом не задумывается человек. Человек так устроен. Может быть, поэтому и нужно — мы уже сегодня об этом говорили, — может быть, поэтому и нужно почаще читать, чтить историю недавнюю. Потому что, увы. Василий

Павлович, да, про Блюхера. Я хочу найти что-нибудь приличное. «Будете ли вы переиздавать вашу лучшую книгу «Мой дедушка — памятник?»»

В. Аксенов: Это, кстати, очень интересно.

К. Ларина: Хороший вопрос какой. Наташ, спасибо вам.

В. Аксенов: А нельзя ли ее спросить, сколько ей лет.

К. Ларина: Наташ, откликнитесь и сообщите нам, пожалуйста, свой возраст. Мы не будем его озвучивать в прямом эфире. Просто напишите на пейджер.

В. Аксенов: Дело в том, что у меня есть проект такой. Меня часто спрашивали — вот есть две этих детских книжки. Это в каком-то смысле Гарри Поттер 20 лет назад, 25 лет назад. «Мой дедушка — памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит» про того же самого героя.

К. Ларина: А, помню. Мы говорили тоже с вами про это.

В. Аксенов: Про того же самого героя Гену Стратофонта. Мальчик 12-летний, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. Так это называется. И мне всегда все говорили: «Напиши трилогию, напиши третий том». И у меня есть идея

написать третий том об этом Гене Стратофонтове, которому сейчас 45 лет¹. Понимаете, самую немыслимо взрослую книгу.

К. Ларина: Современную, сегодняшнюю.

В. Аксенов: Абсолютно современную, как завершение этой фантастической трилогии.

К. Ларина: Я могу озвучить возраст Наташи: «Мне 14 лет. Эту книгу любит мой папа. Он читал ее в «Пионере», в журнале».

В. Аксенов: Потрясающе! Это потрясающе. Это просто потрясающе. Я-то думал, что это какой-то 40-летний, как папа.

К. Ларина: Нет, так, видите? Вот из поколения в поколение, из уст в уста, что называется.

В. Аксенов: Тогда там будет 13-летний сын 45-летнего героя.

К. Ларина: Наташ, большое вам спасибо. Мне как-то даже жалко с вами расставаться. Такую замечательную ноту вы нам подарили под финал нашего разговора.

В. Аксенов: Слава богу, да. Всего доброго, господа радиослушатели.

¹ Имеется в виду роман «Редкие земли».

«Эхо Москвы»,
3 июля 2005 года

Ведущие: Майя Пешкова, Ксения Ларина

К. Ларина: <...> Я вот вчера, между прочим, когда готовилась к программе, залезла — судьба меня вывела, знаете, куда?

В. Аксенов: Да?

К. Ларина: Угадайте, вот куда меня вывела судьба, когда я по новостям открыла — «Аксенов»...

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Думаете, к «Букеру»?

В. Аксенов: Нет.

К. Ларина: Нет. А на сайт Михаила Борисовича Ходорковского.

В. Аксенов: А, вот так, да?

К. Ларина: Вот туда меня вывела судьба.

В. Аксенов: Ага.

К. Ларина: И там список, огромное количество телеграмм, которые пришли в адрес Михаила Ходорковского в день его рождения...

В. Аксенов: А, да-да-да.

К. Ларина: И этот список открывает как раз Василий Павлович Аксенов. Но я думаю так, по алфавиту.

В. Аксенов: По алфавиту.

К. Ларина: Да. Ну, давайте, раз уж я с этого начала, давайте с этого мы начнем.

В. Аксенов: Давайте.

К. Ларина: Потому что вы были на суде, да?

В. Аксенов: Я был, да, там.

К. Ларина: А почему вы туда пошли?

В. Аксенов: Я пошел, во-первых, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение...

К. Ларина: А вы знакомы?

В. Аксенов: Нет. Первый раз встретились в суде. Первый раз. И за мной пошел, вместе мы с Толей Най-

маном пошли. Он спросил: «Ты куда сейчас?» Я говорю: «Я в суд». Он говорит: «Ну, и я пойду с тобой». И вот мы пришли. И там я сидел, мы сидели так в метре от клетки. И Михаил Борисович очень рад был. Он мне так начал говорить: «Я читаю, — говорит, — ваши книги там все время», — и, в общем, все такое. И я хотел ему руку пожать сквозь эту решетку, но боец сказал: «Это нельзя делать», — но вежливо довольно-таки. Не разрешается. И так вот я сидел там все время. Мы обменивались взглядами довольно красноречивыми. Был Падва¹, там выступал, весь этот сегмент занял Падва, разбирает какой-то...

К. Ларина: ...эпизод.

В. Аксенов: ...эпизод в обвинительном заключении, и меня поразило, с какой дотошностью он это делал. И как-то так, ну, безусловно, очень убедительно. И со знанием дела, и знание всего этого материала — удивительно. И в какие-то моменты наступал такой, появлялось ощущение абсурдности вообще этого обвинения. И тогда, ну, как-то так все... Но ничего, сидел прокурор — крайне неприятной внешности человек. Шохин², по-моему. Да, мрачно, неприятно улыбался. Вот. А потом объявили перерыв, и все разошлись.

К. Ларина: Какие аналогии возникли у вас как у писателя?

¹ Падва Генрих Павлович (р. 1931) — адвокат М. Б. Ходорковского на судебном процессе.

² Шохин Дмитрий Эдуардович — гособвинитель на процессе.

В. Аксенов: Самое страшное впечатление клетка, конечно, производит. Вообще, я уже говорил об этом, что это такой символ нашего позора национального. Что двух блестящих молодых людей, принимавших участие, в общем, в создании нынешнего мира, демиургических таких, я бы сказал, людей, засадили в эту гнусную клетку, в которой надлежит сидеть террористам, наркобаронам каким-нибудь, вообще такому криминальному элементу. И это, конечно, ужасно. Совершенно ужасное ощущение.

К. Ларина: А какие мотивы вас все-таки побуждают защищать Михаила Ходорковского? Тем более лично вы не знакомы. Что это такое?

В. Аксенов: Ну, это сугубо гражданское такое ощущение. Я все-таки считаю себя не только таким писателем, знаете, сочинителем, но и отчасти и гражданином, да. И вот это ощущение того, что происходит суд скорый и неправый, — то есть он в данном случае и не скорый, но еще более неправый, вообще, похожий просто на издевательство. На издевательство не только над ним непосредственно и над Платоном, но издевательство над всеми нами вообще, честно говоря. Никаких там миллиардов не зарабатывали, и в общем, да и он тоже как-то так... не ощущал себя вот членом тусовки такой олигархической, как я понимаю. Они, в общем, оба были трудоголики такие, как говорится, боролись за возрождение этой отрасли, которую довели уже в Советском Союзе до полной ручки. И вообще, это все... я, надо сказать, я сейчас этим еще в литературном смысле занимаюсь¹. Я пытаюсь как-то осмыс-

¹ Имеется в виду работа над романом «Редкие земли», где одним из прототипов главного героя является М. Б. Ходорковский.

лить, что произошло с этим поколением. Вот те, кто еще в комсомоле были, знаете? И вообще какую-то переоценку комсомола пытаюсь сделать. Он не так прост был — комсомол, на самом деле. Как ни странно, комсомол был альтернативой геронтократии вообще в Советском Союзе. И что-то все-таки от них шло, какое-то дуновение свежего воздуха, несмотря на всю их вовлеченность в эту...

К. Ларина: Ну, из них и много подлецов вышло.

В. Аксенов: Очень много, очень много, а все-таки были. Я прекрасно помню 70-е годы, 60-е даже годы, когда появились, скажем, молодежные кафе. Это же инициатива комсомола на самом деле была. И в этих молодежных кафе были выставки неофициальных художников, был джаз, играли джаз. Они туда приходили, мы, конечно, им очень не доверяли, а они смотрели нам в рот и говорили: «Ну, как ты вообще вот? Ну, что ты, как ты к этому относишься?» Или — к тому, или к сему. То есть они какие-то формулировки пытались для себя какие-то выработать. Уж не говорю о том, что... что такое вообще Фестиваль молодежи и студентов 1957 года? В эту чудовищную страну, которая еще не проснулась от страшного тоталитарного кошмара, и вдруг 150 тысяч иностранной молодежи. Как бухнулись туда, и невероятно все были потрясены. И повсюду играли оркестры, повсюду шли пьесы и выставки, и мы узнали массу имен, и все это вообще сдвинулось. Это просто какое-то начало нового века.

К. Ларина: Ну, это как смотреть, Василий Павлович, ну что вы? Ну, в конце концов, есть взгляд Жида, есть взгляд Фейхтвангера. В одно и то же время.

В. Аксенов: Ну, да, ну, разумеется, но дело в том, что это все-таки ощущение того, что внутри правящего класса появились какие-то силы, которым уже надоело это, они не могли уже этого терпеть. Они этого не выражали и, может быть, сами не знали.

К. Ларина: То есть как Демплатформа в КПСС.

В. Аксенов: Да, да-да. Но не Демплатформа, но в общем, они, конечно, были ортодоксальны в этом смысле, то есть просто не продумывали это все. Но это было своего рода, конечно, не восстание... Восстания, настоящие восстания поднимались. И были бунты в Советском Союзе. Об этом мы до сих пор ничего не знаем, и об этом не говорят. Скажем, почему бы не поговорить на тему... о восстании в Коми, когда две недели она была во власти заключенных, республика практически?

К. Ларина: Это когда?

В. Аксенов: В 1952 году. Потом ее подавили танками и авиацией — вот эту республику. Мой отец был рядом с этой зоной в это время, в лагерях там. В Экибастузе восстание было. Было восстание в узбекском одном городе, я забыл — Тахаус, Тешаус, вот какое-то такое вот. Это все в лагерях были восстания. Вообще, назревала жуткая, страшная революция. И если бы Сталин не умер, она бы, скорее всего, разразилась бы. Мне так кажется.

К. Ларина: Значит ли это, что все эти размышления, они каким-то образом уже просятся на лист?

В. Аксенов: На лист я хочу... у меня несколько странная такая ситуация сейчас: у меня есть две детских книги, в 70-е годы написанных...

К. Ларина: Да, мы с вами про это говорили, да, я помню.

В. Аксенов: Да-да-да, «Дедушка-памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». И мне в течение долгих-долгих лет многие говорили: «Ну, напиши третью книгу. Сделай трилогию». Я говорю: «Напишу как-нибудь, напишу, напишу». И вот я начинаю так понемножку писать эту третью книгу, в которой Гене Стратофонтову 43 года. Это вот третья книга будет. (Смеется.)

К. Ларина: Слушайте, как интересно.

М. Пешкова: Я хотела спросить о той книге, которая должна вскоре выйти в «Вагриусе». «Зеница ока» — таково ее название. Насколько эта книга близка к мемуарам? Это действительно мемуарное произведение?

В. Аксенов: Нет-нет, это совсем не мемуарное, но, в общем, это вот то, в чем я мог как-то приблизиться к этому жанру. И в принципе я этот жанр для себя не принимаю, потому что вся моя жизнь уходит в беллетристику, фикшн, и, в общем, эта ностальгия... Для чего писать? Там об этом тоже сказано, в предисловии. Некоторые говорят: «Это твой долг — написать о времени». А о чем же я еще пишу-то? Конечно, о времени. Ностальгия — а литература для меня во-

обще это синоним. Литература и ностальгия. Вообще. И смешно требовать еще какой-то ностальгии от автора 25 романов, который продолжает еще писать, знаете? Я это все, все пишу. Но Лена Шубина — редактор, замечательный, по-моему, редактор этого издательства, она придумала вот такую — собрать периодику. Собрать из периодики, из «Московских новостей» мои вещи, из «Огонька» — то есть лошаковские такие вещи.

К. Ларина: И с чего началось?

В. Аксенов: И начинается это с каких-то... такие вот небольшие, я писал им такие колонки, четырехстраничные колонки довольно часто. Их много там у меня, с 1995-го, что ли, или 1996 года.

К. Ларина: То есть продолжение того жанра, который заявлен в книге «Десятилетие клеветы»?

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Там уже на свободе.

В. Аксенов: Там через эти вражеские радиостанции, а здесь вот через дружественную газету.

К. Ларина: Вообще, насколько публицистика долговечна, на ваш взгляд, вот в книгу собранная?

В. Аксенов: Я думаю, что вот в этом смысле — в смысле оживления памяти, она действует.

К. Ларина: Спрашиваю и знаю ответ, Василий Павлович, простите, потому что прочитала с огромным удовольствием, если можно так сказать, книгу вот «Десятилетие клеветы».

В. Аксенов: «Десятилетие клеветы».

К. Ларина: Да, она меня поразила абсолютной актуальностью сегодняшней. Абсолютной.

В. Аксенов: Да, а главное, что она все-таки напоминает об этом забытом десятилетии. Как ни странно, 80-е выпали вообще из контекста. Я хотел, чтобы вот так немножко подвинуть ближе все это.

К. Ларина: Кстати, именно в этой книге я прочла ваше наблюдение, на которое я уже ссылаюсь, когда у нас были здесь бурные баталии по поводу Сталина...

В. Аксенов: Ага.

К. Ларина: Вот прочитала у Василия Павловича, что когда он приехал сюда в Советский Союз после долгого отсутствия, его поразила вдруг опять актуальность этой темы — хороший или плохой Сталин.

В. Аксенов: Да. Да-да.

К. Ларина: Он так пишет, вы там говорите — ну, казалось бы, это уже давно закрытая страница, уже все, уже решили давным-давно, и опять. А сейчас уже смотрите, какой круг мы переживаем. Опять.

В. Аксенов: Ну, там тоже в этой книге «Зеница ока», там будет разговор об этом упорном нежелании отвернуться от этого прошлого. То есть там даже есть такая статья «Ностальгия или шизофрения». Вот об этом было напечатано в «Московских новостях». Потом еще какие-то она отобрала рассказы, очень тесно связанные со мной, с моей жизнью. И это тоже как-то так близко подходит к ностальгическому... то есть к этому, к мемуарному жанру. В частности, скажем, «Три шинели и Нос» — про три моих пальто в юности и про Носа, который гулял по Невскому проспекту. Такой стилинга по фамилии Носов.

К. Ларина: (Смеется). Эта книжка когда выходит, Май?

В. Аксенов: Она выходит в августе, по-моему, в августе.

К. Ларина: И фотографии уже пора публиковать в таких книгах, Василий Павлович.

В. Аксенов: И фотографии.

К. Ларина: Есть уже наконец?

В. Аксенов: Там много фотографий. Они собрали, я, у меня же все раскидано на три дома, на три страны, и я не знаю точно, где мои фотографии лежат, где там какие книги, и все. Но они вот как-то собрали, я чего-то там собрал, у людей разных они попросили, и там есть очень интересные фотографии. Забавные такие.

М. Пешкова: Еще одно произведение на вашем рабочем столе — «Тамарисковый лес»¹. Мы скоро прочитаем эту книгу?

В. Аксенов: Вот эта «Тамарисковый парк» — это как раз третья книга.

М. Пешкова: Вот эта, да?

В. Аксенов: Да-да-да.

К. Ларина: Поколенческая получается история.

В. Аксенов: Да, происходит в стране тамарисков — в Биаррице. Там тамариск главное растение. Тамариск.

М. Пешкова: Василий Павлович, говорят, вы недавно побывали на Земле обетованной...

В. Аксенов: Да.

М. Пешкова: И выступали там перед аудиторией...

К. Ларина: А что, это впервые было в вашей жизни?

В. Аксенов: Да-да-да. Четвертый раз. Четвертый раз. И я там три выступления проделал.

М. Пешкова: Три вечера, да?

¹ Первоначальное название романа «Редкие земли».

В. Аксенов: Три вечера, да. Одно выступление в Хайфе, я там раньше не был. Потом выступление в Иерусалиме и выступление в Ариэле — такой маленький город на территориях уже, в глубине арабской земли, такой еврейский город.

М. Пешкова: Как вас принимали?

В. Аксенов: Вот там самая интересная была аудитория.

М. Пешкова: В этом городке?

В. Аксенов: В Ариэле, да. Ариэль выглядит как какой-то средневековый итальянский город из Тосканы. Он такой на холме, на вершине холма стоит, окружен весь забором. Ну, там, значит, бойцы, наши там стоят (*смеется*). Много русских среди них. А внизу — обширные долины враждебной земли вообще. Но там масса русских интеллектуалов почему-то скопилась, живут там. И аудитория, которая там была, просто меня поразила. Это все равно как ты где-нибудь, ну, в Академгородке в 70-е годы. Вот такого рода люди. Физики и лирики, вообще-то.

К. Ларина: Действительно Земля обетованная.

В. Аксенов: Земля обетованная. И все знают, все читали. Напоминают какие-то вещи, которые я уже забыл свои собственные. Они напоминают.

К. Ларина: Где это, еще раз скажите?

В. Аксенов: Ариэль называется.

К. Ларина: Вот как в том анекдоте — бросить бы все и в Ариэль.

(Смеются.)

В. Аксенов: Да. Один ко мне подошел офицер, армейский офицер, врач... ну, военный медик, и подарил мне бутылку вина из... с этой, как ее? Ну, вот у Сирии там... Голаны, с Голан, из города Гамбла. И вино называется «Гамбла». Я написал: «Гамбла всегда будет наша».

<...>

В. Аксенов: Это Алексей. Мой сын Алексей, высокий мужчина, крепкий, художник кино по профессии, большой специалист своего дела... большой мой друг и... вот что я могу о нем сказать.

К. Ларина: Буквально когда у нас предыдущая передача закончилась — про кино, Виктор Мережко как раз похвалился, что вот совсем на днях уже появится кино...

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Фильм, в котором работал Алексей как художник, да?

В. Аксенов: Да, ну, он, в общем-то, семь картин, семь фильмов уже сделал. Так уже ветеран как бы оте-

чественного кинематографа. А в период кризисный он работал в рекламе очень долго, делал рекламные ролики. Потом снова вернулся в кинематограф. И сейчас снимает тоже. Очень востребован сейчас стал.

<...>

В. Аксенов: Да-да, это очень трудно вспомнить, но все-таки я помню, когда мне было лет 12, шла еще война. Нет-нет, уже война кончилась, по-моему. А, значит, мне было меньше — мне было лет 10. Шла война. И меня очень почему-то занимали бои в полярных морях, когда там шли караваны с ленд-лизом к советским берегам, а половина из них ведь погибла этих людей. Везли нам помощь. И море вот, в море. И я вдруг стал писать длинные-длинные поэмы про какие-то подводные лодки...¹

К. Ларина: В стихах?

В. Аксенов: В стихах. Поэмы про подводные лодки, про битвы там, и русские, и американские, англичане там были и немцы. И, в общем, длиннейшие какие-то безобразные поэмы я писал тогда.

К. Ларина: Не сохранили?

В. Аксенов: *(смеется.)* Нет, к сожалению, не сохранил. Но потом я стал писать стихи тогда уже в романтическом периоде, там посвященные разным девушкам

¹ Ответ на вопрос слушательницы, когда Аксенов начал писать.

из параллельных классов. Вот. И так сочинительство-вал. И только уже будучи в мединституте, я стал писать прозу.

К. Ларина: А стихов не помните наизусть?

В. Аксенов: *(смеется.)* Нет, стихов...

К. Ларина: Ну, вспомните...

В. Аксенов: Нет-нет-нет. Я, стихи-то я забросил, и вот только в старости опять стал писать стихи. Для романов.

К. Ларина: Да-да.

В. Аксенов: У меня много уже стихов набралось. Некоторые говорят, что надо собрать...

К. Ларина: Поэтическую книжку.

В. Аксенов: Книжку, да.

К. Ларина: Конечно, вот почему можно было Пастернаку это сделать, а вам нет?

В. Аксенов: Да, я сделаю это, я обожаю¹.

<...>

¹ Книга «В край недоступных Фудзиям...» вышла в 2007 году в издательстве «Вагриус».

В. Аксенов: Зиновий, я это знаю прекрасно. Я говорю про то, что даже среди вот этих поставщиков были какие-то элементы разочарования — они поставляли, поставляли и думали: «Чего это мы все время поставляем? Хоть бы нам кто-то что-нибудь поставил бы. Пол-литра хотя бы»¹.

К. Ларина: Ну, на самом деле, да, я тоже боялась, что, когда мы начали про это говорить, я волновалась, что немножечко так мы будем идеализировать эту организацию...

В. Аксенов: Да я совершенно не идеализирую.

К. Ларина: ...штурмовиков...

В. Аксенов: Меня травил генсек комсомола Павлов, все время кричал, как тот римский сенатор Катон: «А «Звездный билет» и его автор должны быть низвергнуты». — Он все время говорил: «Задавить его», — и так далее.

<...>

В. Аксенов: А он симпатичный. Велосипедов симпатичный. Я тоже...²

К. Ларина: Не хочется нашему слушателю расставаться с ним.

В. Аксенов: ...ему симпатизирую. Да.

¹ Ответ на реплику слушателя Зиновия по поводу комсомола, который был, по его мнению, «поставщиком тоталитарному режиму».

² Ответ на вопрос слушателя о романе «Бумажный пейзаж».

М. Пешкова: Я хотела спросить по поводу «Острова Крым». Вы написали сценарий. Как обстоят дела, съемки будут? Или уже идут?

В. Аксенов: Я надеюсь, но там наши продюсеры как-то толчутся на одном месте. Но, в общем-то, вот мы решили это делать с Владимиром Наумовым.

К. Ларина: С режиссером?

В. Аксенов: Да. И я вот так смотрю, как-то случайно мы с ним столкнулись на присуждении наград «Золотого орла», и я вдруг, меня осенило, что только он может сейчас сделать такую картину.

К. Ларина: А почему?

В. Аксенов: Я не знаю, но вот со всем его опытом, с его работой над Булгаковым вместе с Аловым, картина «Бег» там и все, с его склонностью к сюрреализму... Вы помните, «Скверный анекдот», например? Да.

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: Все вот эти его данные, его колоссальный профессиональный опыт и очень живое такое состояние души. И я ему сказал: «Володя, если не ты, то никто не может сделать «Остров Крым». И он согласился. И вот я надеюсь, что мы все-таки с ним сделаем этот... по этому сценарию.

<...>

В. Аксенов: Русских я, извините, Лариса, я не могу сейчас об этом говорить, в этом году. Потому что я — председатель жюри премии «Русский Букер». Я не имею права разглашать свои вкусы¹.

К. Ларина: Но там же не все в этом списке имена, которые пишут.

В. Аксенов: А это не важно.

К. Ларина: Есть же люди, которые туда не попали.

В. Аксенов: Да. Ну, не попавших, значит, я унижаю тех, кто попал.

К. Ларина: А, вот так, да?

В. Аксенов: Это секрет.

К. Ларина: А когда это все закончится, когда вы рассекретитесь?

В. Аксенов: Это в декабре, в начале декабря.

К. Ларина: О-о-о.

М. Пешкова: 1 декабря.

К. Ларина: Представляете, сколько вы их накопите к декабрю, и вот там-то мы вас позовем, и тогда уж

¹ Ответ на вопрос слушательницы, кого из современных русских писателей Аксенов считает наиболее интересными.

вы прокричите в эфир все, что вы думаете по этому поводу.

В. Аксенов: Да. Да-да-да. Это я обещаю.

К. Ларина: Да? Слушайте, ловим на слове. Потому что даже вот эти небольшие интервью, которые с вами были в прессе опубликованы, по поводу «Букера», там между строк очень многое читается. Там необязательно фамилии называть.

<...>

В. Аксенов: Ну, вообще-то, если автор так может говорить, я считаю это одним из своих шедевров. «Затоваренная бочкотара» — это очень важный этап в моей работе. И мне там удалось то, что я никогда и не думал бы, что я смогу сделать. Это вот приближение... Когда нам тогда, в те времена говорили: «Вот, вы оторвались от народа, ничего не знаете, вот у нас деревенщики есть, вот они вот все вот только и могут об этом написать». И когда вот я написал «Бочкотару», тут я сам себе сказал: «Теперь ты тоже деревенщик». Вот. И тут произошло, так сказать, слияние вот этого жанра... жанра каких-то российских охотничьих рассказов и в то же время обэриутские такие поползновения и работа с языком очень серьезная была. В общем, это для меня, это моя любимая вещь¹.

К. Ларина: Несколько вопросов из Интернета. Но я все-таки задам этот вопрос, потому что он повторяет-

¹ Ответ на вопрос слушателя о нынешнем отношении Аксенова к его давнему произведению «Затоваренная бочкотара».

ся в разных вариантах, возвращаясь опять к теме Ходорковского. Просто очень хотят наши слушатели знать ваше мнение по поводу вот этой системы бесконечных открытых писем. Вот я выбрала самый такой политкорректный вопрос, Михаил Ефимов из Санкт-Петербурга: «Уважаемый Василий Павлович, как вы относитесь к письмам интеллигенции? Одни пишут в поддержку Ходорковского, а другие пишут в поддержку решений суда над ним».

В. Аксенов: Я, признаться, не читал еще вот этих последних писем в поддержку суда. Но вообще-то они меня просто повергают в полнейшее недоумение. Там среди этих авторов этого письма есть какие-то более или менее достойные имена. И я не понимаю... А с другой стороны, в общем, это их право — высказывать свои мнения. И, может быть, в этом есть некий положительный элемент, что может продолжаться и продолжаться дискуссия, а не уйдет все в песок. Потому что на такие письма следует отвечать, следует сталкивать лбами этих людей и противников суда над Ходорковским. То есть не успокаиваться и не забывать. И, на мой взгляд, все это дело может принять размах дела Бейлиса, который поднял всю Россию вообще когда-то. И Короленко, кажется, писал, да? «Не могу молчать», — свое «не могу молчать». Так что это так просто прокуратуре не сойдет с рук.

К. Ларина: А вы часто ставили свою подпись под коллективными письмами?

В. Аксенов: Нет, не часто, но бывало.

К. Ларина: Вот я вспоминаю только знаменитое «письмо десяти» в 1987 году.

В. Аксенов: «Письмо десяти», да. Меня даже долбала тогдашняя «Правда», Корионов какой-то, товарищ Корионов. Он почему-то сразу поверил, что это я — инициатор, а остальные вот только...

К. Ларина: Это Буковский, по-моему, писал текст-то.

В. Аксенов: Это писали Буковский и Максимов. А мне они позвонили и сказали: «Подпишешь?» Я сказал: «Ну, конечно, подпишу. Как же можно не подписать? Согласен абсолютно со всем».

К. Ларина: А это что, было единственное письмо в вашей жизни, которое вы подписали? Или еще было?

В. Аксенов: Нет-нет, было много. Много. Я уж не помню.

К. Ларина: А нет, за которые стыдно? Вот подпись под которым вы бы сейчас отозвали?

В. Аксенов: Нет, у меня таких не было. У меня была одна моя статья, за которую мне до сих пор стыдно вообще немножко. В 1963 году, когда громил Никита Сергеевич нашу послесталинскую литературу, и мне там в журнале «Юность» сказали: «Вот все уже как-то откликнулись, вроде бы покаяться, а ты еще нет. И вот если ты этого не сделаешь, тогда наш журнал закроют». Такая

была формулировка в разговорах. И тогда я написал статью, которая была напечатана в «Правде» — «О поисках положительного героя». Вот.

К. Ларина: Ну, кстати, ее часто припоминают и сегодняшние мемуаристы.

В. Аксенов: Припоминают до сих пор. Припоминают, да.

К. Ларина: Да, Май.

М. Пешкова: Василий Павлович, а что изменилось в вашей жизни после того, как вы перестали профессорствовать, преподавать? Как-то это отразилось на том, что вы сейчас делаете?

В. Аксенов: Это хороший вопрос, Майечка. Да, между прочим, я до сих пор, ну, как-то все еще ностальгирую — вот единственное, что, уехав из Америки, я потерял, это университет. И мне было очень хорошо всегда в университете. И я с удовольствием вспоминаю свою преподавательскую работу, вообще всех этих, как мы их называли, «кидс» — то есть дети, ребята. Всю вот эту — каждые полгода собирается новая компания, ты с ними начинаешь вообще вести какую-то словесную игру, ты стараешься им так как-то открыть какие-то вещи, хохмишь и все. И в общем это было очень здорово, на мой взгляд. Вот это я вспоминаю как самую лучшую сторону американской жизни за 24 года свои. А вообще, у меня стало больше, разумеется, времени. Я его трачу на литературу, на тусовки в Москве, и, в общем, общаюсь в литературной среде. Все-таки у меня был колоссальный

отрыв от литературной жизни. Когда я был в Америке. Так или иначе, при всех попытках держать контакт, этот контакт слабеет. Слабеет колоссально, если ты находишься далеко. А сейчас он очень плотный контакт, слишком даже.

К. Ларина: *(смеется.)* Уже искрит, да?

В. Аксенов: Уже искрит.

К. Ларина: Я возвращаюсь к вопросам наших слушателей. Михаил из Томска: «Василий Павлович, будьте добры, проведите сравнительный анализ, — ну, не знаю, это надолго, конечно, но попробует Василий Павлович сделать это коротко, — нашего российского телевидения и телевидения зарубежного, прежде всего общедоступного. Где наше ТВ находится по мировым меркам? Ощущаете ли вы его влияние на себя и на людей? Что такое, на ваш взгляд, телевидение в наше время вообще?»

В. Аксенов: О-у, ну, это целый трактат надо писать.

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: Так очень трудно ответить, сидя тут на шестке таком — радио. Я сейчас больше склоняюсь к радио, знаете...

К. Ларина: А вы где-то читаете «Вольтерьянцев»?

В. Аксенов: Я читаю «Вольтерьянцев»...

К. Ларина: Разведка нам донесла.

В. Аксенов: ...в радио «Культура»...

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: Вчера или позавчера был огромный у меня эфир на радио «Культура», мастер-класс. В общем, и вот с вами, как всегда, старожил «Эха», и все такое. Но вообще-то телевидение в России вот в этот переломный период исторический я, при всех там критических взглядах, при всей негативке, которая связана, я считаю, что, честно так говоря, телевидение предотвратило кровавую революцию в России.

К. Ларина: Вот в наше время?

В. Аксенов: Да, вот в 90-е годы — в начале перестройки и после крушения Советского Союза, после всей этой жуткой паники, которая охватила общество, столкновения на улицах, 1991, 1993 год. Все-таки телевидение освещало какой-то мир, каждый вечер в миллионах домов зажигалось это окно. И даже вздорные вроде бы по тем временам рекламы Канарских островов, а они сейчас уже совершенно вполне реальные рекламы островов, они как-то давали людям какую-то надежду, что все устаканится.

К. Ларина: Жизнь налаживается.

В. Аксенов: Да-да, что жизнь налаживается. И даже мексиканские сериалы в этом смысле сыграли огромнейшую роль. Огромнейшую роль. Вместо того чтобы бурлить и выходить на улицу и громить, люди садились и смотрели «Богатые тоже плачут».

К. Ларина: Вот вы тогда объясните мне все-таки разницу — вот это опять же продолжение предыдущей передачи про кино — разница между враньем, обманом откровенным и надеждой, светлой печалью, что называется.

В. Аксенов: Ну, это, с одной стороны, это вроде бы и вранье, это отвлечение, это розовый туман там и так далее, а с другой стороны, это имеет терапевтическое такое действие на умы.

К. Ларина: Ну, можно так усыпить навсегда.

В. Аксенов: Ну, усыпить, а что же, какая альтернатива-то? Альтернативы-то другой нет. Что, выходи, громи сельпо, что ли?

К. Ларина: Нет, конечно.

В. Аксенов: Да. А вот не надо громить сельпо, есть у тебя чай, да, булка есть — давай заваривай чай, положи кусочек сахара, это у тебя есть всегда, и включай «Богатые тоже плачут», а потом посмотри рекламу — и все не так уж плохо, и это какой-то мир, ты не замкнут в этой курной избе вообще, есть выход в мир, там что-то существует вокруг. И мы хотим быть такими, как они.

К. Ларина: Замечательный финал уже для нашей передачи, а еще 5 минут до конца.

(Смеются.)

К. Ларина: Поэтому я вот что вам теперь предложу — Татьяна, наша слушательница с Урала, пишет, простой вопрос вам задает, простой в кавычках, она сама это понимает: «Что ждет Россию в ближайшем будущем и ждет ли ее что-то хорошее? По вашему мнению, но из по-настоящему реальных перспектив». Вот вам что под финал.

В. Аксенов: Россия может пойти в любую сторону, как лошадь, потерявшая хозяина.

К. Ларина: Хозяина нет?

В. Аксенов: Но она может пойти и по правильному пути. Стихийно. А правильная дорога для этой лошади — на Запад. Это единственная дорога, которая приведет в хорошее стойло, где будет спокойная обстановка, где мы будем процветать в будущем.

К. Ларина: А сегодня куда идет?

В. Аксенов: А сегодня стоит и не знает, куда идти. Если потащится на восток, ей конец — поймают, обдерут, освежают, и все. Если потащится, вообще никуда не потащится или потащится на юг, там ислам страшный пожрет. Единственная дорога — это на Запад, примыкать к Западу, надеяться на Запад, не унижаться, конечно, перед Западом. Надо дать понять этим людям, что мы одни из них и что мы хотим быть вместе с ними.

К. Ларина: Так почему же мы упираемся?

В. Аксенов: Потому что в этом обществе очень много психиатрического элемента. Его надо вылечить. Это общество 75 лет находилось под властью самой страшной в истории человечества диктатуры, лопнула социалистическая утопия, в которой каждый пятый был стукачом, каждый десятый был вохровцем, их дети и внуки живут среди нас, голосуют за памятники Сталина и так далее. Про Сталина надо помнить, но памятники ему воздвигать не надо.

К. Ларина: Как-то вот воспроизводится все — вот что меня поражает. Понимаете, вот вы сами сказали, их дети и внуки живы. Их дети и внуки тащат за собой вот эту идеологию.

В. Аксенов: Тащат. Тащат, конечно. Конечно. Даже это бессознательное движение. Ведь сколько уже за эти 15 лет было сказано, открыто страшных тайн, названы цифры жертв.

К. Ларина: И опять сначала все начинается.

В. Аксенов: И все равно ничего не действует на этих людей. Все равно они считают... Ну, надо вот, надо просто жить активно, спорить, посылать коллективные письма, ответы на другие коллективные письма, поднимать голос, все время о чем-то говорить, жить, работать, делать деньги, не воровать...

К. Ларина: Ну?

В. Аксенов: Ну...

К. Ларина: Все?

В. Аксенов: И быть, чувствовать себя свободными людьми.

К. Ларина: Спасибо, Василий Павлович. Все равно кода у нас получилась красивая, у нас такой дубль получился. Классно. Благодарим вас. Ну, я думаю, что мы там на декабрь наметили, я думаю, что мы пораньше обязаны встретиться.

<...>

М. Пешкова: Я полагаю, тогда, когда выйдет в «Вагриусе» ваша книга.

В. Аксенов: Да, давайте. С удовольствием.

К. Ларина: Спасибо вам большое. До встречи.

В. Аксенов: Спасибо всем, кто звонил и слушал.

«Эхо Москвы», 25 марта 2007 года

Ведущие: Ксения Ларина, Майя Пешкова

К. Ларина: Приветствуем! Всегда радостно встречаться с любимым писателем, с любимым собеседником, но особенно, когда есть повод, когда есть что показать. Сегодня есть что показать, сегодня мы представляем новую книгу, новый роман Василия Аксенова, который называется «Редкие земли», и здесь на последней странице обложки в качестве аннотации приведен такой эпиграф, или что это: «Блеск и нищета олигархов. Последним комсомольцам посвящается». Ну вот, об этой книге мы сегодня поговорим, попробуем ее представить, хотя я не читала еще книжку, — вот вчера только нам ее привезли на радиостанцию, я, вот, ее схватила, подержала, принесла сюда специально обратно, на «Эхо», чтобы нам подписал ее Василий Павлович. Майя, ты прочитала.

М. Пешкова: Книга увидела свет 23-го числа, так что мы буквально держим в руках первые экземпляры, которые отпечатаны, а презентация этой книги состоится 5-го числа. Это будет очень большое действо — Василий Павлович, что будет?

В. Аксенов: Я точно не знаю и не очень даже представляю, что будет.

К. Ларина: А что бы вы хотели? Давайте так.

В. Аксенов: Единственное, что бы я попросил устроителей сделать...

К. Ларина: Так.

В. Аксенов: ...чтобы завершилось танцами.

К. Ларина: Конечно. Конечно.

В. Аксенов: Вот.

К. Ларина: Нет, ну правда, как может, вот... вот презентация этой книги? Вот если бы такое делать, такое театрализованное представление, что должно сюда входить? Чтобы, как бы... чтобы человек почувствовал атмосферу именно этой книжки, который туда пришел?

В. Аксенов: Ну, по-моему, там они что-то такое вот готовят.

К. Ларина: Что-нибудь...

В. Аксенов: Вплоть даже до ботанических каких-то вмешательств — деревья привозят из Франции.

К. Ларина: Вишневый сад? Так.

В. Аксенов: Тамариски.

К. Ларина: Тамариски, да.

В. Аксенов: Да. Потом там будет ведущий — Жук...

К. Ларина: Вадим Жук.

В. Аксенов: Вадим Жук, да. Я не знаком с ним, но говорят, что он замечательный.

К. Ларина: Искрометный товарищ.

В. Аксенов: Искрометный.

К. Ларина: Из Петербурга. Да.

В. Аксенов: Да. Потом, там будет джаз, но, к сожалению, не Козлов, который заболел, а очень тоже замечательный музыкант из «Аквариума» — Олег Сакмаров. Может быть, он будет... вот я буду там в конце читать стихи, посвященные редкоземельным элементам. Там 11 стихотворений, посвященных... посвященных 17 редкоземельным элементам.

К. Ларина: А вот я уже... я прямо сразу и открыла. «Воображение мне нашептало», «Здесь цель разведки», «Крупинки серые»...

В. Аксенов: Нет, нет, это Кирсанов.

К. Ларина: Вот это вот?

В. Аксенов: Это вот, то, что вы читаете, — это Семен Кирсанов.

К. Ларина: Серьезно? Это не ваши стихи?

В. Аксенов: Нет, в самом конце, в самом конце, уже после завершения романа.

К. Ларина: А, вижу, вижу, вижу, вижу.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: «Вблизи селения», да?

В. Аксенов: Хотите, прочту?

К. Ларина: Давайте, конечно.

В. Аксенов: Ну вот, последний стих — тут все они присутствуют...

К. Ларина: Перечислены.

В. Аксенов: ...все эти элементы. А последний, лютеций, по имени французской столицы древней назван этот элемент, и читается так. Из редких редчайший лютеций в толпе элементов и сплавов встречаешься ты, как литовец в толпе мусульманских арабов. Вот лето приходит, и с лекций студенты бегут, словно плутни, и тучи вскипают, как клецки, под пенью божественной лютни. Ты мчишься, как клубень летучий, не хочешь в глуши приютиться. Летишь ты в просторах, лютеций, моя одинокая птица.

К. Ларина: Красивое очень все это... а почему вы выбрали в качестве героев редкие эти самые, земли-то? Элементы.

В. Аксенов: Это...

К. Ларина: Что вас с ними связывает?

В. Аксенов: Ну, развитие романа, на самом деле...

К. Ларина: Почему такой образ взяли?

В. Аксенов: Они входят в развитие романа, потому что я не задумывал заранее. Но потом, когда я коснулся того, чем занимается, вот, описываемая мной корпорация, и подумал, что если будет опять нефть или газ, то это как-то банально уж очень будет звучать. И вдруг, вот, пришла в голову идея ввести редкоземельные элементы, без которых, в принципе, современная индустрия даже и существовать-то не может. Они... при их помощи возникают вот такие технологические сплавы такие, высокотехнологические сплавы.

К. Ларина: Ну, я так понимаю, что этот образ имеет отношение к героям книги, да, вот?..

В. Аксенов: Конечно, отчасти. Ну, он образует главную метафору книги. Там много разных метафор. И комсомол — это тоже метафора, конечно. Но вот эта, эти редкоземельные элементы, они становятся главной метафорой, которую можно назвать редкость, да? Мы живем, так сказать, во Вселенной, как

пример совершенно невероятной редкости, да? Земля сама по себе, да, человеческая раса на Земле — это еще одна немыслимая редкость, а в этой человеческой расе есть люди, которые до чрезвычайности редки.

К. Ларина: А почему все-таки вы решили к олигархам-то повернуться вот так вот подробно, изучать этот вид человеческий? И сразу вопрос у меня к вам такой: на ваш... вот, по вашим наблюдениям, олигархи отечественного разлива, они отличаются от тех, которые живут там, на Западе?

В. Аксенов: Да я там не особенно общался с олигархами, но здесь я немножко общался с олигархами и так как-то себе представляю. И это тоже, кстати говоря, все возникло спонтанно, и я в принципе даже не представлял себе, что так пойдет все дело. Прежде всего у меня там появился сочинитель, в самом начале — старый сочинитель. Это мой такой привычный уже образ во всех последних сочинениях романических, там присутствует какой-то...

К. Ларина: Автор.

В. Аксенов: Старый сочинитель, да. Автор. И тут он... он только что закончил какой-то роман, и он так как-то ходит, не зная, что делать, не зная, где приткнуться. Действие все происходит в отдаленном Биаррице, и, в общем, он один там и все такое. Он начинает что-то писать, он чувствует, что что-то, вот, должно возникнуть, он один там внутри своего сада — да, там небольшой сад, там описания ботанические всякие идут. И наконец,

там вдруг появляется некий подросток, какой-то совершенно невероятный, англичанин. И он начинает о нем писать и вдруг понимает, что это какой-то продолжатель того, что было 30 с чем-то лет назад. У меня были две таких детских книги — «Мой дедушка-памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Это продолжение «дедушки». В первой книге герою Геннадию Стратофонову 12 лет, а во второй 13 лет.

К. Ларина: А в этой?

В. Аксенов: А в этой 43 года. В этой 43 года.

К. Ларина: Мой ровесник. Надо же, как интересно.

В. Аксенов: И он сидит в тюрьме. А вы на свободе.

К. Ларина: *(смеется.)* Пока еще!

В. Аксенов: А вы на свободе.

К. Ларина: А почему такой вот... представитель именно этого поколения у вас герой? Объясните мне, пожалуйста.

В. Аксенов: Ну, это все как...

К. Ларина: Или так случайно все просто получилось?

В. Аксенов: Как ни странно... все случайно, да. Как ни странно, мне тогда... мне все время говорили: «Вот ты написал две детские книги, почему ты третью-то не

напишешь? Надо же завершить такой триптих какой-то, трилогию. И надо написать». И я говорю: «Ну, напишу, когда-нибудь напишу». И продолжал писать что-то свое, другое. Потом у меня возник такой период, когда я... почему-то все появлялось в виде исторических книг. Скажем, «Московская сага» — это историческая книга.

К. Ларина: «Вольтерьянцы».

В. Аксенов: «Вольтерьянцы» — совсем историческая. «Москва-Ква-Ква»...

К. Ларина: «Москва-Ква-Ква», да.

В. Аксенов: ...историческая книга. И мне говорили: «Почему ты о современности не пишешь?» Я подумал: «Вот, надо о современности написать». И вот, тут вдруг этот сочинитель — его зовут Баз Оксилоту, этого сочинителя.

<...>

К. Ларина: Что-то похоже на Василия... на Василия Павловича.

В. Аксенов: Да. Но Оксилоту — это тритон, вообще, на самом деле. Меня как-то в Англии студенты называли профессор Оксилоту. Вот, и когда я понял, что это сидит в тюрьме вот тот самый... вернее, не он, не герой, а прототип.

К. Ларина: Ходорковский.

В. Аксенов: Это не Ходорковский. Ходорковский частично, да. Но вот это прототип моего героя, которому 43 года, и он прошел что-то, похожее на путь, трагический путь Ходорковского, да. Вот этот вот Ген Стратов, его зовут не Геннадий, а Ген, от слова «генетика». И не Стратофонов, а Стратов. И он пребывает в московской тюрьме Фортеция.

К. Ларина: Вы его выпустили из тюрьмы, скажите?

В. Аксенов: Мы его выпустили общими усилиями с персонажами, произошел штурм тюрьмы — странный, без всяких жертв.

К. Ларина: Бархатный.

В. Аксенов: Да... (Смеются.) Круче, чем бархатный. Путем взяток.

К. Ларина: Так, понятно.

В. Аксенов: А там оказались все мои герои, в этой тюрьме, всех книг.

К. Ларина: Все персонажи?

В. Аксенов: Все персонажи, да.

К. Ларина: Дальше вы их выпускаете?

В. Аксенов: Они все выходят, заодно с ними...

К. Ларина: Наконец. И жизнь наша меняется?

В. Аксенов: Неизвестно, что она меняется. Основные герои убегают оттуда на своем корпоративном самолете — все туда бухаются...

К. Ларина: Так. А куда убегают?

В. Аксенов: И летят, летят, не зная куда. Потом пилот выходит и говорит: «Пересекаем границу дружественной Белоруссии, далее граница недружественной Польши».

К. Ларина: То есть это, вот, самый оптимальный выход из сложившегося положения, Василий Павлович?

В. Аксенов: Ну, в общем-то, они другого выхода не видят, но там остается, часть корпорации остается на Родине. Ее возглавляет третий член триумvirата — это Гурам Ясношвили такой. Он уже пережил теракт, у него одна нога искусственная и одна рука частично искусственная.

К. Ларина: *(смеется.)* Это в фильме «Гонщики» — помните, был такой советский фильм, там Армен Джигарханян, по-моему, играл, вот, гонщика уже такого, пожилого, у которого была одна нога искусственная, одна рука искусственная, один глаз стеклянный *(смеется)*.

В. Аксенов: Это я не рассчитывал... да, да.

К. Ларина: Весь в шрамах, да. Хорошо. Значит, ну, вы поняли, что, конечно, Василий Павлович Аксенов

вам не весь сюжет рассказал, не всю фабулу, а только так, заинтриговал, мы заглянули только внутрь этой книги. Потому что книга большая, да, это роман, как и написано.

В. Аксенов: Это роман, да.

К. Ларина: Продолжают эти традиции сохранять...

В. Аксенов: Роман со стихами, между прочим.

К. Ларина: Естественно, а как же? Мы же знаем, что должен быть у Аксенова роман со стихами, и это тоже факт.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Значит, после новостей Майя Пешкова задаст свой вопрос, который она запомнит. Да, ты запомнила, что ты хотела спросить, да?

М. Пешкова: Более чем.

К. Ларина: Так, потом вы будете готовиться и присылать ваши вопросы либо на эсэмэс, либо по телефону прямого эфира, ну и, естественно, сегодня мы устраиваем такую конференцию, поскольку вопросы вы будете задавать Василию Павловичу Аксенову, и за каждый вопрос вы получаете новую книгу с автографом автора, «Редкие земли» — так называется эта книга.

<...>

М. Пешкова: Да, я хотела спросить: на форзаце, и на переднем, и на заднем, опубликован элемент аксений — что это такое?

К. Ларина: Это настоящий элемент?

В. Аксенов: Нет, это придумало издательство. Это, ну, вроде как акс, Аксенов, да — аксений.

К. Ларина: Так что, видишь, как.

М. Пешкова: Это еще один элемент к редким землям?

В. Аксенов: Здесь... здесь вот это вот, то, что вы видите на желтом фоне, это значок такой будет на презентации. Не продаваться, а бесплатно распределяться.

М. Пешкова: И я еще хотела спросить...

В. Аксенов: Довольно красивый значок. Вообще, все оформление, Ксения и Майя...

К. Ларина: Это издательство «Эксмо», кстати, мы не сказали.

В. Аксенов: ...мне очень нравится.

М. Пешкова: Да, кто же... кто это придумал?

В. Аксенов: Это Анна Тагути, дизайнер. Просто, по моему, у меня такой красивой книжки и не было никогда раньше. Идея и дизайн переплета — Анны Тагути.

М. Пешкова: Я знаю, что во время презентации будут представлены ее дизайнерские работы.

В. Аксенов: Да. Да, да, да. Да.

М. Пешкова: Что это будут за работы? Откройте нам тайну.

В. Аксенов: Там какая-то инсталляция на тему, вот, вашего покорного слуги, грешного человека. Вот какая-то инсталляция, такого рода. Я не видел ее, не знаю.

К. Ларина: Давайте уже перейдем к вопросам слушателей, поскольку здесь есть такие оригинальные вещи, типа, вот, от Кирилла пришел вопрос: «Нет ли среди элементов, используемых в вашем романе, модного полония?»

В. Аксенов: Модного полония?

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: А он не входит в число редкоземельных элементов.

К. Ларина: Редких. Так что, Кирилл, извините.

В. Аксенов: Там где-то 17 этих... но кое-какие другие подарки там имеются.

К. Ларина: «Как долго вы писали роман и корректировали ли первоначальную задумку в связи с текущими событиями в России?» — спрашивает Людмила.

В. Аксенов: Нет, нет, я не знаю, что имеет в виду Людмила, но, в общем...

К. Ларина: Ну, у нас события все время какие-то происходят в стране.

В. Аксенов: Но в принципе, это очень актуально по хронологии, потому что это, вот, недавно. Роман ведь всегда надо, как-то чтобы отойти, там, подальше. А тут такое, довольно-таки сильное приближение.

К. Ларина: «Как вы относитесь к теории евразийства России?» — спрашивает Галина.

В. Аксенов: Евразийство в России?

К. Ларина: Евразийства России.

В. Аксенов: Да. Ну, знаете, это, видимо, разные... по-разному можно к этой теме подходить, а вот у нас тут трактуется иногда, что Европа, вообще, уже скатывается в пучину какую-то распада полнейшего, а основная энергия остается в мусульманском мире и в арабском мире. Эта идея мне кажется абсолютно абсурдной, потому что творчество, созидание все-таки в основном сосредотачивается в Европе. В Европе. А вот там, где говорят, что есть какая-то невероятная энергия, — это энергия разрушения.

К. Ларина: Вы имеете в виду ислам?

В. Аксенов: Ислам.

К. Ларина: Вы... У вас гражданство французское есть, Василий Павлович?

В. Аксенов: Нет.

К. Ларина: То есть вы не голосуете?

В. Аксенов: Нет, не голосую.

К. Ларина: А за кого бы проголосовали из трех кандидатур? Просто это вот мой личный вопрос — мне интересно.

В. Аксенов: За американского должен голосовать, у меня американское есть.

К. Ларина: Нет, вот сейчас... просто мне интересно — сейчас вот выборы во Франции, вот там три кандидата, очень разных. Вот вы бы на ком свой выбор остановили?

В. Аксенов: Я бы за...

К. Ларина: Саркози?

В. Аксенов: ...за Ширака *(Смеется.)*

К. Ларина: Ну, Ширака нету, нету.

В. Аксенов: Мне как-то ни тот, ни другая не ахти как-то. Я не знаю, я в стороне от этого живу, на самом деле...

К. Ларина: А в Америке будете голосовать?

В. Аксенов: В Америке я буду голосовать, потому что я гражданин.

К. Ларина: «За» или «против»? Я имею в виду, демократы или республиканцы, кто ваши?

В. Аксенов: Я думаю, что Буш, в общем-то, в каком-то смысле совершил колоссальную службу своей стране, но, с другой стороны, уже хватит. И тут... я голосовал на тех выборах за Гора. Если Гор опять будет, я буду за него голосовать.

К. Ларина: На сей раз, может быть, ему повезет больше. И еще один вопрос, который тоже от слушателей уже пришел. Кстати, они очень про это просили спросить, еще когда было, событие произошло у нас здесь — сейчас поймете, какое: «Встречается ли президент американский с писателями? Если да, то о чем он с ними разговаривает?»

В. Аксенов: По-моему, насколько мне помнится, единственный президент, который встречался с писателями, — но не только с писателями, в этой группе были... это, в общем-то, была встреча Рональда Рейгана с диссидентами, в которые меня тоже включили, перед его визитом в Советский Союз. Вот там была и Ратушинская¹, там...

¹ Ратушинская Ирина Борисовна (1954 — 2017) — поэтесса, писательница, диссидентка.

К. Ларина: Но это другое, это все-таки такая, политическая история, да?

В. Аксенов: Это политическая.

К. Ларина: Это как встреча президента, там, с правозащитниками, допустим. А вот с собственными писателями встречается президент Буш, с американскими?

В. Аксенов: Очень может быть, но не группой.

К. Ларина: *(смеется.)* Группой не встречается, нет.

В. Аксенов: Нет. Нет.

К. Ларина: Вот как интересно. Потому что вы наверняка знаете, что у нас Владимир Владимирович Путин встречался с писателями, большую встречу...

В. Аксенов: Я, кстати, об этом узнал совершенно случайно. Меня, видно, не включили в число писателей...

К. Ларина: Там молодые, молодые писатели, вы там не нужны уже.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Там молодые писатели земли Сибирской.

В. Аксенов: Но перед этим была встреча с Дмитрием Анатольевичем Медведевым — вот это вот, там уже возрастного ценза не было.

К. Ларина: Вы там были?

В. Аксенов: Я был.

К. Ларина: Что скажете?

В. Аксенов: Очень интересно.

К. Ларина: Ну, скажите что-нибудь еще.

В. Аксенов: Ну, я не знаю, интересно то, что мы сидели в том же самом зале дома ЦДЛ, дома писателей, где душили альманах «Метрополь», нас вот всех. Нас было пятеро там...

К. Ларина: А кто там?

В. Аксенов: А этих секретарей было 50. И они нас все коллективно душили.

К. Ларина: Это тот самый зал заседаний был, да?

В. Аксенов: И... Да. И Дмитрий Анатольевич — мы рядом с ним сидели, — его это очень заинтересовало. И он говорит: «А вы, Василий Павлович, где тут сидели тогда?» Я говорю: «Вот я сидел на точно на этом месте, как сейчас». Ну, и вот на эту тему немножко поговорили. Сейчас, кстати, вышел недавно сборник журнала... то есть журнал «НЛО», и там напечатана стенограмма, которую вел Евгений Попов, то есть один из нас. А Кузнецов, который вел всю программу, секретарь московского отделения Союза писателей, кричал: «Что ты там, Женя, пишешь все? На кого ты работаешь?» (Смеется.)

К. Ларина: А он с точностью все застенографировал, да?

В. Аксенов: Ну, не очень точно, не очень точно, но все-таки достаточно приближенно к тому. Кончается эта запись так: «Аксенов: ты что, Феликс, дело нам шьешь?» (Смеется.) На этом кончается.

К. Ларина: Феликс Кузнецов, да?

В. Аксенов: Да. А он на самом деле шил какое-то дело политическое, а мне несколько раз сказал: «А с тобой все будет хорошо».

К. Ларина: Ну, он оказался прав.

В. Аксенов: Да, да, да.

<...>

В. Аксенов: Сергей, у меня уже, кажется, 9 пьес есть. Но они не пользуются почему-то, не пользуются... не пользуются...¹

К. Ларина: Не пользуются.

В. Аксенов: Не используются.

К. Ларина: Да. Не ставятся, короче.

В. Аксенов: Нет, некоторые вещи были поставлены — с большим шумом, кстати говоря.

¹ Ответ на предложение слушателя Сергея написать пьесу.

К. Ларина: «Все на продажу»?

В. Аксенов: «Всегда в продаже».

К. Ларина: «Всегда в продаже», да, простите.

В. Аксенов: И «Цапля в Париже» была — потрясающая постановка Антуана Витеза¹. Вот...

К. Ларина: А еще «Затоваренная бочкотара», но это проза.

В. Аксенов: Это не пьеса. Это не пьеса.

К. Ларина: Да, да, да. Но все равно.

В. Аксенов: Но так у меня... у меня даже в романе «Кесарево свечение» есть...

К. Ларина: Пьеса.

В. Аксенов: ...три пьесы. Три пьесы. Я их использовал, как такие, передышки в этом, прозаическом...

К. Ларина: Интермедии это называется — вот.

В. Аксенов: Да. Да. Вот. Вдохи и выдохи такие, статичные.

<...>

¹ Витез Антуан (1930—1990) — французский актер и театральный режиссер.

В. Аксенов: Да я не думаю, что так произошло примирение, что ли, или консолидация. Но это все потеряло остроту. В те времена, в советские времена, это носило такой, довольно критический такой характер, потому что «деревенщиков» поддерживала партия. Многие из них были просто в райкомах, там, в обкомах, и вот, они представлялись как истинные. А мы, так называемые горожане, мы были декадентами¹.

К. Ларина: А сегодня?

В. Аксенов: А сегодня как-то на это мало внимания обращают.

К. Ларина: Сегодня у нас есть патриотические писатели и либеральные писатели.

В. Аксенов: Ну, есть, конечно. Но такой остроты нет. Это уж тут зависит, тут коммерция вторгается в это дело и наводит порядок, на самом деле.

<...>

В. Аксенов: Ну, конечно, это все... это все вымысел автора, на самом деле. Но базирующийся на реальных исторических событиях. В частности, Екатерина и Вольтер всю жизнь... они 14 лет или 15 лет переписывались, они всю жизнь мечтали о встрече — она не состоялась. А в романе, вот, она состоялась. И многие вещи, так или иначе имевшие место в этой вот сфе-

¹ Ответ на вопрос слушательницы: преодолено ли разделение среди русских писателей на почвенников и западников.

ре исторической, которая там представлена, они тоже имели место. Например, Германия тогда была ареной бесконечных войн между мелкими немецкими государствами. Это тоже отражается. Или, например, бандит такой, под названием «казак Эмиль». Тут всякий, по моему, из русских читателей, всякий читатель может узнать Емельяна Пугачева, да? Вот такие вот вещи. А то, что там трагический конец, — ну, это, в общем, уже исход из жизни, уже старый Мишель уходит и шествует дальше. Вот, умирает человек — что там дальше происходит, никто не знает. А он как-то вот шествует в Элизиум, в Элизии происходит встреча с Вольтером. Вольтер уже стал частью древа... не Познания, а древа Воображения¹.

<...>

В. Аксенов: Да, это очень странно было. Мама, конечно, знала просто, наверное, в тысячу раз больше меня стихов, она еще обладала специфической такой памятью на стихи, но я тоже каким-то образом все-таки был приобщен, совершенно неожиданно для меня. Я, в общем, был такой, типичный советский подросток в 15 лет, но... 16 мне уже подходило к этому времени. Вот, но я что-то знал, например, Маяковского раннего, футуристического. Футуристический Маяковский был для меня просто кумиром. И я знал также и Игоря Северянина почему-то. Не помню, где я это все взял, это все было рассеяно, вообще-то, в разных библиотеках, но таким образом... как-то я все-таки этим интересовался. И вдруг моя

¹ Ответ на вопрос слушателя о романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

мама оказалась совершенно для меня таким, бездонным кладезем вот этой... приобщения к Серебряному веку¹.

К. Ларина: Спасибо вам, Вера, за этот вопрос. Несколькo вопросов, которые пришли на эсэмэс. Здесь такие они, политические вопросы, философские. Сергей из Тюмени спрашивает: «Как быть тем, кто не согласен с политикой властей? Собираться, как большевики, в лесу на болоте, или уж сразу уезжать на Запад, просить политическое убежище? Или стать конформистом?» Вот три пути, три путя. Ну-ка, что скажете, Василий Павлович?

В. Аксенов: Я уж не знаю... По-моему, нынешняя ситуация в стране, она дает какую-то возможность...

К. Ларина: Волеизъявления.

В. Аксенов: Волеизъявления, да. Во всяком случае, необязательно, там, в болотах прятаться, а где-то можно, скажем, пикетировать какие-то здания и выставить минут на пять, на шесть плакат.

К. Ларина: Пока не приедут.

(Смеются.)

В. Аксенов: Пока не приедут товарищи, да, товарищи из прошлого. Я думаю, что этой возможностью следует пользоваться.

¹ Ответ слушательнице Вере на просьбу рассказать о приезде в Магадан в 1946 году к матери, Евгении Гинзбург.

К. Ларина: В леса на болота не надо.

В. Аксенов: Да, да.

К. Ларина: Это-то точно ужасный путь в никуда. И очень много времени отнимает. Еще один вопрос от Тани: «Как вы считаете, народу лучше, если его воспитывают или потакают и пользуются этим? И что главное в нашем менталитете? Что делает его неизменяемым каким-то?» — пишет нам Таня.

В. Аксенов: Да чего-то как-то...

К. Ларина: Путано.

В. Аксенов: Не просек, как говорят *(смеется)*.

К. Ларина: Ну, воспитывать надо наш народ?

В. Аксенов: Надо ли воспитывать народ?

К. Ларина: Да.

В. Аксенов: Да? Народ должна церковь воспитывать, с моей точки зрения.

К. Ларина: Наша? РПЦ?

В. Аксенов: Нет, не наша.

К. Ларина: *(Смеется.)* А какая?

В. Аксенов: А идеальная, идеальная, идеальная церковь. Вот, с моей точки зрения, кто должен воспитывать народ. Правительство не имеет права воспитывать народ.

К. Ларина: А, вот еще один вопрос. Василий Павлович, а вот случилась трагедия — у нас дом престарелых сгорел.

В. Аксенов: Да, да.

К. Ларина: Погибли люди. По закону положена компенсация родственникам погибших, пострадавших. И власти, местные власти, они приняли решение не выплачивать компенсации родственникам погибших стариков, поскольку, типа, мол, сдали... и так, вот, сдали еще, сбросили, выбросили из дома, сбросили на государство своих старших родителей, да еще после этого еще будут, типа, наживаться на их гибели и смерти. Вот это, кстати, тот, на мой взгляд, — я не знаю, как вы, сейчас, если захотите прокомментировать это, — что это спорный очень момент, очень такой тонкий.

В. Аксенов: Очень... да.

К. Ларина: Вот это... не есть ли это тот самый случай, когда государство пытается воспитывать за счет...?

В. Аксенов: Я думаю, что если даже оно пытается таким образом воспитывать, это очень нехорошая по-

пытка. И здесь надо учитывать не то, что... не тот фактор, что вот эти погибшие старики как-то помогали своим родственникам, но фактор того, чтобы они... что они могут оставить что-то после себя для своих родственников, в трагических обстоятельствах они все-таки принесут какое-то наследство свое, понимаете? Своим оставшимся родственникам. Это было бы очень элегантно и правдиво так, со стороны. Они всю жизнь горбатели на государство, эти люди погибшие, и хотя бы какую-то малость...

К. Ларина: Учитывая мизерную ту пенсию, которую получают в нашей стране люди.

В. Аксенов: Да. Ничего они не получали от этого государства, от этой страны, — совсем ничего, кроме эксплуатации.

К. Ларина: Получается, после смерти у них еще и все равно отбирают.

В. Аксенов: И ничего вообще нет. Вот дайте какие-нибудь деньги их родственникам, как память об этих погибших людях.

<...>

В. Аксенов: Я бы ничего не стал бы спрашивать, потому что, если ты видишь снова Иисуса, время вопросов и ответов кончается¹.

¹ Ответ на вопрос слушательницы, какой бы вопрос задал Аксенов Иисусу Христу, если бы получил такую возможность.

К. Ларина: А! А президенту Путину если бы вы отправили эсэмэс? (Смеется.) Что бы вы в ней написали?

В. Аксенов: Я бы написал какую-нибудь японскую танку — знаете...

К. Ларина: Он любит Омара Хайяма, мы уже поняли.

В. Аксенов: А! Омара Хайяма!

К. Ларина: Да, да.

В. Аксенов: Ну, что-то там... не знаю.

К. Ларина: Ну что, мы должны уже заканчивать. У нас книги мы раздаем просто с невероятной щедростью — у нас уже много накопилось потенциальных победителей. Книга называется «Редкие земли». Василий Павлович, и все-таки, возвращаясь к книге: это отношения человека к деньгам или отношение человека к власти — вот что для вас важнее было вот в этой теме олигархической? Их происхождение...

В. Аксенов: Это и то, и другое. В общем-то, там... это не то, что там призывается им...

К. Ларина: Сочувствовать.

В. Аксенов: ...сочувствие.

К. Ларина: Мол, типа, олигархи — тоже люди.

В. Аксенов: Читатель призывает, да, что, сочувствуй, проливай над ними слезы и т.д. Это грустная, вообще, книга, грустная.

К. Ларина: А у вас веселых не бывает.

В. Аксенов: Ну как это не бывает, Ксеничка, ну как же? Сами хохотали, я видел.

К. Ларина: Здесь, кстати, тоже есть смешные моменты.

В. Аксенов: Да. Но там есть и этот элемент, что эти вот бешеные деньги, они к добру не очень приводят. Надо как-то умеренно более-менее все-таки. Использовать.

К. Ларина: Ну, потому что есть некий, как я понимаю, азарт, если говорить о... да?

В. Аксенов: В этом есть азарт, конечно. И в этом есть не только азарт, очень много других факторов. В частности, кстати, вот возникает некая альтернатива государству авторитарному, понимаете? Вот эти вот кланы, кланы такие, да, с невероятными какими-то деньгами, они возникают... они творят какую-то альтернативу, потому что человек может сказать: «Если меня выгонят, там, из какой-нибудь бухгалтерии, я пойду к какому-то буржую и на него буду работать». Это тоже альтернатива, в общем, на самом деле, да.

К. Ларина: В этой книге, как я понимаю, очень много из настоящей, из реальной вашей жизни, да? И место, и Биарриц наверняка?

В. Аксенов: На самом деле не так много.

К. Ларина: Нет?

В. Аксенов: Это вот... там просто действует, вот, автор — персонаж. Автор, ставший персонажем. А так, в основном, это люди, от меня отдаленные.

К. Ларина: Я просто почему вспомнила, сейчас мне вспомнилось, какое-то в «Огоньке», или где это было опубликовано, совершенно пронзительная какая-то история ваша про вашего соседа, который оказался русского происхождения...

В. Аксенов: Граф Толстой.

К. Ларина: Да, да.

В. Аксенов: Олег Толстой.

К. Ларина: Это где было, в «Огоньке»?

В. Аксенов: Это в «Огоньке» было, да.

К. Ларина: Потрясающая совершенно история. Я так понимаю, что...

В. Аксенов: Я очень рад, что вам понравилось.

К. Ларина: Из нее можно сделать книгу...

В. Аксенов: Я очень рад, что вам это понравилось, да.

К. Ларина: Это случайно, действительно вот случайно произошло?

В. Аксенов: Совершенно случайно. Это просто его вдова, Наталья, графиня Наталья — молодая еще сравнительно женщина, — она попросила как-то, вот, ну, напомнить, то есть... ну, в общем, что-то о нем написать. Я подумал, что «Огонек» — самый лучший будет орган печати именно для такого.

К. Ларина: Какие-то особые люди совершенно.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Там наверняка, если покопаться, там наверняка столько людей можно встретить интересных вокруг вашего имения.

В. Аксенов: Да, да. *(Смеются.)* Да.

К. Ларина: И вот вам еще книга.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Вот мы вас сейчас напомним творческими планами с Майей. Да?

В. Аксенов: Да, да, да. У меня как-то...

К. Ларина: *(Смеется.)* Не нужное? Нет?

В. Аксенов: Есть. Пока нет, пока нет.

К. Ларина: Ну а что тогда дальше? Что сейчас у вас на столе творится?

В. Аксенов: Конфиденциальность соблюдается.

К. Ларина: Ага!

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Следующую случайную книгу, как говорит Василий Павлович, — у него все книги случайные.

В. Аксенов: Да. *(Смеется.)*

К. Ларина: «Москва-Ква-Ква» тоже была случайная. Ну что же, Василий Аксенов, «Редкие земли», роман, который вышел только что, и его можно уже... его можно уже покупать? Майя, ты знаешь.

В. Аксенов: Пока нет.

К. Ларина: Нет еще?

М. Пешкова: Нет, пока нет.

В. Аксенов: Через неделю.

К. Ларина: Через неделю. Ждем.

В. Аксенов: Через неделю, да.

К. Ларина: Красивая белая книга — вот тут рождение человека нарисовано.

В. Аксенов: Да.

К. Ларина: Да?

В. Аксенов: А другая сфера — там автор в серединке. Вот, пожалуйста.

К. Ларина: Уже родившийся?

В. Аксенов: Да. *(Смеется.)*

К. Ларина: Хорошо. Спасибо! Мы на этом должны заканчивать нашу программу. Василию Павловичу, как всегда, огромное спасибо за то, что он так искренне и лаконично отвечал на вопросы как наши, так и наших слушателей. И сейчас пойдем обратно в гостевую комнату подписывать книги победителям.

В. Аксенов: Всего доброго, до свидания!

«Эхо Москвы»,
23 сентября 2007 года

Ведущие: Ксения Ларина, Майя Пешкова

Гости: Василий Аксенов, Ирина Барметова, главный редактор журнала «Октябрь»

Михаил Генделев, литератор

<...>

В. Аксенов: Арендвали прежде всего Оперный театр¹, который там начали строить в 37-м году. И мой папа, будучи изгнанным из горсовета, он был председатель горсовета, его швырнули на стройку этого Оперного театра. И он до ареста строил этот пять месяцев Оперный театр, не успел построить.

К. Ларина: Театр начал строиться как раз в год вашего рождения.

В. Аксенов: Нет, это в год моего ареста. Мне было пять лет, меня тоже увезли. Сначала маму, потом папу, потом меня.

М. Пешкова: Это когда вы с игрушкой попали в детский дом?

¹ Аксенов имеет в виду предстоящий первый «Аксенов-фест» в Казани.

В. Аксенов: Да, в детский дом.

Но Оперный театр так и не достроили. Его строили после войны. Во время войны, конечно, его никто не строил, а после войны — огромные колонны пленных немцев. Я помню, как они там работали. И жили там они на этой территории. И так долго-долго его мурыжили, мурыжили, мурыжили этот театр.

Я его так и не видел, пока был студентом там. Никогда, никакой надежды не было увидеть.

Потом вдруг — раз! И достроили.

<...>

В. Аксенов: Был там когда-то секретарь обкома партии Тобеев, потом посол советский в Афганистане. Его в университете Казанском спросили: «А как вы относитесь к нашему земляку писателю Аксенову?» Он ответил: «Я таких писателей не знаю. Есть хулиган Аксенов. Это верно. К нему я отношусь плохо».

<...>

В. Аксенов: Они мне все туда посылали телеграммы, в Биарриц¹.

<...>

К. Ларина: Прямо день в день, что называется. Да?

В. Аксенов: И Майя Афанасьевна², когда позвонили от Владимира Владимировича, ей говорят: «Ну возьмите карандаш, запишите» (меня не было дома), она стала записывать на бумажке для супермарше: что там покупать, сколько там помидоров, лука и так далее. И сбоку получился очень красивый списочек.

¹ Аксенов рассказывает, как прошел его 75-й день рождения в Биаррице.

² Жена писателя Майя Афанасьевна Овчинникова (1930—2014).

<...>

В. Аксенов: Дело в том, что будет еще второй вечер в университете¹.

К. Ларина: В Казанском?

В. Аксенов: В Казанском, да. И там, я думаю, будет активный зал и будут спрашивать.

А что касается джаза, ведь Казань была оазисом джаза в Советском Союзе, где все это было запрещено.

Когда я переехал из Магадана, а я там, в Магадане, слушал все время джазуху такую американскую, она близко была. И я совершенно обалдел, увидев, что в Казани поселился огромный биг-бэнд американский, Олега Лундстрема, и 28 человек. И они все в разных там местах разместились: кто в ресторане, кто в Оперном театре, играли в ямах. А иногда собирались вместе и вламывали свинг. Это вот наше счастье было.

<...>

К. Ларина: Василий Павлович, а что спрашивали в Одессе?²

В. Аксенов: Ну, обычное вообще для интеллигентной публики — это вообще в рамках фестиваля театров происходило. И все люди, участвовавшие в фестивале, они были там. Но были еще, было и полно других. И, так как Юра там играл все время, создавал ритмы. Это поразительная вещь: я ему не давал никаких, никаких, так сказать, намеков, он сразу подхватывал и начинал вы-

¹ Продолжается разговор о первом «Аксенов-фесте».

² Имеется в виду недавний вечер Аксенова в Одессе.

двигать какой-то свой ритм, который толкал меня вперед. И я заводился и начинал даже приплясывать чуть-чуть. И кричал в зал: «Давайте, танцуйте в проходах!» А потом увидел, что проходов нет, — все там заполнено людьми.

Ну, спрашивали. У них свои ведь выборы. Ни одного вопроса о русско-украинских отношениях не было.

К. Ларина: А чем вы это объясняете?

В. Аксенов: Я не знаю почему.

К. Ларина: Может быть, им запретили про это спрашивать?

В. Аксенов: Сомневаюсь. Они, видимо, как-то сами не решили этого вопроса, и поэтому какой-то заезжий москаль там, чего он нам скажет? У нас сложные такие отношения.

К. Ларина: А про что спрашивали тогда? Что их интересовало?

В. Аксенов: Спрашивали про литературу, в основном. Про литературу: вот вы написали то-то, а вот это почему вы написали? Что значит «Фудзиямы» там, и так далее. Вот такие вещи.

<...>

В. Аксенов: Вообще, у меня был опыт более масштабный в Самаре.

В 93-м году меня первый раз пригласили на «Аксеновские чтения». Ну, это продолжалось три-четыре дня, а потом каждый год! Каждый год все расширялось, превращалось в фестиваль.

М. Пешкова: В институте?

В. Аксенов: Нет, нет, уже в филармонии. И так семь лет подряд, пока у них там не задушили демократию, свободу и все прочее. *(Хохочет.)*

М. Пешкова: Василий Павлович! Давайте, мы поговорим: что там происходит у вас в творчестве? Что вы там готовите?

В. Аксенов: А что готовлю? Да вообще-то рано об этом говорить. В принципе, я долго не могу без этого процесса. И сейчас так начал слегка, так понемножечку писать о детстве о своем. Это не мемуары, это амаркорд, конечно, такой своеобразный, но не мемуары. Он будет довольно сюрреалистический. То есть там будет масса реальных моментов, и уже хотя бы потому, что предварительное название называется «Лэндглизинг»¹, — это вот про поколение, которое могло бы просто деградировать до конца, без помощи Запада. И вот так — постепенно, понемногу я продвигаюсь, прыгаю из одного года в другой. Нет последовательности: то мне три года, то мне двенадцать лет, там вот в таком духе.

К. Ларина: Но это все от первого лица?

В. Аксенов: Иногда от первого, иногда — от мальчика, которого зовут Акси-Вакси.

И там есть еще один герой, удивительный чудо-богатырь, такой Иван Мясопьянов. Этот генерал-пилот и

¹ Роман остался незавершенным, был передан в издательство «Эксмо» в 2010 году уже после смерти писателя составителем настоящей книги и опубликован под названием «Ленд-лизовские».

руководитель восточной части ленд-лиза, вот от которой шли от Чукотки, от Камчатки «дугласы», самолеты «дугласы». А он сидел в Казани и был влюблен в тетю Акси-Вакси. Тетю называли «Тетя Котя». Он за ней приезжал на «Виллисе» и увозил ее отсюда.

К. Ларина: Это реальные все персонажи?

В. Аксенов: Это реальное лицо, но измененное имя. Но еще к тому же он был драматург, и он написал пьесу для местного театра — «Вынужденная посадка». И нам давали детям контрамарки. Мы там просто от хохота умирали вообще

<...>

К. Ларина: А вы знаете, что «Бочкотару» возобновили в театре Табакова?

В. Аксенов: Я смотрел.

К. Ларина: Да? Ну, как?

В. Аксенов: По-моему, замечательно!

К. Ларина: Совсем другое поколение же.

В. Аксенов: Каменькович показал себя прежде всего таким зрелым мастером. Он тогда сделал здорово в тот раз, а в этот раз — что-то особенное.

К. Ларина: А вы знаете, что «Крутой маршрут» возили в Париж впервые?

В. Аксенов: Да, знаю.

К. Ларина: А вы там не были на спектакле?

В. Аксенов: Я не был, потому что я только что уехал из Парижа.

К. Ларина: А вы знаете, что там просто было что-то потрясающее! Они просто обалдели.

В. Аксенов: Да, я слышал, слышал: стояли, плакали, слезы были, да.

М. Пешкова: Василий Павлович, а как вас издают во Франции? Мишель Парфенов по-прежнему ваш издатель?

В. Аксенов: Мишель Парфенов меня издает. И вот перед отъездом пришли «Москва-Ква-Ква». То есть они называются не так, а называются (по-французски) — «Леззот де Моску» — вот так вот.

К. Ларина: Или «Москва-Ква-Ква».

«По телевидению смотрел фильм про уважаемого юбиляра, — пишет нам Николай. — «Биарриц-пляж» — девушки в купальниках. Василий Павлович смотрел-смотрел и говорит: «Нет! Москвички лучше». Василий Павлович! Так держать»!!!

В. Аксенов: *(Хохочет.)* Это интересно — девушка прислала или кто?

К. Ларина: Это Николай.

В. Аксенов: Это Николай? Да, да. К сожалению, там мало русских девушек в Биаррице — почти нет.

М. Пешкова: Пять часов от Парижа, это далеко разве?

В. Аксенов: Я не видел вообще ни одной русской девушки на пляже. Почему они не появляются там?

К. Ларина: Девушки! Бискайский залив ждет вас! И Василий Павлович Аксенов лично!

В. Аксенов: Наверное, слишком богатые и живут в самом дорогом отеле, а там это все огорожено.

<...>

М. Пешкова: Василий Павлович, а как получилось так, что вы не публиковались в журналах? Что ваши произведения, ваши романы выходили отдельными книгами, а в журналах то, что называется, было пусто? Я помню, как все бегали за «Коллегами» в свое время, за журналом.

В. Аксенов: Ну тогда я маленькие романы писал, а сейчас — большущие. Поэтому их трудно. Ирина Николаевна¹ испытывает, конечно, трудности чисто такого формального характера. Но в двух — получается, в двух номерах получается. А, скажем, «Кесарево свечение» невозможно напечатать в двух номерах.

¹ Барметова, главный редактор журнала «Октябрь», где публиковались последние романы Василия Аксенова.

<...>

К. Ларина: А вот в этой книжке Василия Павловича — вот я ее смотрю — «Край недоступных Фудзиям», здесь собраны из всех романов стихи? Да?

В. Аксенов: Да. Я думаю, что, в общем, из всех, которые могли быть.

К. Ларина: То есть из «Ожога»?

В. Аксенов: Из «Ожога» есть. Из «Ожога» довольно много. Там без рифмы, но они ритмические.

К. Ларина: Ну, как бы такие джазовые импровизации очень напоминают хорошо.

В. Аксенов: Да, да, да.

К. Ларина: Жалко, что мы не прочитали ничего. Василий Павлович мог бы прочесть нам.

В. Аксенов: Название взято из последней строфы про дикую индейку, которая прилетает, является, потрясает всех своей красотой, «но если кто-то возалкает ее на блюде с боку ямс», она тотчас же улетает в край неприступных Фудзиямс».

К. Ларина: Ну, вот, на этом закончим. Спасибо большое! Василий Аксенов.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
БОЛЬШАЯ ПРОЗА. ВАСИЛИЙ АКСЁНОВ

Аксёнов Василий Павлович

ОСТРОВ ЛИЧНОСТЬ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Ахметьева*
Младший редактор *М. Мамонтова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *В. Андриановой*
Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибуитор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Драмбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.07.2017. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Swift LightС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 1 500 экз. Заказ 3568

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля букинисто-бумажными
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижегород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самара. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 269-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д.24, литера В, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Cartu в г. Минске. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жумова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Кавказстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровский, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д.9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-99502-8

9 785699 995028 >

Василий Аксёнов (1932—2009) — один из самых популярных и любимых русских прозаиков, кумир шестидесятников, лауреат многочисленных литературных премий. Его рассказы и повести стали символом «оттепели», его романы читали в «застойные» годы, несмотря на их запрет. Книги Аксёнова и фильмы, снятые на их основе, популярны и сегодня. В 2017 году Василию Аксёнову исполнилось бы 85 лет. Эта книга — дань памяти замечательному писателю.

Остров Личность

«Остров Личность» — уникальная книга, в которую вошли очерки и публицистика Василия Аксёнова, в том числе его выступления на радио, ранее не публиковавшиеся.

Аксёнов никогда не абстрагировался от несчастий окружающего мира, отвергал возможность уединения в «башне из слоновой кости». «Я, как писатель, абсолютно независим, я — анархист, куда меня понесет перо, туда я и поплыву, не обращая ни на кого внимания. Но как гражданин я считаю себя обязанным принимать участие в политической жизни, хотя бы отчасти», — считал он.

ISBN 978-5-699-99502-8

9 785699 995028 >